

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ
ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»**

На правах рукописи

ТУПИКОВА Вера Андреевна

**НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И
ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ**

специальность 5.4.1. Теория, история и методология социологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
Доктор социологических наук, профессор
Пузанова Жанна Васильевна

Москва 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. НАЦИОНАЛЬНО- ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	14
1.1. Феномен идентичности в социальных науках: классические теории и современные подходы к изучению.....	14
1.2. Теоретико-методологические подходы к исследованию национально-гражданской и этнической идентичности.....	50
1.2.1. Зарубежный опыт.....	50
1.2.2. Особенности исследования национально-этнической идентичности в России.....	69
Глава 2. ИЗМЕРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БОЛЬШИНСТВА: ЭМПИРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	90
2.1. Анализ эмпирических исследований национально-этнической идентичности: результаты, методологические направления и концептуальные тенденции.....	90
2.2. Национально-этническая идентичность: опыт социологического исследования.....	116
2.2.1. Сплоченность как маркер национально-этнической идентичности: экспертная оценка и всероссийский опрос.....	116
2.2.2. Образ русских в российском медиапространстве: контент-анализ визуальных художественных медиа среди молодежной группы.....	163
2.2.3. Национально-этническая самооценка: сравнение результатов фокус-групп в национальной республике и многонациональной столице.....	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования

В условиях современного глобализированного мира вопросы национальной и этнической идентичности приобретают особую значимость, особенно для стран с многонациональным составом населения, к которым относится Россия. По данным последней переписи населения, на территории Российской Федерации проживают представители более 190 народов и этнических групп¹, что формирует уникальную социокультурную ситуацию и многомерное этноконфессиональное пространство.

На протяжении последних десятилетий в российском обществе наблюдаются сложные процессы трансформации идентичностей под влиянием таких факторов, как урбанизация, миграция, цифровизация социальных коммуникаций и изменение государственной национальной политики. Эти изменения сопровождаются как укреплением наднациональных идентичностей, так и возрождением локальных этнических самоопределений, что актуализирует необходимость комплексного изучения данного феномена.

Особую значимость исследование аспектов национальной и этнической идентичности приобретает в контексте роста социальной мобильности, активизации миграционных потоков внутри страны и на ее внешних рубежах, а также появления новых форм взаимодействия между этническими сообществами. В этой связи становится важным понять, каким образом россияне разных поколений, регионов и этнических групп конструируют и актуализируют собственную идентичность в условиях социальной изменчивости.

Актуальность темы также обусловлена тем, что этническая идентичность выступает важным регулятором социальных отношений, определяя как индивидуальное поведение, так и коллективные практики.

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami

Нередко именно этническая идентичность становится основанием как для интеграции, так и для социальной дистанции, формирования образов «своих» и «чужих». В условиях межэтнического взаимодействия, особенно в полиэтнических регионах России, от характера идентификационных установок зависит качество межгрупповых отношений и уровень социальной стабильности.

Кроме того, в современном социологическом знании сохраняется дискуссионность в определении структуры и функций национальной и этнической идентичности, степени ее изменяемости, роли внешних и внутренних факторов в ее формировании. Несмотря на наличие значительного количества исследований в этой области, остаются нерешенными вопросы влияния современных социальных трансформаций на содержание и проявление этнической идентичности у россиян. По сей день сохраняется концептуальная неопределенность в соотношении категорий «русские» и «россияне». Эти понятия используются как в обыденной речи, так и в научных дискуссиях, однако их содержательные границы остаются размытыми. Это создает дополнительные сложности при изучении национальной и этнической идентичности, так как требует не только эмпирического анализа, но и аккуратной концептуализации терминов, с учетом исторических, культурных и политических особенностей России.

Помимо фундаментальных научных вопросов, в настоящее время в России национально-этническая идентичность вызывает и прикладные вопросы: отношение к мигрантам и гражданским этническим меньшинствам, пост-советские проявления идентичности русских и россиян, вопросы региональной миграции и т.д. Опираясь на данные российских исследований, можно говорить, что особенно эти вопросы касаются младшей молодежной группы (примерно 18-24 года).

Подобная тенденция в целом подтверждаются исследованием ВЦИОМ: в исследовании межнациональных отношений молодежь оказалась группой, наиболее критически настроенной к мигрантам (20%)². Сравнивая данные о

² Межнациональные отношения и проблема иммиграции // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical->

проявлениях настороженного отношения к мигрантам, замеряемого количественными опросами, и непосредственно криминального проявления ксенофобии, измеряемого в рамках наблюдения и контент-анализа³, можно говорить о том, что идет рост полярных проявлений: с одной стороны, растет декларируемый уровень толерантности, с другой – растет уровень преступности в отношении мигрантов.

Таким образом, социологическое исследование феномена национальной и этнической идентичности российской молодежи необходимо для практического понимания контекста, в котором формируется будущее большинство населения России, какие вызовы это может за собой понести и какие способы профилактики могут оказаться наиболее действенными.

В рамках данной работы этническая идентичность понимается как осознание и переживание человеком своей принадлежности к определенному этносу, выражающееся в признании общности происхождения, языка, культуры, обычаев, исторической памяти и системы ценностей. Это форма социальной идентификации, возникающая в процессе социализации и поддерживаемая через практики культурного наследования, внутриэтнической коммуникации и символической репрезентации этнического «мы». Национальная идентичность, в свою очередь, включает в себя чувство принадлежности к *гражданской* нации, единству с соотечественниками вне зависимости от этнического происхождения, что связано с общей системой институтов, правовым полем, гражданской культурой и политическими символами. Национальная идентичность формируется в контексте функционирования государства-нации и его идеологического дискурса. Термин «национальная [идентичность]» в рамках данной работы используется взаимозаменяемо с термином гражданская и национально-гражданская идентичность. Также используется термин «национально-этническая идентичность»: феномен интегрированной

reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnye-otnoshenija-i-problema-immigracii

³ Напр.: База данных // Исследовательский центр «Сова» URL: <https://www.sova-center.ru/database/>

синтетической формы идентичности, сочетающий в себе элементы как этнической, так и национальной идентичности. Она проявляется в одновременном осознании своей принадлежности как к определенной этнической группе, так и к гражданской нации, с принятием общегражданских ценностей и норм, при сохранении этнокультурной специфики.

Степень научной разработанности проблемы

Исследования национальной идентичности в моноэтнических государствах опирались преимущественно на эссенциалистские подходы, рассматривающие нацию как объективно существующую, исторически сложившуюся и относительно неизменную общность, объединенную общим происхождением, культурой и ценностями. Одним из наиболее последовательных представителей этого направления был У.Коннор, утверждавший, что нация формируется на основе глубинных связей между людьми, прежде всего – кровного родства и общего этнического происхождения⁴.

Конструктивистский подход представлен в трудах Б.Андерсона, который анализировал нацию как символически сконструированное воображаемое сообщество⁵; работах Э.Хобсбаума, исследовавшего роль «изобретенных традиций» в национальном строительстве⁶; а также исследованиях национализма Э.Геллнера⁷.

В последующем социологический интерес к гражданской идентичности усилился в контексте процессов демократизации, глобализации и этнополитических конфликтов. Ю.Хабермас разработал концепцию конституционного патриотизма, в рамках которой гражданская идентичность формируется на основании солидарности, основанной на разделении универсальных демократических ценностей и правового равенства, а не

⁴ Connor W. Ethnonationalism: The quest for understanding. – 2018. – 248 p.

⁵ См., напр.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. .С. П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

⁶ См., напр.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года //СПб.: Алетейя. – 1998. – 320 с.

⁷ См., напр.: Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

этнического или культурного сходства⁸. Этот подход стал особенно востребованным в многонациональных государствах и в условиях миграции, где вопросы интеграции и признания различий приобретают особую значимость.

Современное понимание национальной (гражданской) идентичности сформировалось в XX веке на основе различий между этническими и гражданскими формами принадлежности. Исследования Г.Кона задали основу различию между этническими и гражданскими нациями⁹. Кон подчеркивал, что гражданская идентичность основывается на общей политико-правовой культуре, равенстве гражданских прав и свобод и коллективном признании политических институтов, в отличие от этнической идентичности, базирующейся на происхождении и культурной общности.

В рамках примордиального подхода этническая идентичность трактуется как глубоко укорененная и объективно существующая реальность, основанная на кровнородственных, территориальных и культурных связях. Классиками данного направления являются Э.Шилз и К.Гирц, утверждавшие, что этнические связи воспринимаются индивидом как данность, наделенная эмоциональной силой и объективной природой¹⁰.

В советской традиции яркими представителями примордиализма были Ю.В. Бромлей¹¹, Л.Н. Гумилев¹² и другие, акцентировавшие этнос как устойчивую, историко-культурную общность, репродуцируемую сквозь поколения благодаря неизменным психологическим и институциональным механизмам.

Структуралистский подход в работах К.Леви-Стросса¹³, и структуралистско-конструктивистский подход российских исследований

⁸ См., напр.: *Habermas J.* Inclusion of the other: Studies in political theory. – John Wiley & Sons, 2018. – 348 p.

⁹ См., напр.: *Kohn H.* The idea of nationalism: A study in its origins and background. – Routledge, 2017. – 800 p.

¹⁰ По: *Eller J. D., Coughlan R. M.* The poverty of primordialism: The demystification of ethnic attachments // *Ethnic and racial studies*. – 1993. – Vol.16. – №. 2. – P. 183-202.

¹¹ Рыбаков С. Е. К вопросу об этническом феномене // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2012. – №. 2 (108). – С. 147-156.

¹² Там же.

¹³ См., напр.: *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – DirectMEDIA, 1983. – 399 с.

Ю.Г.Арутюняна и Л.М.Дробижевой¹⁴, фокусировались на адаптивных функциях этнических практик внутри социальной системы, сочетая гибкость конструктивистского подхода с учетом структурных условий.

В рамках конструктивистского подхода сильнее всего выражается дихотомия «этнос-нация». Например, Р.Брубейкер¹⁵ рассматривал роль политических и институциональных факторов в этнической идентичности. В отечественной традиции В.А.Тишков также развивал конструктивистские представления, рассматривая этнос как результат историко-политического процесса, а не как неизменную данность¹⁶. Э.А.Паин, например определяет себя как «сторонника умеренно-конструктивистской концепции¹⁷»: в его работах признается социально-конструируемая природа этнической идентичности, но при этом учитывается влияние историко-культурных и институциональных факторов, обеспечивающих ее относительную устойчивость в определенных социальных контекстах.

Теоретико-методологические основания диссертации

Диссертационное исследование опирается на социологические и социально-психологические подходы к изучению национальной и этнической идентичности как типах социальной идентичности, такие как теория идентичности, теория социальной идентичности, теория неопределенности идентичности. Методологическая база исследования обусловлена спецификой поставленных задач. В работе использованы общенаучные методы исследования.

Объект: национально-этническая идентичность как социологический концепт.

Предмет: теоретические и методологические подходы к исследованию национально-этнической идентичности.

¹⁴ См., напр.: Дробижева Л. М., Арутюнян Ю. В. Многообразие культурной жизни народов СССР. – 1987. – 303 с.

¹⁵ См., напр.: Брубейкер Р. Этничность без групп /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.

¹⁶ См., напр.: Тишков В. А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021. – 416 с.

¹⁷ Паин Э. А. Между империей и нацией //Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М. – 2003. – С. 15.

Цель: разработка и апробация подходов к измерению национально-этнической идентичности на эмпирическом уровне.

Задачи диссертационного исследования:

1. Проанализировать основные теоретические подходы к пониманию социальной идентичности в классической и современной социологической теории, с акцентом на работы, заложившие основы изучения этнической и национальной принадлежности;
2. Систематизировать и сравнить методологические подходы к изучению национальной, гражданской и этнической идентичности, включая зарубежные и отечественные научные традиции;
3. Рассмотреть особенности концептуализации национально-этнической идентичности в российских социологических исследованиях, включая специфику употребления понятийного аппарата и логики измерения;
4. Провести обзор существующих эмпирических исследований национально-этнической идентичности, с выделением методологических стратегий, операционализации понятий и типичных индикаторов;
5. Осуществить исследовательскую триангуляцию для анализа национально-этнической идентичности русских россиян, объединяя данные всероссийского опроса, контент-анализа визуальных художественных медиа и результатов фокус-групп в различных региональных контекстах, с целью выявления маркеров, структур и вариативности идентичности в современной России.

Научная новизна и значимость результатов диссертационного исследования определяется обозначенным выше характером проблемного поля и решением основных задач работы и состоит в:

1. Концептуализации феномена национально-этнической идентичности.
2. Выявлении форм национально-этнической идентичности и их классификации, основанной на характере мотивации к проявлению маркеров.

3. Классификации маркеров проявления национально-этнической идентичности; концептуализации их гибридного проявления в современной России.

4. Проведении комплексного исследования проявлений маркеров национально-этнической идентичности с использованием собственного инструментария и сочетания методов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социальная идентичность есть социально обусловленное явление, которое формируется и изменяется в процессе социального взаимодействия, носит динамический и контекстно обусловленный характер, требует социальной верификации.

2. Национально-этническая идентичность может принимать как позитивные, конструктивные формы (патриотизм, умеренный национализм), так и негативные, агрессивные проявления (шовинизм, этнический радикализм). В России проявляется амбивалентность гражданской и этнической идентичностей, которые могут одновременно сосуществовать и конкурировать друг с другом. Эти две формы идентичности не всегда четко разграничиваются, создавая методологические сложности и понятийную неопределенность.

3. К национальной идентичности в качестве маркеров относятся признание формального членства в государстве: гражданство, воинский долг, уплата налогов, доверие к институтам, использование официального флага, гимна и языка, участие в общегосударственных ритуалах, гордость за историю страны и готовность брать ответственность за ее судьбу. К этнической идентичности – индикаторы кровного происхождения, родового или семейного предания, «родного» языка, религиозной принадлежности, традиционных обрядов, акцента, локального фольклора и воспроизводимых в семье обычаев. Часть признаков действует двояко: территория проживания, коллективная память о прошлом, символические представления о «родной земле», а также повседневные нормы вежливости, семейные сценарии и

популярная культура способны одновременно подпитывать и национальную, и этническую самоидентификацию. В современной России именно гибридное соединение этих слоев обеспечивает устойчивость больших коллективов, позволяя удерживать баланс между открытой культурной динамикой и потребностью в символическом постоянстве.

4. Классификационная схема маркеров состоит из трех уровней: когнитивный – знание и образ общности, аффективный – эмоциональная оценка и чувство гордости или дистанции, поведенческий – готовность действовать в интересах группы и дистанция по отношению к «чужим».

5. Национально-этническая идентичность русских россиян сегодня проявляется как мягкая, но устойчиво двуслойная конструкция. Она использует гражданскую оболочку для легитимации широкой сплоченности и этнокультурный слой для эмоционального самоукрепления, особенно в периоды неопределенности.

Эмпирическую базу исследования составило авторское исследование, использующее методы экспертного и массового опроса, фокус-групп, а также исследование с помощью метода контент-анализа.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты диссертационного исследования способствуют уточнению понятия «национально-этническая идентичность» как гибридная форма идентичности индивидов в мультиэтническом государстве, что в свою очередь способствует проведению эмпирических исследований на релевантную тематику.

Апробация результатов исследования. Апробация заключалась в публикации 4 статей, в издательствах из списка РУДН:

- Тупикова, В. А. Социальная сплоченность в российском обществе: результаты эмпирического исследования/ В. А. Тупикова, Е. К. Мисятува, Л. Е. Мурзинов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 25. – №. 2. – С. 425-437.

- Тупикова, В. А. Концептуализация феномена негативной идентичности / В. А. Тупикова, Ю. С. Масюк, Е. А. Смирнова // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 4(192). – С. 82-89.

- Тупикова В. А., Гудкова Я. А., Овчинников-Лысенко Е. Г. Эмпатия студентов в контексте риска экстремизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23. – №. 3. – С. 579-589.

- Тупикова В. А. Теория социальной идентичности в изучении формирования экстремистских групп: обзор релевантных исследований // Теория и практика общественного развития. – 2022. – №. 12 (178). – С. 88-92.

5 статей и тезисов, индексируемых в РИНЦ:

- Тупикова, В. А. Сплоченность в России: теоретические аспекты и экспертная оценка / В. А. Тупикова, Я. А. Гудкова // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы : Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО Издательский дом "Сциентиа", 2023. – С. 388-392.

- Тупикова В. А. Историческая память в России: институциональный аспект // Переустройство мира: исследования (в) новой реальности. – 2023. – С. 52-55.

- Гудкова Я. А., Тупикова В. А. Негативная идентичность горожанина: дихотомия идентичности приезжего студента // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2023» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2023.

- Тупикова, В. А. Предпосылки изучения институционального насилия в России // XVI ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ В МОСКВЕ 8–10 октября 2021 г. Сборник научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых факультета гуманитарных и социальных наук. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2021. – С. 306-316.

- Тупикова, В. А. Первичная типологизация институционального (государственного) насилия на основе существующих теоретических работ и

исследований // Научный журнал «Коррекционно-педагогическое образование». – 2021. – № 30. – С. 244-252.

И представлении 4 докладов:

- Гудкова Я.А., Тупикова В.А. «Сплоченность в России: теоретические аспекты и экспертная оценка» // Всероссийская научная конференция «XVII Ковалевские чтения. Российское общество сегодня: институты, ценности, процессы» 16 – 18 ноября 2023 года»

- Гудкова Я.А., Тупикова В.А. «Негативная идентичность горожанина: дихотомия идентичности приезжего студента» // XXX МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ЛОМОНОСОВ»

- Тупикова В.А., Гудкова Я.А. «Формирование профессиональной идентичности социологов в рамках возможностей предоставляемых университетом» // XVII Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Роль социологии в конструировании России будущего»

- Гудкова Я.А., Тупикова В.А. «Формирование профессиональной идентичности педагогов в условиях экстремизма» // Всероссийская научно-практическая конференция «Молодежь в современном мире: противодействие экстремизму»

Структура диссертации подчинена цели и задачам исследования: работа состоит из введения, 2 глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Глава 1. НАЦИОНАЛЬНО- ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Феномен идентичности в социальных науках: классические теории и современные подходы к изучению

Феномен «идентичности» широко распространен в современной социальной науке, охватывая психоанализ, психологию, политологию, социологию, философию и историю. Однако общепринятое употребление термина «идентичность» противоречит значительной вариативности как его концептуальных значений, так и его теоретической роли. Даже когда рассмотрение ограничивается социологией, вариации все равно возможны.

Современное внимание к вопросам «идентичности» затрагивает вопросы репрезентации, рефлексивности и символического конструирования, которые являются ключевыми для социологии. Однако само понятие «идентичность» является неопределенным и может использоваться по-разному; «идентичность» – это «размытое, но необходимое» понятие, которое может быть определено как: «Опыт субъекта в рамках категорий, связей, ролей, сетей, групп или организаций в сочетании с публичным представлением этого опыта; [который] часто принимает форму общей истории, нарратива»¹⁸.

Теория идентичности Эрика Эриксона строится на представлении о том, что ощущение человеком своей целостности и устойчивости формируется на протяжении всей жизни, в процессе прохождения различных стадий психосоциального развития. Идентичность, по Эриксону, – это не врожденное качество, а продукт взаимодействия индивида с социальной средой и культурными нормами¹⁹.

¹⁸ Tilly C. Citizenship, identity and social history //International review of social history. – 1995. – Vol.40. – №. S3. – P. 7.

¹⁹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Identity: Youth and Crisis : перевод с английского : учебное пособие : пер. с англ. / Э. Эриксон. – 2-е издание. – Москва : Флинта : Прогресс : Московский психолого-социальный институт, 2006. – 352 с.

Центральное место в его концепции занимает идея о стадийности развития личности. Эриксон выделял восемь стадий психосоциального развития, на каждой из которых индивид сталкивается с определенным конфликтом или кризисом. Разрешение этих конфликтов определяет, какие личностные качества сформируются и насколько успешно человек интегрируется в общество. Наиболее важным с точки зрения формирования идентичности является подростковый возраст, когда личность переживает кризис идентичности, который Эриксон описал как конфликт между идентичностью и ролевой неопределенностью. На этом этапе человек ищет ответ на вопрос «кто я?» в контексте социума, экспериментирует с различными социальными ролями, идеологиями, группами, пробует разные модели поведения. Итогом становится формирование или неформирование целостного представления о себе как о члене общества.

Если этот кризис разрешается успешно, у человека формируется устойчивая идентичность – ясное и внутренне согласованное ощущение себя и своего места в социальной системе. В противном случае развивается состояние ролевой путаницы, когда человек не может определить свои жизненные ориентиры, ценности, социальные связи и позиции, что в дальнейшем затрудняет процесс социализации.

Хотя Эриксон говорил прежде всего об эго-идентичности, его теория стала основой для более поздних концепций социальной идентичности, разрабатываемых в социальной психологии и социологии. Он первым обратил внимание на то, что идентичность формируется в рамках социальных взаимодействий и зависит от признания со стороны значимых других и социальных групп. Идентичность по Эриксону – динамичное и подверженное изменениям образование, которое может переживать кризисы на разных этапах жизни, особенно в условиях социальной нестабильности или резких перемен.

Участие в группе возникает из эволюционной потребности в принадлежности к группе, защищать себя, выживать и развиваться²⁰.

²⁰Over H. The origins of belonging: Social motivation in infants and young children //Philosophical Transactions of

Групповая принадлежность в широком смысле определяется как «совокупность индивидов, которые придерживаются общей социальной идентификации или считают себя членами одной и той же социальной категории»²¹. Условия принадлежности к определенной группе широки: они могут варьироваться от временного членства, основанного на маргинализации индивида или ограниченной по времени деятельности, до более устойчивых, стабильных или демографических переменных. Групповая принадлежность может также представлять собой восприятие индивидом своей социальной идентичности, которая, в свою очередь, может способствовать проявлению группового поведения²².

В рамках социальной психологии концепция социальной идентичности выросла из осознания реальности группы и ее отличительного вклада в социальное познание и поведение. Основная идея заключалась в том, что группы не только являются внешними характеристиками мира, но и интернализируются, внося свой вклад в самоощущение человека²³. Теория социальной идентичности Анри Тэшфела и Джона Тернера предполагает, что после отнесения к той или иной группе и определения себя в соответствии с этой социальной категоризацией, люди стремятся достичь или сохранить позитивную самооценку путем положительного отличия своей ингруппы от сравниваемой аутгруппы по какому-либо ценному измерению²⁴.

Оценка ценности группы происходит по трем измерениям: стабильность группы, ее легитимность и проницаемость. Стабильность – это степень, в которой статусные позиции группы считаются изменчивыми, а легитимность – в какой степени статусная структура принимается как легитимная. Проницаемость относится к степени, в которой отдельные члены группы члены могут покинуть одну группу и присоединиться к другой.

the Royal Society B: Biological Sciences. – 2016. – Vol.371. – №. 1686

²¹ Stets J. E., Burke P. J. Identity theory and social identity theory //Social psychology quarterly. – 2000. – P. 225.

²² Hogg M. A., Rinella M. J. Social identities and shared realities //Current opinion in psychology. – 2018. – Vol.23. – P. 6-10.

²³ Turner J. – C. et al. A self-categorization theory //Rediscovering the social group: A self-categorization theory. – 1987. – P. 399-417.

²⁴ Tajfel H., Turner J. – C. The social identity theory of intergroup behavior //Political psychology. – Psychology Press, 2004. – P. 276-293.

Воспринимаемая стабильность, легитимность и проницаемость, взаимодействуя, определяют когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции на межгрупповой контекст и стратегии, направленные на достижение позитивной отличительности.

Конкретным эмпирическим катализатором этого понимания стала серия исследований, проведенных Тэшфелем и его коллегами в начале 1970-х годов. Ключевой вывод, который был сделан в результате этих исследований, заключался в том, что даже самых урезанных условий было достаточно, чтобы стимулировать реакции, благоприятствующие внутригрупповому взаимодействию: при использовании матриц для присвоения баллов неидентифицированным членам внутренней и внешней групп, участники, как правило, отклонялись от стратегии справедливости, присуждая больше баллов членам внутренней группы, чем членам внешней²⁵. При этом участники явно отказались от стратегии, которая служила бы максимизации абсолютной экономической выгоды их внутренней группы, в пользу стратегии, которая максимизировала их относительную выгоду по сравнению с внешней группой. Позже такой подход был назван парадигмой минимальной группы.

Для Тернера²⁶ и Тэшфела²⁷ наиболее важным результатом стала возможность предположить, что простого акта отнесения индивидов к категории членов группы было достаточно, чтобы заставить их проявлять внутригрупповой фаворитизм. Этот вывод подразумевал, что значимые формы группового поведения (в данном случае дискриминация) не могут быть полностью объяснены, если их понимать исключительно «в рамках "объективных" конфликтов интересов или в рамках глубоко укоренившихся мотивов, которым [они] могут служить»²⁸.

²⁵ *Tajfel H.* Experiments in intergroup discrimination //Scientific american. – 1970. – Vol.223. – №. 5. – P. 96-103.

²⁶ *Turner J. – C.* Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behaviour //European journal of social psychology. – 1975. – Vol.5. – №. 1. – P. 1-34.

²⁷ *Tajfel H. E.* Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. – Academic Press, 1978. – 474 p.

²⁸ *Tajfel H. et al.* Social categorization and intergroup behaviour //European journal of social psychology. – 1971. – Vol.1. – №. 2. – P. 171.

Один из важнейших выводов, который вытекал из вышеупомянутых исследований минимальной группы, заключался в том, что, когда участники классифицировали себя как членов группы, это придавало их поведению особый смысл. Более конкретно, Тэшфел утверждал, что «социальная категоризация требует установления отчетливой и позитивно оцениваемой социальной идентичности»²⁹. Он определил социальную идентичность как «часть Я-концепции индивида, вытекающая из его знания о своей принадлежности к социальной группе (или группам) вместе с эмоциональной значимостью, придаваемой этой принадлежности»³⁰. Другими словами, социальная идентичность – это часть ощущения человеком того, «кто он есть», связанного с любым интернализованным членством в группе³¹. Таким образом определение социальной идентичности можно отличить от понятия личной идентичности, которое относится к самопознанию, основанному на уникальных качествах индивида.

Отметив особую способность социальной идентичности «создавать и определять место индивида в обществе»³², Тэшфел и Тернер сформулировали свою теорию межгруппового поведения социальной идентичности. Как следует из названия основополагающей главы их работы, это «интегративная теория», которая рассматривает как когнитивные, так и мотивационные основы межгрупповой дифференциации. По сути, она предполагает, что после отнесения к категории с точки зрения принадлежности к группе и определения себя с точки зрения этой социальной категоризации, индивиды стремятся достичь или поддерживать положительную самооценку, положительно дифференцируя свою внутреннюю (ин-) группу от внешней (аут-) группы, сравнивая по какому-либо ценностному измерению.

²⁹ *Tajfel H.* Social identity and intergroup behaviour // *Social science information*. – 1974. – Vol.13. – №. 2. – P. 84.

³⁰ Там же, P. 69.

³¹ *Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J. W.* Self-categorisation, commitment to the group and group self-esteem as related but distinct aspects of social identity // *European journal of social psychology*. – 1999. – Vol.29. – №. 2-3. – P. 371-389.

³² *Tajfel H. et al.* An integrative theory of intergroup conflict // *Organizational identity: A reader*. – 1979. – Vol.56. – №. 65. – P. 59.

Тэшфел и Тернер выделили три переменные, от которых зависит, будет ли связь между социальной категоризацией и предвзятостью³³:

1. степень, в которой индивиды идентифицируют себя с внутренней группой и усваивают принадлежность к этой группе как аспект своей я-концепции;
2. степень, в которой преобладающий социальный контекст обеспечивает почву для сравнения и конкуренции между группами;
3. воспринимаемая значимость внешней группы сравнения.

Несмотря на то, что исследования минимальной группы представляют собой часть исследования, с которым классически ассоциируется теория социальной идентичности, на самом деле они дают лишь ограниченное представление об аналитическом потенциале теории. Второй важный набор идей исследует, как на познание и поведение людей влияет движение в межличностно-межгрупповом континууме. Эти идеи развились из аргумента Тэшфела о том, что поведение в целом может быть представлено в терминах биполярного континуума. На одном полюсе этого континуума взаимодействие определяется исключительно характером и мотивациями индивида как личности (т.е. межличностным поведением). На другом полюсе поведение определяется исключительно принадлежностью человека к группе (т.е. межгрупповым поведением)³⁴. Проводя это различие, Тэшфел предположил, что межгрупповое и межличностное поведение качественно отличаются друг от друга: группы – это не просто совокупности индивидов, и групповое поведение не может быть объяснено в терминах принципов межличностного общения³⁵.

Тэшфел понимал, что точное место индивидов в межличностно-межгрупповом континууме является следствием взаимодействия социальных и психологических факторов. Среди этих психологических факторов он

³³ Там же, Р.60.

³⁴ Levine J. M., Hogg M. A. (ed.). Encyclopedia of group processes and intergroup relations. – Sage, 2010. – Vol.1. 798 p.

³⁵ Mcleod S. Solomon Asch-conformity experiment //Simply Psychology. – 2018. – Vol.28.; Mayo E. Hawthorne and the western electric company //The social problems of an industrial civilization. – 1949. – P. 1-7.

утверждал, что особенно важны идеологические структуры убеждений человека: считалось, что они лежат в другом континуме между идеологией социальной мобильности и идеологией социальных изменений³⁶. Убеждения в социальной мобильности характеризуются представлением о том, что люди могут свободно перемещаться между группами с целью улучшения или поддержания своего социального положения. Они основаны на предположении, что данная социальная система является гибкой и, в частности, что границы между группами проницаемы. Убеждения в социальных изменениях, с другой стороны, основаны на предположении, что невозможно сбежать из своей группы, чтобы продвинуться как личность. Если кто-то поддерживает такую точку зрения, то единственная перспектива улучшения негативных условий (или поддержания позитивных) заключается в коллективных действиях.

Третье направление теории социальной идентичности объединяет элементы двух представленных выше – анализ дискриминации в исследованиях минимальной группы и движения в межличностно-межгрупповом континуме. Это объединение достигается путем изучения того, как общее понимание людьми статусных отношений приводит к различным стратегиям самосовершенствования. Как статус человека и предполагаемая основа этого статуса влияют на его попытки относиться к себе позитивно?

Теория социальной идентичности предполагает, что, когда члены групп с низким статусом считают, что групповые границы проницаемы, они должны отдавать предпочтение стратегиям индивидуальной мобильности, основанным на личной идентичности, – попытке просто «перейти» из группы с низким статусом в более ценную. Они должны попытаться «продвинуться вперед», «выйдя из группы». Однако, когда они считают, что границы непроницаемы (так что членство в группе фиксировано и «выйти» невозможно), такие стратегии исключаются. Здесь, если социальные

³⁶ *Tajfel H.* The exit of social mobility and the voice of social change: Notes on the social psychology of intergroup relations // *Social Science Information.* – 1975. – Vol.14. – №. 2. – P. 101-118.

отношения надежны, предполагается, что члены группы с низким статусом попытаются пересмотреть либо природу межгрупповых отношений, либо ценность ингруппы (или и то, и другое), продемонстрировав социальную креативность. Они могли бы сделать это, например, приняв убеждение, что «возможно, мы не так богаты, как они, но мы более дружелюбны»³⁷. Если отношения непроницаемы и небезопасны, члены групп с низким статусом с большей вероятностью вступят в социальную конкуренцию с аутгруппой с высоким статусом, коллективно участвуя в конфликтных процессах, направленных на изменение статус-кво (способами, недоступными индивидуальной и социальной креативности).

Большое количество социально-психологических исследований подтвердило эти предсказания и уточнило их значение для целого ряда социальных явлений. В частности, фундаментальное экспериментальное исследование Наоми Эллемерс и ее коллег подтвердило, что структурные изменения в межгрупповых отношениях действительно влияют на поведение членов группы с низким статусом способами, предусмотренными теорией социальной идентичности³⁸. Исследование, проведенное Стивеном Райтом и его коллегами, также показало, что члены групп с низким статусом гораздо более склонны применять стратегии конфликта, когда доступ к группе с высоким статусом невозможен и поведение этой группы кажется неправомерным. При других условиях – особенно когда группа с высоким статусом продвигает некоторых «символических» членов группы с низким статусом – поведение членов группы с низким статусом гораздо менее вероятно бросит вызов статус-кво³⁹.

Более поздние работы с точки зрения теории самокатегоризации стремились формализовать условия, при которых конкретные социальные

³⁷ Terry D. J., Carey C. J., Callan V. J. Employee adjustment to an organizational merger: An intergroup perspective // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2001. – Vol.27. – №. 3. – P. 267-280.

³⁸ Ellemers N., Spears R., Doosje B. Self and social identity // *Annual review of psychology*. – 2002. – Vol.53. – №. 1. – P. 161-186.

³⁹ Wright S. – C., Taylor D. M., Moghaddam F. M. Responding to membership in a disadvantaged group: From acceptance to collective protest // *Journal of personality and social psychology*. – 1990. – Vol.58. – №. 6. – P. 994-1003.

идентичности становятся значимыми, и последствия этого для восприятия и действий. Одним из ключевых выводов автора теории Тернера было то, что социальная идентичность фактически позволяет межгрупповому поведению иметь место: «социальная идентичность является когнитивным механизмом, который делает групповое поведение возможным»⁴⁰. С этим связано и то, что чувство общей социальной идентичности является основой для социального влияния и организации. Это объясняется тем, что, когда люди воспринимают себя как разделяющих принадлежность к группе с другим человеком в заданном контексте, они не только ожидают согласия с этим человеком по вопросам, имеющим отношение к их общей идентичности, но и мотивированы активно стремиться к достижению согласия и координировать свое поведение в отношении этих вопросов.

Вполне вероятно, что участники групп с высоким и низким статусом по-разному воспринимают внутригрупповую структуру. Например, проницаемые групповые границы могут означать возможность восходящей социальной мобильности для ущемленных групп, но могут представлять угрозу внутригрупповой идентичности для доминирующей группы. Аналогично, для низкостатусных групп стабильные и легитимные статусные отношения могут означать отсутствие возможности для коллективных действий, в то время как для доминирующих групп они означают безопасность. Однако важны не только статусные позиции в социальной структуре, но и идеологические рамки, в которых эти позиции и структура понимаются.

Социология имеет свою собственную хорошо развитую теоретическую и эмпирическую традицию изучения самости и идентичности.

Эмиль Дюркгейм не использовал в своих трудах современное социологическое понятие «идентичность», но его работы содержат элементы, тесно связанные с тем, что позже будет описано этим термином. В социологии Дюркгейма индивидуальное «я» неразрывно связано с моральными и

⁴⁰ Haslam S. A., Reicher S. D., Reynolds K. J. Identity, influence, and change: Rediscovering John Turner's vision for social psychology // *British Journal of Social Psychology*. – 2012. – Vol.51. – №. 2. – P. 206.

нормативными структурами общества. Он понимал личность не как изолированное, автономное существо, а как социальный факт, сформированный внешними силами. В работе «*О разделении общественного труда*» Дюркгейм утверждал, что по мере эволюции общества от механической к органической солидарности источник индивидуального самопонимания соответственно меняется. В обществах, характеризующихся механической солидарностью, индивиды воспринимают себя в первую очередь как неотличимых членов коллектива, объединенных общими убеждениями и практиками. Таким образом, чувство личности индивида является отражением коллективного сознания, термина, который Дюркгейм использовал для описания совокупности общих убеждений, ценностей и моральных установок, которые действуют как объединяющая сила в обществе⁴¹.

Дюркгейм исследовал отношения между индивидом и коллективом через призму религии и ритуала. Он утверждал, что религиозные ритуалы и символы служат средством выражения и укрепления коллективного сознания. Участвуя в ритуальных действиях, люди испытывают то, что Дюркгейм назвал «коллективным возбуждением» – обостренное эмоциональное состояние, возникающее в результате совместных собраний, которое укрепляет социальные связи и подтверждает коллективные ценности⁴². В эти моменты люди не только связываются с группой, но и начинают понимать свое место в ней. Моральный авторитет общества, символически представленный в религиозных формах, помогает структурировать восприятие индивидом себя в отношении коллектива.

Дюркгейм утверждал, что социальные факты – нормы, обычаи, правовые кодексы и коллективные убеждения – существуют вне личности, но оказывают на нее принудительное воздействие. Эти социальные факты

⁴¹ Юдин Г. Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. – 2013. – Vol.12. – №. 2. – С. 122-132.

⁴² Трофимов С. В. Эмиль Дюркгейм о роли религии в общественной жизни. Обоснование выбора элементарной религии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2019. – Vol.25. – №. 3. – С. 173-197.

предоставляют категории мышления и действия, через которые люди приходят к пониманию мира и своего места в нем. Таким образом, личность формируется обществом и через общество; личностные характеристики и чувство собственного «я» являются социальными производными. Анализ Дюркгейма подразумевает, что идентичность, хотя и не называется таковой, социально конструируется через отношения личности с социальными нормами и коллективными представлениями.

В своей работе он также рассмотрел последствия ослабления социальной интеграции. Дюркгейм выделил различные типы самоубийств, связанные с разной степенью социального регулирования и интеграции. Например, эгоистическое самоубийство происходит, когда индивиды отрываются от коллектива, теряя чувство принадлежности и общей цели. Это состояние отражает кризис в отношениях индивида с обществом, когда отсутствие прочных социальных связей подрывает структуру, через которую люди черпают смысл и самопонимание⁴³.

Толкотт Парсонс также не давал явного теоретического определения идентичности в современном понимании этого термина, но аспекты того, что позже будет отнесено к области исследований идентичности, заложены в его структурно-функционалистской концепции. Центральным элементом теории Парсонса является концепция социальной системы, в которой индивиды занимают определенные позиции и выполняют определенные роли в соответствии с установленными нормами и ценностями. Парсонс концептуализировал индивида как носителя ролей, личное поведение которого структурируется социально предписанными ожиданиями. Эти роли являются частью более широких институционализированных моделей поведения, которые поддерживают социальный порядок⁴⁴.

⁴³ Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; переводчик А. Н. Ильинский ; под редакцией В. А. Базарова. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 316 с.

⁴⁴ Рубанов А. В. Социальный порядок: традиции и современные подходы к изучению // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. — 2017. — №. 1. — С. 45-56.

Парсонс ввел связку «статуса-роли» как базовой единицы социальной системы⁴⁵. Каждый индивид участвует в нескольких ролевых позициях, и все они вместе определяют положение человека в обществе. С помощью этой концепции Парсонс рассмотрел, как индивиды усваивают ценности своего общества и воплощают их в жизнь через типичное ролевое поведение. Таким образом, личность понимается не как автономная, изолированная сущность, а как функция выполнения индивидом своих ролей в институциональных условиях. Процесс социализации, который Парсонс рассматривал как пожизненную интеграцию индивидов в культурную и нормативную систему, обеспечивает соответствие личного поведения ожиданиям общества. Эта интернализация ценностей формирует то, что сейчас считается идентичностью индивида, хотя Парсонс формулировал это в первую очередь в терминах роли и статуса, а не субъективного самовосприятия.

Парсонс также рассмотрел процесс, посредством которого индивиды согласовывают свои роли в различных институциональных контекстах, таких как семья, религия, образование и экономика. В своей совместной работе с Робертом Бейлсом «*Семья, социализация и процесс взаимодействия*» Парсонс исследовал, как первичная социализация в семье формирует склонности, ценности и способности индивидов к выполнению ролей в более широком обществе⁴⁶. Семья служит важным местом для развития того, что Парсонс назвал аффективной и инструментальной ролевой ориентацией, закладывая основу для дифференцированных ролей взрослых в профессиональной и общественной сферах.

Питер Бергер и Томас Лукман рассмотрели концепцию идентичности в книге «*Социальное конструирование реальности*» через анализ процессов, с помощью которых индивиды конструируют, поддерживают и переживают социальную реальность. В феноменологической социологии идентичность понимается как продукт социальных процессов, а не как предсуществующий

⁴⁵ Grabb E. G. Theories of Social Inequality: Classical and Contemporary Perspectives. – Holt, Rinehart and Winston of Canada, 1990. – P. 101.

⁴⁶ Bales R. F., Parsons T. Family: Socialization and interaction process. – Routledge, 2014. – 440 p.

или автономный атрибут индивида. Бергер и Лукман утверждали, что социальная реальность непрерывно создается в ходе диалектического процесса, состоящего из экстернализации, объективации и интернализации⁴⁷. Экстернализация относится к способам, которыми индивиды выражают себя и проецируют свои значения в мир посредством действий и взаимодействий. Эти выражения накапливаются и объективируются, то есть приобретают вид объективной, независимой реальности, которая противостоит индивидам как нечто внешнее по отношению к ним. Через интернализацию индивиды абсорбируют эти объективированные социальные факты и интегрируют их в свое сознание, тем самым формируя свои субъективные переживания и самопонимание.

Бергер и Лукман подчеркивали важность социализации в конструировании идентичности. Первичная социализация, происходящая в раннем детстве, особенно важна, поскольку она знакомит индивида с целостным и само собой разумеющимся миром значений⁴⁸. На этом этапе значимые другие люди, как правило, члены семьи, передают основополагающие типизации и роли, которые формируют основу для самосознания индивида. В ходе этого процесса индивид не только учится действовать в рамках определенного социального мира, но и начинает воспринимать себя в соответствии со структурой этого мира. Вторичная социализация, которая происходит позже в жизни, знакомит человека с дополнительными, специализированными социальными реалиями и укрепляет или модифицирует идентичность, сформированную в ходе первичной социализации⁴⁹.

Бергер и Лукман утверждали, что идентичность поддерживается и стабилизируется посредством процессов легитимации, которые дают социально санкционированные объяснения существования социальных

⁴⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – 1995. – С. 61.

⁴⁸ Окольская Л. А. Социализация с точки зрения социального конструктивизма и теорий социального воспроизводства // Вопросы воспитания. – 2010. – №. 1. – С.2.

⁴⁹ Там же.

порядков и ожиданий⁵⁰. Благодаря этим механизмам идентичность личности закрепляется в более широком социальном порядке, делая социальные определения себя и своей роли естественными и неизбежными. Кроме того, постоянное взаимодействие с другими людьми играет важную роль в подтверждении идентичности. Бергер и Лукман описали процесс поддержания идентичности как зависящий от взаимодействия в повседневной жизни, где другие люди подтверждают и поддерживают представление индивида о себе через признание и взаимную типизацию⁵¹.

Чарльз Кули и Джордж Мид рассматривали формирование личности как процесс, происходящий в рамках социальных взаимодействий. Кули в своей концепции вводит понятие «зеркального Я» (looking-glass self), которое стало одним из ключевых понятий в социологической теории личности⁵².

Согласно Кули, представление человека о самом себе формируется через социальное взаимодействие, в процессе которого индивид воспринимает себя глазами других людей. Это восприятие включает три основных компонента:

1. Воображение того, как мы выглядим в глазах другого человека.
2. Воображение того, как этот человек оценивает нас.
3. Формирование чувства – например, гордости или стыда – на основе предполагаемой оценки.

Таким образом, социальное взаимодействие функционирует как «зеркало», в котором человек видит отражение своей личности через призму восприятия других. Это отражение влияет на самооценку и поведение индивида.

Кули подчеркивал, что этот процесс особенно интенсивен в рамках первичных групп – семьи, друзей, ближайшего окружения – где межличностное общение наиболее тесное и значимое. Именно в этих группах

⁵⁰ Попова И. Социологический подход к исследованию легитимности и легитимации //Социология: теория, методы, маркетинг. – 2001. – № 3. – С. 21–41.

⁵¹ Berger Peter L., Luckmann T. The social construction of reality //A Treatise in the Sociology of Knowledge. – 1966. – P.150.

⁵² Cooley C.H. Human Nature and the Social Order. – New York: Charles Scribner's Sons, 1922. – 460 p.

формируются основные социальные чувства, установки и нормы, которые становятся основой личности.

Кули также отмечал, что восприятие себя через призму других может быть искаженным, поскольку оно основано на воображаемых оценках, а не на объективной реальности. Тем не менее, эти воображаемые оценки оказывают реальное влияние на поведение и самоощущение человека.

Таким образом, теория «зеркального Я» Кули демонстрирует, как социальное взаимодействие и восприятие другими людьми играют ключевую роль в формировании самосознания и идентичности личности. Эта концепция оказала значительное влияние на развитие социологической и психологической мысли, а также на последующие исследования в области символического интеракционизма.

Джордж Мид развил идеи Кули и создал более структурированную концепцию социализации, основанную на теории символического интеракционизма. Его теория социализации представляет собой фундаментальный вклад в развитие символического интеракционизма и социологии личности. Основные идеи Мида изложены в его посмертно опубликованной работе «Разум, Я и Общество»⁵³, где он рассматривает формирование самости (self) как продукт социального взаимодействия и коммуникации.

В отличие от Кули, который акцентировал внимание на восприятии себя через призму мнений других, Мид сосредоточился на активной роли индивида в процессе социализации. Он утверждал, что личность формируется не просто как отражение взглядов окружающих, а через активное усвоение социальных ролей и норм в процессе взаимодействия с другими людьми.

Центральным понятием в теории Мида является «принятие роли другого», что означает способность индивида представить себя на месте другого человека и оценить свои действия с его точки зрения. Этот процесс начинается в детстве и проходит через несколько стадий:

⁵³ Mead G. H. Mind, self & society. – University of Chicago press, 2015. – 536 p.

1. Стадия игры: ребенок играет роли значимых других (например, родителей, учителей), что позволяет ему понять различные социальные позиции и начать формировать представление о себе.

2. Стадия игры с правилами: ребенок участвует в организованных играх с установленными правилами, что требует понимания и принятия ролей всех участников. На этой стадии формируется способность учитывать ожидания «обобщенного другого» – обобщенного представления о социальных нормах и ценностях общества в целом.

Мид также выделяет два компонента самости: «me» – это социальный аспект личности, сформированный под влиянием ожиданий и норм общества, он представляет собой усвоенные установки и роли, которые индивид принимает в процессе социализации; «I» – это спонтанная, творческая часть личности, которая реагирует на социальные ситуации и может инициировать изменения в поведении. «I» представляет собой источник индивидуальности и новизны в действиях человека.

Таким образом, самость по Миду – это динамическое единство «Me» и «I», где «Me» обеспечивает стабильность и соответствие социальным ожиданиям, а «I» вносит элементы новизны и индивидуальности. Этот процесс постоянного взаимодействия между «Me» и «I» формирует полноценную личность, способную к саморефлексии и адаптации в обществе.

Теория Мида подчеркивает, что личность не является изначально заданной, а формируется в процессе активного взаимодействия с социальной средой через освоение символов, языка и ролей.

Идентичность можно определить как набор интегрированных идей о себе, ролях, которые индивид играет, и качествах, которые делают индивида уникальным. Это подразумевает относительно стабильную сущность, которая воспринимается как внутренне согласованную и используется для поддержания границ между собой и другими⁵⁴. Однако сам этот образ может

⁵⁴ Gergen K. J. Theory of the self: Impasse and evolution //Advances in experimental social psychology. – Academic Press, 1984. – Vol.17. – P. 49-115.

быть просто конструкцией, которая постоянно меняется и существование которой скорее иллюзорно, чем реально. Стэнфорд Лайман и Марвин Скотт представляют себе идентичность как совокупность социальных ролей, которые человек играет в различных ситуациях и которые вместе создают впечатление чего-то «трансситуационного», или большего, чем сумма его частей⁵⁵. Тернер, аналогично, указывает на последовательность «ситуационных личностей», которые индивид проживает, перемещаясь между социальными условиями, и которые «усредняются» для создания общего чувства идентичности. Здесь процесс концептуализации феномена идентичности сталкивается с тем, что Стефани Лоулер считает центральным парадоксом идентичности: она сочетает в себе понятия одинаковости и непрерывности с понятиями разделения и отличия⁵⁶.

Понимающая (интерпретивистская) социология, в частности, занимается взаимоотношениями между собой и обществом⁵⁷, которые являются взаимосоставляющими: социальный мир создается людьми, взаимодействующими рутинизированными и упорядоченными способами, а значения, которые они придают этому опыту, формируются этими самыми шаблонами в виде социально выстроенных структур, институтов и нормативных рамок. Макс Вебер, на работах которого основана эта традиция, утверждал, что социология должна включать в себя интерпретативное изучение социального действия: процесс, посредством которого индивиды организуют и осмысливают свое поведение, принимая во внимание значения и мотивы других людей⁵⁸. Индивиды думают, чувствуют и ведут себя не как изолированные индивиды, а как социальные акторы с реляционным сознанием.

⁵⁵ Lyman S., Scott M. Stage fright and the problem of identity //A Sociology of the Absurd. – 1970. – P. 159-188.

⁵⁶ Lawler S. The middle classes and their aristocratic others: Culture as nature in classification struggles //Journal of Cultural Economy. – 2008. – Vol.1. – №. 3. – P. 245-261.

⁵⁷ Hewitt J. Ethical components of researcher—researched relationships in qualitative interviewing //Qualitative health research. – 2007. – Vol.17. – №. 8. – P. 1149-1159.

⁵⁸ Ghosh P. Max Weber, Werner Sombart and the Archiv für Sozialwissenschaft: the authorship of the 'Geleitwort' (1904) //History of European Ideas. – 2010. – Vol.36. – №. 1. – P. 71-100.

Ирвинг Гоффман провел различие между личной идентичностью («единая, непрерывная запись фактов», которая документирует жизнь человека, например, на фотографиях), социальной идентичностью («совокупность атрибутов», считающихся обычными, естественными и нормальными для членов признанной категории) и эго-идентичностью (субъективное ощущение человеком своего характера, развивающееся со временем)⁵⁹. Он использует в своем исследовании «драматургический подход», интересуясь способом представления, используемым актором, и его значением в более широком социальном контексте⁶⁰. Взаимодействие рассматривается как «представление», формируемое окружающей средой и аудиторией, сконструированное таким образом, чтобы обеспечить других «впечатлениями», которые согласуются с желаемыми целями актора. Представление существует независимо от психического состояния индивида, поскольку личность часто приписывается индивиду, несмотря на его или ее неверие в представление или даже незнание его. Гоффман использует пример врача, который вынужден давать плацебо пациенту, полностью осознавая свое бессилие, в результате желания пациента получить более обширное лечение. Таким образом, индивид развивает идентичность как функцию взаимодействия с другими людьми посредством обмена информацией, которая позволяет давать более конкретные определения идентичности и поведения.

Таким образом, процесс установления социальной идентичности становится тесно связанным с концепцией «фронта», который описывается как «та часть деятельности индивида, которая регулярно функционирует общим и фиксированным образом, определяя ситуацию для тех, кто наблюдает за выступлением»⁶¹. Фронт действует как средство стандартизации, позволяя другим людям понимать индивида на основе проецируемых черт характера, которые имеют нормативное значение. Будучи «коллективным

⁵⁹ Goffman E. Stigma and social identity //Understanding Deviance. – Routledge, 2014. – P. 256-265.

⁶⁰ Goffman E. The presentation of self in everyday life. – 1959 – 259 p.

⁶¹ Там же, P.49.

представлением», фронт устанавливает надлежащую «обстановку», «внешний вид» и «манеру поведения» для социальной роли, которую принимает на себя актер, объединяя интерактивное поведение с личным фронтом. Актер, чтобы выглядеть убедительно, вынужден как выполнять обязанности социальной роли, так и последовательно сообщать другим людям о действиях и характеристиках роли.

Этот процесс, известный как «драматическая реализация»⁶², основан на действиях по «управлению впечатлением», контролю (или отсутствию контроля) и передаче информации посредством представления. При создании имиджа информация об актере передается через различные коммуникативные источники, все из которых необходимо контролировать, чтобы эффективно убедить аудиторию в уместности поведения и соответствии принятой роли. Правдоподобие, в результате, строится в терминах вербального значения, которое используется актером для установления намерений, и невербального значения, которое используется аудиторией для проверки честности заявлений, сделанных человеком. Предпринимаются попытки представить «идеализированную» версию образа, более соответствующую нормам, нравам и законам общества, чем поведение актера, когда он не выступает перед аудиторией. Информация, касающаяся отклоняющегося поведения и убеждений, скрывается от аудитории в процессе «мистификации», делая заметными те характеристики, которые социально санкционированы, легитимируя как социальную роль индивида, так и рамки, к которым принадлежит эта роль.

Гоффман исследует природу групповой динамики через обсуждение «команд» и взаимосвязи между выступлением и аудиторией. Он использует концепцию команды, чтобы проиллюстрировать работу группы людей, которые «сотрудничают» в выполнении работы, пытаясь достичь целей, санкционированных группой. Сотрудничество может проявляться как единодушие в манерах и поведении или в принятии на себя различных ролей

⁶² Goffman E. The presentation of self in everyday life. – 1959 – P.50

для каждого индивида, определяемых желаемым намерением в исполнении. Гоффман ссылается на «зазывалу», члена команды, который «обеспечивает зрителям наглядную модель того отклика, которого добиваются исполнители», способствуя психологическому возбуждению при реализации цели. В каждом случае индивид принимает роль, которая, как считается, повышает эффективность работы группы.

Необходимость каждого отдельного человека поддерживать свой имидж, чтобы способствовать работе команды, снижает вероятность несогласия. В то время как объединяющие элементы команды часто более поверхностны и неполны, чем предоставляемые к ним требования, отдельный актер испытывает сильное давление, вынуждая себя соответствовать желаемому образу в присутствии аудитории, поскольку отклонения разрушают доверие ко всему представлению. В результате несогласие осуществляется в отсутствие аудитории, где могут быть внесены идеологические изменения и изменения в исполнении без угрозы нанесения ущерба целям команды, а также характеру отдельного человека. Таким образом, проводится четкое разделение между командой и аудиторией (ингруппой и аутгруппой).

Появившись в 1960-х и 1970-х годах как переформулирование классических принципов интеракционизма, работа Страйкера стремилась примирить микросоциологический акцент на смыслообразовании с признанием стабильных социальных структур, которые формируют и ограничивают поведение индивида⁶³. Теория идентичности развивалась в двух несколько различных, но тесно связанных направлениях. Оба являются воплощениями теоретической и исследовательской программы в рамках структурно-символического интеракционизма⁶⁴. Первый аспект сосредоточен на изучении того, как социальные структуры влияют на структуру «я» и как

⁶³ Stryker S. Identity salience and role performance: The relevance of symbolic interaction theory for family research //Journal of Marriage & Family. – 1968. – Vol.30. – №. 4. – P. 558-564

⁶⁴ Stryker S. Traditional symbolic interactionism, role theory, and structural symbolic interactionism: The road to identity theory //Handbook of sociological theory. – 2001. – P. 211-231.

структура «я» влияет на социальное поведение⁶⁵, в то время как второй концентрируется на внутренней динамике процессов «я», поскольку они влияют на социальное поведение⁶⁶. Таким образом, условно говоря, первое пренебрегает внутренней динамикой «я»-процессов, в то время как второе пренебрегает способами, с помощью которых внешние социальные структуры влияют на внутренние процессы.

В своей основе теория идентичности представляет «Я» как структурированную, многогранную сущность, состоящую из репертуара дискретных «ролевых идентичностей», каждая из которых соответствует положению, занимаемому индивидом в социальной структуре. Эти идентичности представляют собой интернализированные наборы значений, связанных с конкретными социальными ролями (такими как родитель, студент, гражданин или работник), и активируются в зависимости от социальных ожиданий и контекстов взаимодействия. Множественность ролей в современном социальном мире обуславливает необходимость иерархической организации идентичностей в Я-концепции, создавая то, что Шелдон Страйкер назвал «иерархией значимости идентичности».

Понятие «салиентность идентичности», или «значимость» является центральным в теории. Оно означает вероятность того, что определенная идентичность будет задействована в ряде социальных ситуаций. Подразумевается, что салиентность отражает как «приверженность» индивида данной идентичности – операционализируемую через количество и важность социальных отношений, зависящих от этой идентичности, – так и степень, в которой она подкрепляется через интерактивное подтверждение. В этом смысле система Страйкера выходит за рамки чисто когнитивных или символических интеракционистских моделей, встраивая самость в структурно

⁶⁵ Stryker S., Serpe R. T. Commitment, identity salience, and role behavior: Theory and research example // *Personality, roles, and social behavior*. – 1982. – P. 199-218.

⁶⁶ Burke P. J., Stets J. E. Trust and commitment through self-verification // *Social psychology quarterly*. – 1999. – P. 347-366.

дифференцированный социальный порядок, который организует ролевые отношения и, как следствие, иерархию идентичностей.

Важным теоретическим утверждением теории идентичности является то, что социальное поведение определяется относительной значимостью идентичностей в иерархии индивида. Идентичности, занимающие более высокие позиции в структуре значимости, с большей вероятностью будут реализованы, повлияют на поведение и сформируют Я-концепцию индивида в различных контекстах. Такая иерархическая организация служит механизмом «саморегуляции», обеспечивая согласованность самости, несмотря на разнообразие ролевых обязательств и социального окружения, встречающихся в современной жизни.

Страйкер также ввел понятие «приверженность идентичности», обозначающее степень реляционных инвестиций индивида в идентичность. Более высокий уровень приверженности, операционализируемый через количество и важность социальных связей, связанных с идентичностью, повышает ее рельефность и вероятность согласованности поведения в разных ситуациях. Этот акцент на реляционной укорененности и структурных ограничениях знаменует собой особый вклад теории Страйкера в более широкую традицию символического интеракционизма, связывая микродинамику самоконструирования с макроструктурными социальными паттернами.

Хотя теория идентичности разделяет с другими интеракционистскими моделями предположение о том, что **идентичности конструируются** и поддерживаются посредством социального взаимодействия, она отличается от чисто ситуационных моделей тем, что подчеркивает «долговечность и межситуационную согласованность» идентичностей, основанных на социальных структурах. Идентичности не только возникают ситуативно, но и институционализируются через устойчивые социальные отношения и ролевые сети, которые стабилизируют иерархию идентичностей с течением времени.

В более поздних разработках теории, особенно в сотрудничестве с Питером Берком⁶⁷, больший акцент был сделан на процессах «верификации идентичности» – согласовании значений идентичности, которыми обладает индивид, и тех, которые отражаются партнерами по взаимодействию. Проверка идентичности приносит психологическое вознаграждение и усиливает значимость идентичности, в то время как расхождения между самооценками и отраженными оценками порождают дистресс идентичности, побуждая к поведенческим или когнитивным корректировкам.

Пьер Бурдьё не занимался вопросами социальной идентичности так прямолинейно и программно, как это делали символические интеракционисты, но идентичность вписана в его более широкую теоретическую базу, особенно в его концепции габитуса, поля и капитала. В работе «*Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*» Бурдьё показал, что культурные вкусы, предпочтения и стили жизни – воспринимаемые людьми как личные черты – по сути являются социально обусловленными практиками, тесно связанными с социальной позицией субъекта⁶⁸. Идентичность конструируется через акты символического различения, когда человек заявляет о своем социальном положении посредством выбора определенных форм потребления, поведения, речи и внешнего вида. Эти акты имеют перформативный характер и направлены на то, чтобы обозначить социальную дистанцию от представителей иных классов и особенно от близких по положению групп, которые, по выражению Бурдьё, представляют наибольшую угрозу идентичности и требуют от нее постоянного символического подтверждения. Таким образом, идентичность функционирует не как сущностное качество, а как результат позиционной борьбы, разворачивающейся в повседневной жизни.

Эта же идея развивается в «*Language and Symbolic Power*», где Бурдьё анализирует роль языка как инструмента символической власти и как

⁶⁷ Stryker S., Burke P. J. The past, present, and future of an identity theory //Social psychology quarterly. – 2000. – P. 284-297.

⁶⁸ Bourdieu P. Distinction a social critique of the judgement of taste //Inequality. – Routledge, 2018. – P. 287-318.

медиума, в котором конструируются социальные идентичности⁶⁹. Через язык индивиды не только передают информацию, но и утверждают свои позиции в социальной структуре, формируют статусные различия и воспроизводят социальные иерархии. Любое социальное взаимодействие становится ареной, где идентичность постоянно подтверждается или ставится под сомнение. При этом признание идентичности возможно только в рамках социального поля, где действуют определенные правила символического признания и распределения власти.

В работе «*The Logic of Practice*» Бурдьё вводит понятие габитуса – системы устойчивых, телесно инкорпорированных диспозиций, которые определяют восприятие, суждения и повседневное поведение человека⁷⁰. Габитус формируется в результате социального опыта и определяет способы, которыми индивид осмысляет свое положение в мире и конструирует идентичность. Идентичность здесь возникает как практическое знание собственного места в социальной иерархии, как способность ориентироваться в пространстве социальных возможностей и ограничений. Габитус одновременно воспроизводит социальные структуры и позволяет адаптироваться к их изменениям, что делает идентичность динамичной, подвижной, но в то же время структурно обусловленной.

Эти идеи находят развитие в «*Outline of a Theory of Practice*», где Бурдьё концептуализирует социальное пространство как совокупность автономных полей, внутри которых разворачиваются позиционные борьбы⁷¹. Каждый индивид располагает определенным объемом капитала – экономического, культурного, социального или символического – и занимает в поле конкретное положение. Социальная идентичность становится функцией этой позиции и объема капитала. Она формируется не в индивидуальном сознании, а в отношениях между агентами, в борьбе за ресурсы, признание и доступ к власти. Идентичность оказывается одновременно и средством

⁶⁹ Bourdieu P. Language and symbolic power. – Harvard University Press, 1991. – 320 p.

⁷⁰ Bourdieu P. The logic of practice. – Stanford university press, 1990. – 340 p.

⁷¹ Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice //The new social theory reader. – Routledge, 2020. – P. 80-86.

позиционирования, и результатом структурных условий поля, в котором действует субъект.

Для Бурдье социальная идентичность – это не зафиксированная характеристика или свободный выбор, а продукт повседневных практик, актов различения, языковых взаимодействий, символической борьбы и структурного положения индивида в социальном пространстве. Идентичность всегда реляционна и определяется не сущностью субъекта, а его отношениями с другими, структурой капитала и властными механизмами признания.

Энтони Гидденс, один из ведущих социологов позднего модерна, не создал формальной теории социальной идентичности, однако идентичность играет центральную роль в его более широких идеях о современном «я», обществе и социальных изменениях. В своих работах, особенно в книге *«Modernity and Self-Identity»*, Гидденс утверждает, что в условиях позднего модерна традиционные источники идентичности, такие как семья, религия и местная община, утратили свою сильную организующую власть над индивидами. В результате люди стали ответственны за активное конструирование и поддержание своего собственного чувства идентичности⁷².

По мнению Гидденса, идентичность – это не что-то фиксированное или унаследованное, а непрерывный рефлексивный проект. Это означает, что люди постоянно размышляют о том, кто они есть, делают выбор, как жить, и пересматривают свое понимание себя в ответ на изменения в своей жизни и в обществе. Современное общество создает эту потребность в личной рефлексии, потому что социальная жизнь больше не привязана к фиксированным местным традициям. Глобализация и современные институты вырывают социальные отношения из локальных контекстов и распространяют их на большие расстояния во времени и пространстве. По мере того, как традиционные нормы теряют свое влияние, индивидам приходится все больше полагаться на собственные решения и размышления, чтобы сформировать устойчивое чувство идентичности.

⁷² Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. – Cambridge, 1991. – 256 p.

Еще одна важная идея в теории Гидденса – рефлексивность, которая означает способность людей размышлять о своей жизни, отношениях и обстоятельствах и вносить изменения на основе этих размышлений. В современном обществе эта рефлексивность становится институционализированной: люди должны постоянно принимать решения о своей карьере, отношениях, ценностях и образе жизни⁷³. Идентичность, таким образом, формируется и реформируется в ходе этого непрерывного процесса принятия решений.

Гидденс также связывает формирование идентичности с концепцией общества риска и онтологической незащищенности в поздней современности. По мере того, как мир становится все более неопределенным и непредсказуемым, люди испытывают чувство незащищенности относительно своего места в нем⁷⁴. Создание стабильной идентичности становится способом справиться с этой неопределенностью и сохранить ощущение порядка в быстро меняющемся мире.

Ричард Дженкинс занимает важное место в современной социологической теории идентичности, предлагая систематическую и прагматически ориентированную основу для концептуализации социальной идентичности как процессуального и реляционного феномена. В своей фундаментальной работе *«Социальная идентичность»* Дженкинс развивает позицию, синтезирующую элементы символического интеракционизма, теории структуризации и теории практики, в частности опираясь на интеллектуальное наследие Энтони Гидденса, Джорджа Мида и Пьера Бурдьё, и в то же время формулирует свою особую социологическую перспективу⁷⁵.

В основе подхода Дженкинса лежит утверждение о том, что идентичность неустранимо социальна и фундаментально реляционна. Она возникает не только в результате внутренних, субъективных процессов, а на

⁷³ Giddens A., Pierson C. Conversations with Anthony Giddens: Making sense of modernity. – Stanford University Press, 1998. – 244 p.

⁷⁴ Giddens A. Fate, risk and security //The sociology of risk and gambling reader. – Routledge, 2006. – P. 37-67.

⁷⁵ Jenkins R. Social identity. – Routledge, 2014. – 264 p.

пересечении самоопределения и внешнего приписывания. В таком понимании социальная идентичность – это не фиксированный атрибут и не неизменная сущность, а условный и согласованный результат постоянных интерактивных и классификационных практик. Идентичность формируется в ходе процессов внутренней идентификации – того, как акторы воспринимают и позиционируют себя, – и внешней категоризации – того, как их признают, маркируют и как к ним относятся другие в конкретных социальных контекстах.

Дженкинс выделяет три аналитически различных, хотя и взаимосвязанных уровня, на которых функционирует идентичность: индивидуальный, социальный и коллективный. Индивидуальная идентичность относится к интернализованному чувству личности, которое конструируется через диалектические отношения с социальным миром. Она является результатом рефлексивного наблюдения за собственным поведением в рамках существующих социальных отношений и нормативных ожиданий. Социальная идентичность относится к идентификации индивидов другими людьми в соответствии с социально признанными категориями, ролями и позициями. Эти категоризации как позволяют, так и ограничивают социальные действия, определяя условия взаимодействия, доступ к ресурсам и возможности самоопределения. Коллективная идентичность, в свою очередь, обозначает самоидентификацию социальных групп или коллективов, формируемую посредством установления и поддержания границ между «нами» и «ими». Такие границы исторически обусловлены, символически заряжены и поддерживаются посредством практик инклюзии (включения) и эксклюзии (исключения).

Центральным теоретическим вопросом для Дженкинса является процесс социальной категоризации, который функционирует как когнитивный и культурный механизм, с помощью которого социальные акторы делают социальный мир понятным. Категоризация навязывает социальной реальности классификационные схемы, определяющие членство, статус и нормативные

ожидания. Эти категории не являются ни нейтральными, ни единообразно применяемыми; скорее, они отражают преобладающие отношения власти и неравенства в социальной структуре. Соответственно, формирование идентичности неотъемлемо связано с процессами доминирования, признания и сопротивления.

Важным аспектом анализа Дженкинса является его рассмотрение взаимозависимости между структурой и агентностью в конструировании идентичности. В то время как социальные структуры – понимаемые как устойчивые паттерны отношений, норм и классификаций – обеспечивают рамки, в которых формируется идентичность, индивиды сохраняют определенную степень свободы действий при навигации, присвоении или подрыве этих рамок. Взаимодействие между ограничивающим воздействием социальных структур и стратегическими практиками социальных акторов создает динамичное поле, в котором идентичность постоянно создается и переделывается.

Теория процесса идентичности предполагает, что идентичность индивида является динамичным социальным продуктом взаимодействия способностей к памяти, сознанию и организованному толкованию с физическими и социальными структурами и процессами влияния, которые составляют социальный контекст; в рамках теории идентичность заложена в психологических процессах, но проявляется через мысли, действия и аффекты⁷⁶. Идентичность может быть описана как в терминах ее структуры, так и в терминах ее процессов.

Люди, как правило, осознают себя и активно следят за состоянием своей идентичности. Уровни самоконтроля могут различаться в течение всей жизни, и считается возможным, что они могут различаться в разных культурах.

Структура идентичности может быть описана в двух плоскостях: содержательном измерении и ценностном измерении. Измерение содержания

⁷⁶ Breakwell G. M. Identity process theory: Clarifications and elaborations // Identity process theory: Identity, social action and social change. – 2014. – P. 203-221.

состоит из характеристик, определяющих идентичность: свойств, которые, взятые в совокупности, характеризуют индивида как уникального. Она охватывает как те характеристики, которые выше описывались как охваченные областью социальной идентичности (членство в группах, роли, ярлыки социальных категорий и т.д.), так и личностную идентичность (ценности, установки, когнитивный стиль и т.д.). Различие между социальной и личной идентичностью не используется в теории процесса идентичности, потому что на протяжении всей биографии социальная идентичность рассматривается как личная идентичность: дихотомия является чисто временным артефактом.

Содержательное измерение идентичности структурировано. Эту структуру можно охарактеризовать с точки зрения:

1. степени центральности;
2. иерархического расположения элементов;
3. относительной значимости компонентов⁷⁷.

Однако эта структура не является статичной и реагирует на изменения во входных данных и требованиях социального контекста, помимо целенаправленной реконструкции, инициируемой отдельным человеком. К каждому элементу в содержательном измерении прилагается положительное или отрицательное значение/аффект; взятые вместе, эти значения составляют ценностное/аффективное измерение идентичности.

Ценностно-аффективный аспект идентичности постоянно подвергается пересмотру: ценность каждого элемента открыта для переоценки как следствие изменений в социальных системах ценностей и модификаций позиции индивида по отношению к таким социальным системам ценностей⁷⁸. В теории процесса идентичности постулируется, что структура идентичности регулируется динамическими процессами аккомодации/ассимиляции и

⁷⁷ Jaspal R., Cinnirella M. The construction of ethnic identity: Insights from identity process theory //Ethnicities. – 2012. – Vol.12. – №. 5. – P. 503-530.

⁷⁸ Breakwell G. M. Resisting representations and identity processes //Papers on social representations. – 2010. – Vol.19. – №. 1. – P. 6.3

оценки, которые считаются универсальными психологическими процессами. Ассимиляция и аккомодация – это две составляющие одного процесса. Ассимиляция относится к поглощению новых компонентов структурой идентичности; аккомодация относится к корректировке, которая происходит в существующей структуре с целью найти место для новых элементов⁷⁹.

Теория процесса идентичности признает, что идентичность создается в определенном социальном контексте, который относится к определенному историческому периоду. Социальный контекст может быть схематично представлен в двух измерениях, касающихся, в свою очередь, структуры и процесса. В самом простом структурном смысле социальный контекст состоит из межличностных сетей, членства в группах и социальных категориях, а также межгрупповых отношений. Содержание идентичности усваивается из этих структур, которые порождают роли, которые должны быть приняты, и убеждения или ценности, которые должны быть приняты. Второе измерение состоит из процессов социального влияния, которые направлены на создание многогранной идеологической среды для идентичности. Процессы социального влияния (образование, риторика, пропаганда, полемика, убеждение и т.д.) устанавливают системы ценностей и убеждений, воплощенных в социальных представлениях, социальных нормах и социальных атрибуциях, которые определяют арену, на которой конструируются как содержание, так и ценность индивидуальных идентичностей⁸⁰.

Внутри идеологической среды существуют противоречия и конфликты, порождаемые межгрупповой борьбой за власть, за более выгодное субъективное положение в социуме, которые предоставляют индивиду некоторую свободу выбора в формулировании структуры идентичности. Таким образом, изменения в идентичности обычно носят целенаправленный характер. Изменения в структуре или процессах социального контекста

⁷⁹ Breakwell G. M. Resisting representations and identity processes //Papers on social representations. – 2010. – Vol.19. – №. 1. – P. 6.4

⁸⁰ Там же.

вызовут изменения в идентичности, степень которых варьируется в зависимости от:

1. их личной значимости;
2. непосредственности вовлечения в них;
3. объема требуемых изменений;
4. того, насколько негативными считаются изменения.

Перемещение индивида с одной позиции в социальной матрице на другую вызовет необходимость изменения идентичности, поскольку это подобная мобильность приводит к изменению структуры социальных влияний и ограничений. Угроза идентичности возникает, когда процессы ассимиляции-аккомодации по какой-либо причине не могут соответствовать принципам непрерывности, самобытности, самоэффективности и самоуважения. Угрозы вызывают отвращение, и индивид будет стремиться восстановить принципиальное функционирование процессов идентификации.

Неопределенность повсеместна, и ее разрешение является фундаментальной мотивацией человеческого поведения. Люди стремятся уменьшить неопределенность, особенно неопределенность, которая непосредственно связана с тем, кто они есть. Социальная идентификация снижает уровень неопределенности, поскольку заставляет людей усваивать групповую идентичность и связанный с ней групповой прототип, который определяет и предписывает, кто есть человек и как он должен себя вести, а также описывает, как его будут воспринимать и относиться к нему другие.

Исследования энтитативности и отличительных идентичностей также предполагает, что подгруппы в рамках большой группы, в которой отсутствует консенсус и существует неясная социальная идентичность, могут стремиться к автономии подгруппы или отделению от большой группы. Это наиболее вероятно, когда подгруппа является самоконцептуально важной и рассматривается как относительно более энтитативная и имеющая менее двусмысленную идентичность. Эти рассуждения были изучены и в значительной степени подтверждены исследованиями, проведенными на

Сардинии в Италии (N = 174)⁸¹, в Техасе в США (N = 254)⁸², в Южной Корее в контексте суперординатной корейской идентичности (N = 148)⁸³ и в Шотландии в Великобритании (N = 115)⁸⁴.

Среди современных теорий, рассматривающих взаимосвязь между социальной идентичностью и межгрупповой динамикой, теория неопределенности идентичности Майкла Хогга представляет собой значительное теоретическое достижение в рамках более широкой традиции исследований социальной идентичности и самокатегоризации⁸⁵. Сформулированная в конце 1990-х годов и получившая развитие в более поздних работах, теория неопределенности идентичности стремится учесть мотивационные основы процессов идентичности, подчеркивая фундаментальное стремление человека уменьшить субъективную неопределенность в отношении своих восприятий, установок и социального позиционирования в сложной и непредсказуемой среде.

Неопределенность в себе переживается как угроза, поскольку люди считают, что у них нет возможности разрешить эту неопределенность. Это наиболее остро ощущается людьми, имеющими простую и монолитную структуру идентичности с очень небольшим количеством дискретных (и позитивных) идентичностей, не имеющих общих атрибутов – то есть, когда сложность социальной идентичности низка⁸⁶. Там, где самоощущение людей эффективно основано на одной социальной идентичности, насыщающей Я-концепцию, они стремятся к идентификации и принадлежности и жаждут лидерства, которое поможет им защититься от неопределенности или

⁸¹ Wagoner J. A. et al. Identity-centrality, dimensions of uncertainty, and pursuit of subgroup autonomy: The case of Sardinia within Italy //Journal of Applied Social Psychology. – 2018. – Vol.48. – №. 10. – P. 582-589.

⁸² Wagoner J. A., Hogg M. A. Normative dissensus, identity-uncertainty, and subgroup autonomy //Group Dynamics: Theory, Research, and Practice. – 2016. – Vol.20. – №. 4. – P. 310-322.

⁸³ Jung J., Hogg M. A., Choi H. S. Reaching across the DMZ: Identity uncertainty and reunification on the Korean peninsula //Political Psychology. – 2016. – Vol.37. – №. 3. – P. 341-350.

⁸⁴ Jung J., Hogg M. A., Lewis G. J. Identity uncertainty and UK–Scottish relations: Different dynamics depending on relative identity centrality //Group Processes & Intergroup Relations. – 2018. – Vol.21. – №. 6. – P. 861-873.

⁸⁵ Hogg M. A., Adelman J. Uncertainty–identity theory: Extreme groups, radical behavior, and authoritarian leadership //Journal of Social Issues. – 2013. – Vol.69. – №. 3. – P. 436-454.

⁸⁶ Roccas S., Brewer M. B. Social identity complexity //Personality and social psychology review. – 2002. – Vol.6. – №. 2. – P. 88-106.

разрешить ее, а также даст им почувствовать себя включенными в социальные процессы.

Политический популизм является одним из возможных способов поддержания социальной идентичности для индивидов с высоким уровнем само-неопределенности: он предполагает веру в то, что воля и суверенитет народа (автономия группы) являются верховными, но подрываются преднамеренными действиями чужаков, представляющих антагонистическую систему или элиту, которая намерена уничтожить «нас»⁸⁷. Существует нарратив виктимности, который объединяет ингруппу, привлекает сочувствие и поддержку третьих сторон⁸⁸ и вызывает «призрак» экзистенциальной угрозы для ингруппы, что приглашает и оправдывает насилие против аутгруппы⁸⁹.

В рамках популистического поведения зачастую используется концепция лидерства, которое отражает поддержку иерархии, социального доминирования и авторитаризма, а также предпочтение лидеров, которые разжигают фанатизм, воплощают и продвигают популистские атрибуты в автократической и авторитарной манере, которая проецирует силу и убежденность, а также простое и однозначное определение идентичности⁹⁰.

В своей основе теория неопределенности идентичности утверждает, что люди испытывают психологический дискомфорт в ситуациях, когда их самоощущение или понимание социального мира неоднозначно или нестабильно. Такая неопределенность носит эпистемический характер и связана с неспособностью человека предсказать и контролировать соответствующие аспекты отношений «я – окружение». Хогг утверждает, что процессы социальной идентичности – особенно те, что связаны с групповой идентификацией и сплоченностью ингруппы, – функционируют как мощные

⁸⁷ Bakker B. N., Rooduijn M., Schumacher G. The psychological roots of populist voting: Evidence from the United States, the Netherlands and Germany //European Journal of Political Research. – 2016. – Vol.55. – №. 2. – P. 302-320.

⁸⁸ Noor M. et al. The social psychology of collective victimhood //European Journal of Social Psychology. – 2017. – Vol.47. – №. 2. – P. 121-134.

⁸⁹ Belavadi S., Rinella M. J., Hogg M. A. When social identity-defining groups become violent: Collective responses to identity uncertainty, status erosion, and resource threat //The Handbook of Collective Violence. – Routledge, 2020. – P. 17-30.

⁹⁰ Gaffney A. M. et al. The state of American protest: Shared anger and populism //Analyses of Social Issues and Public Policy. – 2018. – Vol.18. – №. 1. – P. 11-33.

механизмы снижения этой неопределенности⁹¹. Принадлежа к значимым социальным группам, индивиды получают чувство принадлежности, нормативную ясность и когнитивный порядок, тем самым смягчая экзистенциальную неопределенность.

Теория неопределенности идентичности опирается на фундаментальные предпосылки теории социальной идентичности и теории самокатегоризации описанные выше, расширяя их объяснительную сферу за счет интеграции мотивационных соображений. В то время как теории социальной идентичности и самокатегоризации акцентируют внимание на когнитивных процессах категоризации и динамике «ингруппа – аутгруппа», лежащих в основе формирования социальной идентичности, Хогг вводит особое мотивационное измерение: снижение неопределенности самовосприятия как основной движущей силы групповой идентификации⁹².

Ключевое теоретическое утверждение теории Хогга заключается в том, что не все группы обладают одинаковой способностью смягчать неопределенность. Группы с высокой идентичностью – те, которые характеризуются четкими границами, внутренней однородностью, нормативным консенсусом и целевой сплоченностью, – особенно эффективны в обеспечении индивидов стабильными и однозначными позициями идентичности. Следовательно, в условиях повышенной личной или ситуативной неопределенности люди проявляют выраженную тенденцию к идентификации с такими группами. Этот феномен, по мнению Хогга, лежит в основе привлекательности фундаменталистских, националистических и экстремистских движений, где обещание абсолютной нормативной ясности и коллективной цели оказывает мощное притяжение на индивидов, испытывающих онтологическую неуверенность⁹³.

⁹¹ Hogg M. A. Uncertainty–identity theory //Advances in experimental social psychology. – 2007. – Vol.39. – P.70-73

⁹² Там же.

⁹³ Hogg M. A. Uncertainty–identity theory //Advances in experimental social psychology. – 2007. – Vol.39. – P.84-89

Существуют три относительно различных варианта употребления. Некоторые используют термин «идентичность» для обозначения, по сути, культуры народа; в таком случае, нет различия между идентичностью и, например, этнической принадлежностью. Другие используют идентичность для обозначения общей идентификации с коллективом или социальной категорией, как в теории социальной идентичности или в современных работах по социальным движениям, централизуя таким образом общую культуру среди участников⁹⁴. Наконец, некоторые используют этот термин применительно к частям «я», состоящим из значений, которые люди придают многочисленным ролям, которые они обычно играют в высокодифференцированных современных обществах.

Анализ представленных в тексте классических и современных теорий показывает, что, несмотря на разнообразие подходов, все они сходятся во взгляде на социальную идентичность как на динамическое и социально обусловленное явление, которое формируется и изменяется в процессе социального взаимодействия, носит динамический и контекстно обусловленный характер, требует социальной верификации и постоянного подтверждения со стороны окружающих. Одни подходы делают акцент на нормативно-ролевой детерминированности идентичности, рассматривая ее как производную социальной структуры и социализации, тогда как другие подчеркивают активность самого субъекта, его рефлексивность, способность конструировать и менять идентичность в зависимости от социальных условий и взаимодействий.

В рамках социальной психологии внимание фокусируется на кризисном характере процесса идентификации. Согласно этим подходам, формирование идентичности связано с необходимостью успешно преодолевать внутренние и внешние конфликты, возникающие в процессе развития и социализации личности. Неопределенность социальных и групповых границ, недостаточная

⁹⁴ Snow D. A., Oliver P. E. Social movements and collective behavior: Social psychological dimensions and considerations // Sociological perspectives on social psychology. – 1995. – P. 571-599.

легитимность и проницаемость социальных структур, порождает трудности в позитивной самоидентификации с определенными социальными группами.

Структурно-функционалистский и социально-конструктивистский подходы подчеркивают зависимость идентичности от социальных ролей, норм, коллективных представлений и социальных ожиданий. В рамках этих подходов идентичность рассматривается как производная социальной структуры и процесса социализации, отражающая нормативно-ценностные основы общества. К кризису идентичности приводит ослабление социальной интеграции, нормативный дисбаланс и нарушение процесса социализации личности. В этом контексте идентичность страдает, когда общественные ожидания и ролевые требования оказываются противоречивыми или невыполнимыми для индивида.

Символический интеракционизм и драматургический подход рассматривают идентичность как активно формируемую и поддерживаемую личностью посредством повседневных взаимодействий и практик. При этом особое значение придается перформативному характеру идентичности, роли символической коммуникации и необходимости постоянного подтверждения статуса личности через взаимодействие. Идентичность может стать неустойчивой, если личность не получает должного символического признания и позитивной обратной связи в повседневных социальных взаимодействиях. Потеря социальной поддержки и искаженное отражение себя в глазах других становятся серьезными препятствиями для уверенной самоидентификации.

1.2. Теоретико-методологические подходы к исследованию национально-гражданской и этнической идентичности

1.2.1. Зарубежный опыт

Национальная идентичность – это чувство принадлежности человека к политическому сообществу или нации, часто связанное с суверенным государством. Она подразумевает идентификацию себя как члена более крупного коллектива, определяемого общими политическими институтами, гражданством, правовыми рамками, коллективной историей и символами (флаг, гимн, конституция).

Уолкер Коннор подходил к концепции национальной идентичности в рамках своей более широкой теории этнонационализма, подчеркивая эмоциональные и зачастую бессознательные связи, которые связывают индивидов с этническими сообществами. Коннор критиковал тенденцию смешивать понятия «нация» и «государство» и игнорировать этнические и эмоциональные основы национальной идентичности⁹⁵. Он утверждал, что национальная идентичность – это в основном вопрос эмоциональной близости и восприятия общего происхождения, а не результат рациональных расчетов или институциональных механизмов.

Коннор утверждал, что национальная идентичность – это не просто сконструированная политическая идентичность, а идентичность, глубоко укорененная в этническом сознании, часто основанная на вере в общее происхождение, историю, язык и культурные черты. Он проводил различие между гражданским и этническим понятиями нации, отвергая представление о том, что современные нации носят преимущественно гражданский и договорный характер. По мнению Коннора, то, что действительно отличает нацию от других форм социальной организации, – это субъективная вера в общее происхождение, независимо от того, соответствует ли эта вера исторической или генетической реальности⁹⁶. Это чувство родства создает мощные эмоциональные связи, которые поддерживают национальную идентичность на протяжении времени и поколений.

⁹⁵ Connor W. A nation is a nation, is a state, is an ethnic group is a... //Ethnic and racial studies. – 1978. – Vol.1. – №. 4. – P. 377-400.

⁹⁶ Connor W. Ethnonationalism: The quest for understanding. – 2018. – P. 234.

Коннор подробно остановился на психологическом аспекте национальной идентичности, подчеркнув ее зачастую бессознательный характер. Он утверждал, что привязанность к нации не является результатом сознательного выбора, а прививается в процессе ранней социализации и укрепляется мифами, символами и коллективной памятью. Именно эта эмоциональная привязанность к нации делает этнонационалистические настроения столь устойчивыми и трудно подавляемыми с помощью государственной политики или процессов модернизации. Коннор также критически относился к попыткам «элиты» искусственно сформировать национальную идентичность с помощью проектов построения нации «сверху вниз». Он утверждал, что такие усилия часто недооценивают глубину существующей этнической лояльности и эмоциональный резонанс этнической идентичности для отдельных людей⁹⁷. Во многих случаях проводимые государством кампании по ассимиляции вызывают сопротивление, угрожая глубоко укоренившимся национальным привязанностям, основанным на этническом самосознании. Эта точка зрения противопоставляла Коннора теориям, которые рассматривали национальную идентичность в первую очередь как продукт современных политических и экономических процессов.

В конструктивистской теории, в частности в работах Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона и Энтони Д. Смита, национальная идентичность – это современная конструкция, возникшая вместе с индустриализацией, массовым образованием и централизованным государственным строительством. Как правило, она бывает гражданской (основанной на общих политических ценностях и институтах) или этнокультурной (когда нации определяют себя по этническому признаку). В мультиэтнических обществах национальная идентичность может объединять несколько этнических идентичностей в рамках единой политической структуры.

Геллнер утверждает, что институционализация культурных норм, распространенных на большой географической территории, и

⁹⁷ Connor W. Ethnonationalism: The quest for understanding. – 2018 – P.104.

распространение национальных идеологий могут происходить только в современных массовых обществах: как правило, полномочия по организации этой трансформации являются национальными, и ответственность за установление общей приверженности централизованной политике, структурам и нормам возлагается на региональные и местные власти для укрепления культурной однородности, требуемой центром для содействия национальному строительству⁹⁸.

Описание Геллнером этого стремления к современному формированию национальной идентичности фокусируется на создании того, что он называет «высокими культурами», определяемыми как «опосредованная школой, контролируемая академией идиомой, кодифицированная с учетом требований достаточно точной бюрократической и технологической коммуникации»⁹⁹. Более конкретно, они называются «садовыми культурами»¹⁰⁰, которые, предположительно, изучаются, «поливаются» и кодифицируются экспертами-специалистами. Таким образом, система массового образования связывает государство и культуру воедино: разрабатываются каноны, создаются музеи, пишутся официальные истории, создаются научные организации для содействия распространению «официальных» знаний, так что все образованные граждане усваивают конкретные совокупности знаний, ценностей и норм. По мнению Геллнера, распространение авторитетных знаний на всех жителей нации знаменует собой разрыв с культурной дифференциацией в средневековых мирах, где, например, жителям регионов не было обязательно общаться друг с другом или крестьянам использовать язык элиты. Вместо этого, при стандартизированных «однородных, централизованно поддерживаемых высоких культурах, пронизывающих все население, а не только элитные меньшинства, возникает ситуация, в которой четко определенные, санкционированные образованием и унифицированные

⁹⁸ Gellner E. Nations and nationalism. – Cornell University Press, 2008.- 152 p.

⁹⁹ Там же, Р.57.

¹⁰⁰ Там же, Р.7.

культуры составляют едва ли не единственный вид единства, с которым люди охотно и часто пылко идентифицируют себя»¹⁰¹.

Для Геллнера национализм – это функция современности и процесса модернизации, где образование, технологии коммуникации и бюрократия, сама структура современного государства, движимы рационалистическими, административными императивами, а не какой-либо манипулирующей кастой. Таким образом, нации – это формы, которые лучше всего подходят для реализации этих модернизационных императивов. Несмотря на правдоподобность, его изложение, как правило, фокусируется на рациональных элементах – игнорируя при этом другие аспекты, такие как постоянные изменения и текучесть, которые бросают вызов процессам упорядочивания, которые нации, среди прочих агентов рациональности, пытаются усилить.

Энтони Смит в рамках своего аргумента о том, что нации основаны на ранее существовавших этносах, утверждает, что в определенных случаях отборные культуры предков были приняты нациями в качестве официальных культур¹⁰². Позиция государства по отношению к существующим культурам сложна, поскольку определенные культуры могут быть искоренены (особенно в случае этнической или религиозной специфики), или они могут быть приняты и адаптированы. Также поднимаются вопросы о том, кто исключен из национальной культуры, как государство учитывает этническую принадлежность, религию, язык и регион, и кто маргинализирован или отвергается как не соответствующий национальной принадлежности. Утверждения Геллнера, по-видимому, предполагают, что субъекты пассивно принимают идентичности, эффективно интерпретируемые национальными культурными организациями.

Однако наиболее значимым является акцент Геллнера на «высоких» культурах как на тех, которые контрастируют с «низкими» культурами

¹⁰¹ Gellner E. Nations and nationalism. – Cornell University Press, 2008. – P.57.

¹⁰² Smith A. D., Smith A. Nationalism and modernism. – Routledge, 2013. – P.42.

большинства – то, что Геллнер называет «дикими» культурами, локальными, спонтанными и нерелексивными. Исторически, в первую очередь, предпринимались попытки сформулировать национально кодифицированный свод знаний, который выдвигал на первый план «высокую» культуру. Однако, как только нация утверждается как единое целое, в условиях современности средства массовой информации и средства для развития и передачи популярной культуры резко расширяются и в значительной степени выходят из-под контроля государства, передаваясь через коммерческие и более неформальные сети. Расцвет популярных форм развлечений, досуга, политических организаций и множества просторечий порождается не национальными элитами, а благодаря мобильности, порожденной достижениями в области транспортных и коммуникационных технологий. Работа Геллнера, несомненно, имеет историческую значимость, однако важно, чтобы не проводились сильные современные параллели, поскольку культурная элита, пропагандирующая высокую культуру, является лишь одним из аспектов формирования национальной идентичности.

В книге «Изобретение традиции» Эрик Хобсбаум также утверждает, что нация – это, по сути, современная конструкция¹⁰³. Он фокусируется на способах, с помощью которых элиты «изобретают» традиции, чтобы создать иллюзию первозданности и преемственности, замаскировать тот факт, что нации имеют недавнюю историю, «прививать определенные ценности и нормы поведения путем повторения, что автоматически подразумевает преемственность с прошлым»¹⁰⁴. Традиции создаются для целого ряда целей: символизировать сплоченное чувство принадлежности; узаконить власть, которой наделены институты, элиты и правящие органы власти; передавать идеологии, которые поддерживают общие ценности и убеждения¹⁰⁵.

¹⁰³ Hobsbawm E., Ranger T. (ed.). The invention of tradition. – Cambridge University Press, 2012. – 320 p.

¹⁰⁴ Там же, P.2

¹⁰⁵ Vlastos S. (ed.). Mirror of modernity: invented traditions of modern Japan. – University of California Press, 1998. – 328 p.

Энтони Смит критически относился к утверждениям Хобсбаума и Геллнера о современности наций. Его аргумент в основном основан на идее о том, что нации основаны на ранее существовавших этносах: этнических сообществах или группах, – которые формируют нацию.

Смит не гомогенизирует элиты, признавая, что выбор национальных символов часто является источником серьезных конфликтов между различными влиятельными группами. Более того, он утверждает, что не существует плана построения официальной культуры. Например, он проводит различие между «национальной» интеллигенцией, организующей «народную мобилизацию», и аристократической элитой, осуществляющей «бюрократическую инкорпорацию», как различными формами национального культурного строительства. Там, где общий набор символов не кажется очевидным, может оказаться необходимым выбрать «несколько» символов, чтобы можно было побудить различные группы подтвердить свою приверженность национальному проекту¹⁰⁶. Таким образом, некоторые нации должны использовать разнообразный набор культурных ресурсов для построения культурных «общих знаменателей»¹⁰⁷, в то время как другие способны использовать более общий набор ресурсов.

Смит также указывает на исторические несоответствия, когда различные этнические традиции объединяются, а другие игнорируются или вычеркиваются. Однако такие культурные элементы для общего принятия должны вызывать доверие, соответствовать здравому смыслу. Элиты (пере)конструируют «концептуальный язык, в рамках которого члены ранее существовавших этнических, языковых или политических сообществ могли бы выражать ощущение своего коллективного бытия»¹⁰⁸. Смит формулирует свое понимание культуры как «хранилища и наследия, передаваемого между поколениями, или набора традиций, так и активного формирующегося

¹⁰⁶ Smith A. D., Smith A. Nationalism and modernism. – Routledge, 2013. – P.155

¹⁰⁷ Eriksen T. H. Common denominators: Ethnicity, nation-building and compromise in Mauritius. – Routledge, 2020. – 224 p.

¹⁰⁸ Cubitt G. (ed.). Imagining nations. – Manchester University Press, 1998. – P.2.

репертуара значений и образов, воплощенных в ценностях, мифах и символах, которые служат объединению группы людей с общим опытом и воспоминаниями и отличают их от посторонних»¹⁰⁹.

Культура здесь представлена как динамичная. Смит предлагает версию национальной идентичности, в которой он идентифицирует практические и дискурсивные связи, а не исконную родословную и устойчивые культурные общности. Тем не менее, несмотря на эти достоинства, подавляющее внимание к мифам общего происхождения, общим историческим воспоминаниям, религиозным верованиям, обычаям и языкам постулирует упрощенный взгляд на культуру. Акцент, делаемый на том, каким образом язык, традиции, эмблемы, фестивали и священные места воплощают преемственность, предлагает чрезмерно исторический подход, который вполне может отражать процессы, происходящие в некоторых случаях, но не может объяснить чрезвычайно динамичные и неоднозначные современные конструкции национальной идентичности. Смит почти признает этот дефицит, поскольку он ссылается на «обычную, массовую общественную культуру»¹¹⁰, более четко определяя ряд культурных элементов, таких как столицы, клятвы, паспорта, национальные развлечения, сельская местность, популярные герои и героини, формы этикета и «все те отличительные обычаи, нравы, стили и способы действий и чувств, которые разделяют члены сообщества»¹¹¹. Тем не менее, акцент в его работах по-прежнему делается на историческом, традиционном и официальном. Например, он утверждает, что «национальные символы, обычаи и церемонии являются наиболее сильными и долговечными аспектами национализма. Они воплощают ее основные концепции, делая их видимыми и отчетливыми для каждого члена»¹¹².

Этот акцент на явно идентифицируемых, осязаемых культурных эффектах затуманивает повседневные общепринятые культурные практики, а

¹⁰⁹ Smith A. D., *Smith A. Nationalism and modernism*. – Routledge, 2013. – P.187.

¹¹⁰ Smith A. D. *et al. National identity*. – Reno: University of Nevada press, 1991. – P.14.

¹¹¹ Там же, P.77.

¹¹² Там же.

также популярные формы, распространенные в массовой культуре. Это искажение также становится очевидным, когда Смит говорит о ключевой роли интеллектуалов в формировании национальных культур: они занимают «основополагающую позицию в генерировании и анализе концепций, мифов, символов и идеологии национализма»¹¹³. Любая идентификация национальных культур должна включать ряд других производителей культуры – поп-звезд, рекламодателей, журналистов, маркетологов, модельеров, продюсеров кино и телевидения и спортивных героев, – а также множество популярных культурных практик, включая танцы, спорт, развлечения, отдых и путешествия. Культурные составляющие, о которых упоминает Смит, безусловно, остаются важными элементами в формировании национальной идентичности. Но представления о формах «национального гения», неделимости нации и ее аутентичности сейчас находятся под давлением, поскольку нации становятся более сложными, мобильными и культурно гибридными. Традиции теперь имеют меньший вес. Они стали частью популярных медиа-ландшафтов, превращаются в товар.

Конкретное описание взаимосвязи между культурой и национальной идентичностью содержится в работе Джона Хатчинсона. Культурные националисты обычно стремятся к «моральному возрождению»¹¹⁴, хотя он связывает появление такого движения с тактическим ответом на сорванные устремления политических националистов – как стратегию продолжения борьбы другими средствами. Лидерами культурно-националистических движений, как правило, являются «ученые-историки и художники», а не «политики или законодатели»¹¹⁵. Он описывает их как «моральных новаторов», которые полагаются на национальные СМИ для распространения своего послания, в котором, как правило, делается упор на исконные мифы, истории, традиции и ритуалы, географию, естественную историю и народные

¹¹³ Smith A. D. et al. National identity. – Reno: University of Nevada press, 1991. – P. 94.

¹¹⁴ Hutchinson J. Modern nationalism. – Fontana Press, 1994. – 223 p.

¹¹⁵ Hutchinson J. Moral innovators and the politics of regeneration: the distinctive role of cultural nationalists in nation-building // Ethnicity and Nationalism. – Brill, 1992. – P. 110.

песни, чтобы поднять национальные настроения и объединить различные культурные части нации. Нации – это «творческие личности, постоянно развивающиеся во времени, и именно к истории должны возвращаться ее члены, чтобы узнать о триумфах и трагедиях, которые их сформировали»¹¹⁶.

Его самые последние формулировки проводят различие между «модернистами» и «этносимволистами». Первые поддерживают идею о том, что создание (однородной) национальной культуры является делом элиты, инструментально очерченной и контролируемой, в то время как вторые фокусируются на нации как исторически сконструированной, «воплощенной в мифах, символах и культуре»¹¹⁷. Этносимволисты, к числу которых Хатчинсон относит и себя, настаивают на досовременной этнической основе нации. Контраст полезен тем, что он обеспечивает модель (в отличие от «модернистов»), которая ставит под сомнение нисходящие версии национальной культурной идентичности. Однако в рассказе Хатчинсона культура снова становится эссенциализированной, выдвигая на первый план исторические элементы. Более того, предполагается, что культура используется исключительно в инструментальных целях, для преодоления препятствий на пути политического продвижения и достижения целей националистов.

Одним из исследований, затрагивающий набор вопросов, которые основаны на популярной культуре и повседневной жизни, является работа Майкла Биллига «Банальный национализм»¹¹⁸. Биллиг предполагает, что «весь комплекс верований, предположений, привычек, представлений и практик»¹¹⁹, которые (повторно) порождают национальную идентичность, воспроизводятся в банальной сфере повседневности как часть «"эндемического состояния" наций». Критикуя идею понимания национальной идентичности как очевидной только в зрелищных проявлениях

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ *Hutchinson J., Guibernau M. Understanding nationalism. – Polity Press, 2001. – P. 76.*

¹¹⁸ *Hutchinson J., Guibernau M. Understanding nationalism. – Polity Press, 2001. – 304 p.*

¹¹⁹ *Billig M. Banal nationalism // Banal nationalism. – 1995. – P. 6*

и во времена национальных кризисов, таких как война, или что это «экстремистское», «иррациональное» проявление в менее «цивилизованных» местах, Биллиг утверждает, что «концепция национализма была ограничена страстными и экзотическими примерами»¹²⁰, не обращая внимания на его рутинное и приземленное проявление. В качестве метафоры, вызывающей в воображении это проявление, он ссылается на «развевающийся флаг» нации, чтобы предложить многочисленные обозначения и напоминания о нации, которые являются частью повседневных пространств, рутины и практик. Важно отметить, что это «рутинное размахивание флагом» является «бездумным», а не сознательным занятием¹²¹. Воспроизведение национальной идентичности, по словам Биллига, основано на привычных предположениях о принадлежности, которые пронизывают средства массовой информации, где термин «мы» используется политиками, телеведущими и учеными как обозначение «нас» как членов нации.

Предполагается, что «мы» – читатели или зрители – являемся частью нации. Экономика, правительство, сельская местность – это «наши» экономика, правительство, сельская местность. Это является частью способа «натурализации» наций, усвоения ими здравого смысла о том, как устроен мир, и облечения моральными ценностями, которые возвышают нацию над другими социальными группами. Более того, это приводит к неоспоримому и неререфлексивному пониманию того, что мы живем в мире наций, который, хотя и «был разделен на множество образований причудливой формы и размера»¹²², а также разнообразных политических, этнических и культурных форм, которые не поддаются никакой классификационной логике, считается быть частью естественного порядка вещей, «универсального кодекса особенности»¹²³.

¹²⁰ Там же, Р.8.

¹²¹ Там же, Р.41.

¹²² Там же, Р.23.

¹²³ Там же, Р.72-73.

Бенедикт Андерсон также придерживается ряда предположений о культуре в своей концепции о том, что нацию можно рассматривать как «воображаемое сообщество», объединенное «глубокими горизонтальными товарищескими отношениями», в соответствии с которыми «национальные коллеги» представляют собой ограниченное, «естественное» образование¹²⁴. Хотя существует точка зрения, что сосредоточенность Андерсона на воображаемом игнорирует социально-политические реалии власти и организационные структуры государства, возможно, более тонкое понимание состоит в том, чтобы учитывать, что нации возникают из контекстов социального и культурного опыта, которые создаются с помощью воображения.

Ключом к аргументации Андерсона является изобретение печатного станка и последующее развитие печатных средств массовой информации, которые обеспечили технологическое средство для широкого распространения идеи нации. Андерсон отмечает, что регулярное, синхронное совместное чтение ежедневной или еженедельной газеты породило идею о том, что читатели разделяют ряд интересов – например, содержание и направленность новостей, – в которых к ним явно и неявно обращаются как к соотечественникам. Опыт нации коренится в повседневности, поскольку, по его словам, газета подтверждает предположение о том, что «воображаемый мир явно укоренен в повседневной жизни»¹²⁵. Вместо периодических показов зрелищ, инсценировки традиций и академического стремления классифицировать расы, обычаи и природу, этот культурный процесс протекает на более приземленном уровне. Идея о том, что представляет собой «национальный» интерес, является частью того, что обосновывает национальную идентичность в нерerefлексивных формах «здорового смысла». Однако его чрезмерное внимание к грамотности и печатным средствам

¹²⁴ Anderson B. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. – Verso books, 2006.- P.7.

¹²⁵ Там же, P. 36.

массовой информации предлагает упрощенный взгляд на современную культуру.

Юрген Хабермас рассматривал концепцию национальной идентичности в контексте современных демократических государств, в частности в связи с конституционным патриотизмом и проблемами мультикультурализма и иммиграции. Хабермас утверждал, что национальная идентичность в «постнациональных» обществах больше не должна основываться на этнической, культурной или религиозной однородности, а скорее на общих политических ценностях и демократических институтах. Он ввел концепцию *Verfassungspatriotismus*, или конституционного патриотизма, как нормативную основу для социальной интеграции в плюралистических обществах¹²⁶.

Хабермас утверждал, что в современных, разнообразных обществах традиционная модель национальной идентичности, основанная на общем этническом или культурном происхождении, была как нереалистичной, так и исключаящей. Вместо этого он предложил, чтобы политические сообщества черпали свою сплоченность из приверженности граждан принципам и процедурам демократической конституции. В этом смысле национальная идентичность становится формой гражданской идентичности, укорененной в коллективной приверженности универсальным правам, юридическому равенству и публичному обсуждению¹²⁷. Хабермас подробно описал, как современные общества могут поддерживать солидарность, не полагаясь на дополитические этнические или культурные связи. Он предположил, что общая политическая культура, основанная на демократическом дискурсе и институционализированных правовых нормах, может служить основой для легитимной и инклюзивной коллективной идентичности¹²⁸. Национальная идентичность, переосмысленная таким образом, больше не будет зависеть от

¹²⁶ *Markell P.* Making affect safe for democracy? On “constitutional patriotism” // *Political Theory*. – 2000. – Vol.28. – №. 1. – P. 39.

¹²⁷ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность. /Хабермас Ю //Демократия. Разум. Нравственность. –М. Academia. – 1995. – С. 209-245.

¹²⁸ *Habermas J.* Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy. – John Wiley & Sons, 2015. – 674 p.

однородных культурных традиций, а будет основываться на взаимном признании граждан в качестве соавторов законов и участников демократических процессов. Эта модель стремилась примирить необходимость социальной интеграции с уважением к правам личности и культурному разнообразию.

Хабермас также рассматривал вопрос иммиграции и мультикультурализма, утверждая, что либеральные демократии должны защищать культурные права, сохраняя при этом целостность политического сообщества. Он считал, что иммигранты должны интегрироваться не путем ассимиляции с доминирующей культурой, а путем участия в общем политическом дискурсе, основанном на конституционных принципах¹²⁹. Хабермас признавал эмоциональную привязанность к национальной идентичности, но настаивал на том, что эту привязанность можно перенаправить на демократические ценности и институты, а не на исключительные культурные или этнические символы.

Обладание аутентичной культурой является императивом государств, и может принимать форму систематического поиска, приводящего к возрождению, реконструкции и воссозданию прошлых культурных традиций, этнической принадлежности или популярной культуры. В этом контексте аргументы, выдвигаемые этносимволистами или историко-культурологами эффективно убеждают в том, что нация не может позволить себе избавиться от своего прошлого и пренебречь своими истоками¹³⁰.

Другим видом культурного поиска, отвечающим целям формирования национальной идентичности, является присвоение культурных источников, находящихся в природе или людях. Примером этого является современная ситуация, когда некоторые коренные народы борются за возвращение своего наследия, захваченного политиками и интеллектуальной элитой,

¹²⁹ Thomassen L. The inclusion of the other? Habermas and the paradox of tolerance //Political Theory. – 2006. – Vol.34. – №. 4. – P. 439-462.

¹³⁰ Hutchinson J. et al. Dynamics of cultural nationalism: The Gaelic revival and the creation of the Irish nation state. – Routledge, 2012. – 353 p.

обслуживающими национальное государство¹³¹. Если, с одной стороны, нация (и ее доминирующая культурная группа) является предметом ритуального почитания, то, с другой стороны, с точки зрения этноцентризма, ее конструирование обескуражило и сделало недействительными разнообразные проявления этничности (и, возможно, потенциальных национализмов).

Если есть возможность обнаружить общую структуру в народном сознании национальной идентичности, не все нации одинаково привержены тому, что называется приписываемыми [объективными] и гражданскими [волюнтаристскими] измерениями национального самосознания. Действительно, такие силы, как постиндустриализм и глобализация, предпочитают более открытую волюнтаристскую форму идентичности более ограничительной приписываемой версии¹³². Внутренняя культурная дифференциация отражающая существование различных языковых групп и региональных различий, также может иметь схожие последствия, препятствуя формированию нации и росту сильной национальной идентичности.

Социальные исследователи уделяют значительное внимание изучению национальной привязанности как результату ассоциации с определенной группой¹³³. Некоторые из этих исследований сосредоточены на взаимосвязи между национальной привязанностью и религиозной или этнической идентичностью¹³⁴, авторитаризмом, anomie и самооценкой в целом¹³⁵ или отношением к иностранцам и терпимостью к культурному разнообразию¹³⁶. Многие из этих исследований в значительной степени различают два типа национальной привязанности: один «слепой», насильственный,

¹³¹ Urban G., Sherzer J. Introduction', Nation-States and Indians in Latin America. – 1992. – P. 169-171.

¹³² Scholte J. A. Beyond the buzzword: Towards a critical theory of globalization //Globalization: Theory and practice. – 1996. – P. 43-57.

¹³³ Ханг. Ashmore R. D., Jussim L. J., Wilder D. (ed.). Social identity, intergroup conflict, and conflict reduction. – Oxford University Press, 2001. – Vol. 3. – 283 p.

¹³⁴ Ханг: Roccas S. et al. Toward a unifying model of identification with groups: Integrating theoretical perspectives //Personality and social psychology review. – 2008. – Vol. 12. – №. 3. – P. 280-306.

¹³⁵ Ханг.:Blank T. Determinants of national identity in East and West Germany: An empirical comparison of theories on the significance of authoritarianism, anomie, and general self-esteem //Political Psychology. – 2003. – Vol. 24. – №. 2. – P. 259-288.

¹³⁶ Ханг.: Raijman R. et al. What does a nation owe non-citizens? National attachments, perception of threat and attitudes towards granting citizenship rights in a comparative perspective //International Journal of Comparative Sociology. – 2008. – Vol.49. – №. 2-3. – P. 195-220.

невежественный (называемый национализмом или шовинизмом), а другой – конструктивный, критический, гражданский и разумный.

Согласно Рику Костерману и Сеймуру Фешбаху¹³⁷, национализм представляет собой пагубный аспект позитивной внутригрупповой оценки, поскольку он включает в себя мнение о том, что чья-то страна превосходит другие и, следовательно, должна доминировать. Патриотизм же наоборот понимается как существенно ценный аспект, поскольку представляет собой чувство привязанности к своей стране. Роберт Шатц и Эрвин Штауб¹³⁸ далее проводят различие между слепым и конструктивным патриотизмом. По их мнению, «слепой патриотизм» соответствует некритической поддержке любого действия национальной ингруппы и является последствием популистического подъема, хоть и не имеет таких же насильственных характеристик, как национализм. Напротив, «конструктивный патриотизм» представляет собой критическое понимание и лояльность по отношению к своей группе. Таким образом, национализм может быть понят как межгрупповое расхождение, в то время как патриотизм может быть понят как часть положительной внутригрупповой оценки; национализм рассматривается как неотъемлемо связанный с аутгрупповым унижением, в то время как патриотизм предположительно выявляет положительное отношение к собственной группе независимо от аутгруппового отдаления. В целом, патриотизм понимается как эмоциональная привязанность к своей группе, подразумевающая чувства принадлежности, ответственности и гордости, также он отражает желание принадлежать к группе, которая оценивается положительно¹³⁹.

Сложность исследования этноса и этнических идентичностей в социально-гуманитарных науках связана прежде всего с тем, что ключевые понятия не имеют унифицированных определений и используются в разных

¹³⁷ *Kosterman R., Feshbach S.* Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // *Political psychology*. – 1989. – P. 257-274.

¹³⁸ *Schatz R. T., Staub E.* Manifestations of blind and constructive patriotism: Personality correlates and individual-group relations. – 1997. – P. 229-245

¹³⁹ *Bar-Tal D.* Patriotism as fundamental beliefs of group members // *Politics and the Individual*. – 1993. – Vol.3. – №. 2. – P. 45-62.

традициях по-разному. Одни школы описывают этнос как исторически стабильную общность, другие рассматривают его как социальную конструкцию, возникающую и меняющуюся под влиянием политических и культурных процессов. Это порождает методологические расхождения: любые эмпирические данные интерпретируются через призму выбранной исследователем парадигмы, а сравнение разных исследований затруднено. Дополнительную трудность создает многослойность самих идентичностей. Люди могут одновременно отождествлять себя с несколькими группами, и степень важности каждого уровня меняется в зависимости от контекста. Потребность учитывать динамику и ситуативность приводит к тому, что фиксированные опросные шкалы недостаточно чувствительны, а наблюдательные методы дают фрагментарную картину. Политическая нагруженность темы также влияет на работу исследователя. Любой вывод о границах группы или обосновании ее прав может восприниматься как поддержка той или иной стороны в общественных дебатах, поэтому необходимо постоянно разделять аналитическое описание и нормативные оценки. Наконец, сбор и интерпретация данных осложняются тем, что самоидентификация людей не всегда совпадает с внешними критериями классификации. Одни и те же респонденты могут по ситуации называться представителями этноса, нации или религиозной общины, а исследователь вынужден решать, какой ответ считать «объективным». Все эти факторы вместе делают изучение этноса и этнических идентичностей методологически и этически требовательной задачей.

В рамках примордиалистического подхода этнос и этнические группы рассматриваются как естественные, исторически укорененные сообщества, существующие на основании реальных или воспринимаемых кровнородственных связей и общей культурной традиции¹⁴⁰. Принадлежность к этнической группе трактуется как заданная при рождении и сохраняющаяся на протяжении жизни, а основные признаки группы – язык, религия, обычаи,

¹⁴⁰ Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. – 2016. – №. 5. – С. 5-22.

мифы происхождения – воспринимаются как устойчивые и мало подверженные изменениям. Эмоциональная вовлеченность считается неотъемлемой: связь с этносом понимается как глубинная лояльность и солидарность, выраженная в ощущении «кровного родства» и общей исторической судьбы. Границы между этносами мыслятся относительно фиксированными; они поддерживаются через эндогамию, коллективную память и различия в культуре. Этническое членство воспринимается как базовый социальный факт, предшествующий политическим, экономическим и институциональным структурам и формирующий основу социальной организации.

Клиффорд Гирц, введя понятие «примордиальных привязанностей», сразу указал на аналитические ограничения чистого примордиализма¹⁴¹. Он подчеркивал, что идея врожденных кровнородственных и культурных уз дает лишь исходную предпосылку, но остается описательной и потому недостаточной для объяснения вариативности политического поведения. По его словам, наличие этничности само по себе не решает, когда и почему она становится политически значимой. Гирц указывал, что примордиальная модель не учитывает роль модернизационных процессов, институциональных стимулов и элитной мобилизации, а потому не способна предсказать, где этнические отношения останутся латентными, а где перерастут в конфликт. Он отмечал и теоретическую опасность «реификации» этноса: принятие культурных границ за неизменные мешает понять, как формируются новые лояльности или ослабевают старые. Наконец, Гирц обращал внимание на то, что простой апелляции к «крови и земле» недостаточно, чтобы объяснить случаи перехода индивидов между группами и смешанные коллективные идентичности.

Альфред Редклифф-Браун утверждал, что «этнические группой» или «этноты», следует понимать как конкретные социальные системы, т.е. как

¹⁴¹ Geertz C. The integrative revolution: primordial sentiments and civil politics in the new states // Old societies and new states: The quest for modernity in Asia and Africa. – 1963. – P. 105-157.

совокупность людей, объединенных устойчивым набором институтов, правил родства, политических и ритуальных отношений, а не как общность, определяемую кровным происхождением или культурным «духом»¹⁴². Главная задача анализа таких групп – описать объективную структуру взаимных обязанностей и регулируемых нормами взаимодействий, которые обеспечивают интеграцию группы и ее воспроизводство во времени. Радикально критикуя расовые и психологические объяснения, он настаивал, что принадлежность к «племени» задается прежде всего участием в единой социальной организации, связанной с конкретной территорией и общими механизмами политического порядка. Эмоциональные чувства «мы» он считал вторичными по отношению к функционированию институтов, а культурные различия – проявлением, а не причиной существования группы.

Клод Леви-Стросс подходил к этнической идентичности через призму структурной антропологии, уделяя особое внимание тому, как человеческие общества создают системы значений с помощью культурных категорий, мифов и социальных структур; он выступал против биологических концепций расы и подчеркивал культурные основы человеческого разнообразия¹⁴³. В этой концепции этническая идентичность возникает из исторически передаваемых систем значений и практик, которые отличают одну группу от другой.

Леви-Стросс отвергал идею иерархической классификации культур и утверждал, что каждая группа людей, независимо от уровня технологического развития или географического положения, функционирует в рамках целостной культурной системы. Согласно его структуралистской методологии, эти системы основаны на бессознательных правилах, которые определяют мифы, родственные связи и социальные практики. Таким образом, этническая идентичность не является существенным или биологическим атрибутом, а является продуктом символических различий, созданных и поддерживаемых обществами. Он описал, как культуры проводят границы между «нами» и

¹⁴² Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. – 2001. – 304 с.

¹⁴³ См., напр.,: Lévi-Strauss C. Race and culture //International Social Science Journal. – 1971. – Vol.23. – №. 4. – P. 608-625

«ними», используя мифы, ритуалы и коллективные воспоминания, которые кодируют общее понимание происхождения, территории и социального порядка¹⁴⁴. Леви-Стросс оспаривал этноцентрические интерпретации культурного развития и утверждал, что каждое общество вносит свой уникальный вклад в человеческую цивилизацию. Он считал, что культурное разнообразие представляет собой совокупный результат адаптации человека к различным условиям окружающей среды и историческим обстоятельствам¹⁴⁵. Этническая идентичность в этом контексте отражает особые способы, с помощью которых группы решали общие для всех людей проблемы с помощью различных, но структурно сопоставимых культурных систем.

В конструктивистских теориях этничность и этническая идентичность рассматриваются не как изначальные данности, а как исторически обусловленные социальные конструкты, которые возникают, изменяются и иногда исчезают в ходе обычных процессов классификации, взаимодействия и политической мобилизации. Отправной точкой является «граничная» перспектива, сформулированная Фредриком Бартом: то, что сохраняется во времени, – это не набор общих культурных черт, а социальные границы, которые сами акторы устанавливают между «нами» и «ними»¹⁴⁶; поскольку границы воспроизводятся в повседневном обмене, они также могут быть сдвинуты, пересечены или пересмотрены, когда меняются стимулы.

Роджерс Брубейкер предложил анализировать этничность «без групп», то есть сосредоточиться на моментах, когда общественный дискурс, нормы права или насилия превращают латентную категорию в коллективного актора; такие категории являются институциональными фактами, определяющими восприятие и стратегию, но они обретают прочность только в конкретных политических полях. В книге *«Этничность без групп»* он утверждает, что значительная часть социального анализа искажена тем, что он называет

¹⁴⁴ Леви-Стросс К. Структурная антропология. – DirectMEDIA, 1983. – 399 с.

¹⁴⁵ Lévi-Strauss C. Race and culture // International Social Science Journal. – 1971. – Vol.23. – №. 4. – P. 608-625

¹⁴⁶ Hummell E. Standing the test of time—Barth and ethnicity // Coolabah. – 2014. – №. 13. – P. 46-60.

группизмом – привычкой рассматривать этносы, нации или расы как внутренне однородные, внешне ограниченные корпоративные акторы¹⁴⁷. Он предлагает перенести аналитический фокус с предположительно заданных групп на условные процессы, благодаря которым групповая принадлежность оказывается убедительной в конкретных ситуациях. По мнению Брубейкера, этничность следует рассматривать как категории практики и категории анализа, как репертуар культурных идиом, когнитивных схем и дискурсивных фреймов, а не как неизменные субстанции. Главное – изучать, как политические предприниматели, институты и события активируют или деактивируют категориальные линии, как организационные рутины и государственные классификации кристаллизуют идентификацию и как эпизоды насилия или мобилизации временно порождают ощущение единичности¹⁴⁸. Он настаивает на том, что идентичности реляционны, событийны и изменчивы; аналитики должны объяснить, когда и почему люди рассматривают ту или иную категорию как реальную группу и действуют на этой основе.

1.2.2. Особенности исследования национально-этнической идентичности в России

Исследовательское поле национально-этнической идентичности в России выстраивается вокруг нескольких устойчивых противоречий, которые задают и общую логику, и отличительные черты отечественных работ. Во-первых, оно наследует советскую категориальную сетку, но одновременно усваивает глобальный язык *identity studies*, поэтому в одной и той же статье можно встретить русский термин «самосознание» рядом с заимствованным «идентичность»; при этом авторы нередко смешивают «*identity*» и «*identification*», а еще взаимно заменяют гражданскую «русскую» и

¹⁴⁷ Гранин Ю. Д. Р. Брубейкер. Этничность без групп // Вопросы философии. – 2013. – №. 9. – С. 185-189.

¹⁴⁸ Брубейкер Р. Этничность без групп /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.

этническую «русскую» принадлежность, что признается исследователями самой типичной проблемой понятийного аппарата. Помимо «языковых» проблем, исследователи, которые традиционно опирались на государственную статистику, после переписи-2020 столкнулись с ростом «пустых» ответов: 16,6 млн человек отказались указывать национальность, что может быть связано как с падением значимости этничности, так и с недоверием к сбору персональных данных.

В советской этнологии понятийная схема «племя – народность – нация» использовалась как основная модель для объяснения исторического развития форм этнических общностей в контексте марксистско-ленинской теории. Эта триада опиралась на представление о том, что этнические группы формируются и трансформируются вместе с развитием общественно-экономических формаций.

Понятие племени в этой модели относилось к ранней стадии этнического развития, характерной для первобытнообщинного строя. Племя объединяло людей, связанных кровнородственными связями, общим языком, территорией и хозяйственным укладом; племенная организация основана на коллективной собственности и низкой степени социальной дифференциации. Следующей стадией выступала народность, которая формировалась на базе объединения нескольких племен в условиях разложения первобытного строя и появления классового общества. Народности характеризовались общей территорией, языком, культурными элементами и экономическими связями, но без четко оформленного национального самосознания. В советской литературе народности считались переходным типом этнической общности, существовавшим преимущественно в эпоху феодализма¹⁴⁹.

Высшей формой этнической общности в советской теории считалась нация. Согласно официальной доктрине, нация формировалась в период капитализма и характеризовалась не только общей территорией, языком и

¹⁴⁹ См., напр.: Народы мира : Ист.-этногр. справ. / [Ин-т этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая] ; Гл. ред. Ю. В. Бромлей. - М. : Сов. энцикл., 1988. - 624 с.

экономикой, но и единой культурой и психическим складом. Юлиан Владимирович Бромлей отмечал, что социалистические нации развиваются в условиях равенства и интернационализма, а в перспективе должны сблизиться, образуя единую советскую общность¹⁵⁰.

Лев Николаевич Гумилев определял этнос как естественно сложившийся коллектив людей, обладающий оригинальным стереотипом поведения и существующий как энергетическая система, противопоставляющая себя другим аналогичным коллективам¹⁵¹. Он настаивал на том, что этнос является не социальным, а природным феноменом, расположенным на границе биосферы и социосферы; социальные институты, по его мнению, лишь вторично отражают природную основу этнического бытия.

Ключевым объяснительным механизмом в его модели служит пассионарность, то есть всплеск внутренней энергии, который запускает этногенез. Такие пассионарные толчки не зависят от экономических формаций и технологического прогресса; они выражаются в возникновении нового этноса или в радикальной трансформации существующего. Развитие этноса разворачивается как биологически-подобный жизненный цикл с зарождением, подъемом, акматической фазой, инерцией, обскурацией и рассеянием.

На становление и эволюцию этнических систем, по Гумилеву, влияют три главных группы факторов. Первая – ландшафтная ниша, которая задает границы адаптации и определяет поведенческие реакции сообщества. Вторая – психоэнергетический резерв, выраженный в степени пассионарности. Третья – система устойчивых стереотипов поведения, сформированных коллективным опытом взаимодействия с окружающей средой и соседними этносами. Гумилев подчеркивал, что этнические процессы часто расходятся с экономическими и политическими изменениями: смена этносов может

¹⁵⁰ См., напр.: Этнография: Учебник / Под ред. Ю. В. Бромлей и Г. Е. Маркова. – М.: Высш. школа, 1982. – 320 с.

¹⁵¹ Лепинская В. О. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭТНОСА В РАБОТАХ Л. ГУМИЛЕВА // Апробация. – 2015. – №. 1. – С. 35-36.

происходить без революций в технике или формациях, поскольку ее двигателем является энергетика, а не производство. Этнос, рассматриваемый как социоприродный организм, одновременно подчинен законам природы и истории; нарушение равновесия между ландшафтом, энергетикой и поведенческим стереотипом приводит к деградации или гибели этноса.

Сергей Михайлович Широкогоров определял этнос как совокупность людей, которые биологически самовоспроизводятся, говорят на едином языке, осознают общее происхождение и обладают комплексом устойчивых культурных привычек¹⁵². Эта совокупность существует в обмене с природно-социальной средой и характеризуется собственным названием и чувством внутреннего единства. Центральным элементом этноса он считал «психоментальный комплекс» – глубинный слой коллективных представлений и аффектов, благодаря которому группа поддерживает целостность и отличает себя от соседей¹⁵³. Этнос описывается как «биопсихическое организмоподобное» образование: он рождается, развивается, может деградировать и исчезнуть, если нарушается равновесие с окружающим миром. Механизм изменений Широкогоров связывал с демографическими колебаниями, миграцией, смешанными браками и адаптацией к новой среде; при благоприятных условиях эти факторы запускают «этногенез», создавая новую этническую форму. Он разграничивал этнос и такие понятия, как племя или нация: племя для него – политико-территориальное объединение, а нация – более позднее и более крупное историческое образование, в которое может входить несколько этносов. Широкогоров подчеркивал, что число носителей, их компактность и устойчивый культурный стереотип – критические параметры выживания этноса. В построении теории он опирался на биологическую эволюцию,

¹⁵² По: Anderson D. G., Arzyutov D. T., Alymov S. S. Life histories of ethnos theory in Russia and beyond. – Open Book Publishers, 2019. – P.398

¹⁵³ Широкогоров С. М. Психоментальный комплекс тунгусов //London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co. – 1935.

статистический анализ населения и полевую этнографию тунгусских групп в Маньчжурии.

Юлий Валерьевич Бромлей определял этнос как двуединый, системный феномен. С одной стороны, существует культурное ядро, которое он назвал «этникосом»: это совокупность языка, материальной культуры, норм поведения, психического склада и осознания общего имени¹⁵⁴. Эти признаки рассматриваются как инерционные и воспроизводимые на протяжении длительных исторических периодов. С другой стороны, этникос проявляется в конкретных социально-экономических формах, объединенных термином «этносоциальный организм». Этносоциальный организм – это часть соответствующего этникоса, компактно размещенная в границах одного государства, включающая всю внутреннюю классово-профессиональную структуру и действующая в определенном хозяйственном укладе. Таким образом один и тот же этникос может быть представлен несколькими этносоциальными организмами, если его носители проживают в разных странах; наоборот, внутри одного государства возможна конфигурация из разных этникосов, каждый со своим ядром, но включенный в общий социум. Бромлей подчеркивал, что устойчивость этникоса обеспечивается сочетанием демографической саморепродукции, территориальной связанности и сохранения культурного кода, тогда как изменения в экономике, миграциях и политике отражаются прежде всего на уровне этносоциального организма. Разграничение этих двух уровней он считал необходимым условием для анализа этногенеза и для объяснения того, почему культурная целостность может переживать быстрые социальные трансформации.

Виктор Александрович Шнирельман выдвигает тезис о том, что исследование идентичности немыслимо без различения реальности и ее символического образа: именно представления людей о мире, а не объективные «культурные черты», задают рамку коллективного поведения и

¹⁵⁴ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. // М.: 1983. С.56

политической мобилизации¹⁵⁵. В центре авторского внимания оказывается политический миф – конструкт, который претендует скрепить группу через рассказ о ее «естественном единстве», но действует только там, где элиты обладают монополией на информацию и институциональными рычагами тиражирования символов; потому авторитарные режимы оказываются особенно восприимчивы к такому мифотворчеству.

Шнирельман подчеркивает, что устойчивость мифа держится на социальной памяти: элиты закрепляют «правильную» версию прошлого через праздники, музейную политику, памятники и школьные программы, однако локальные группы постоянно переинтерпретируют эти знаки, производя множественные, конфликтующие образы истории. Тем самым автор вводит реляционную логику: идентичность – это не внутреннее свойство этноса, а эффект борьбы между дискурсивными и институциональными актерами за контроль над репертуаром памяти. Особое значение автор придает положению доминирующего большинства: оно склонно считать собственную культуру «нормой» и не видеть ее этничности, что делает его восприимчивым к мифам о национальной миссии и одновременно стимулирует меньшинства предъявлять «культурный капитал» как стратегию символической конкуренции. Этим Шнирельман расширяет фокус с анализа угнетенных групп на исследование привилегий и невидимых механизмов самоутверждения большинства.

В работах Здравомыслова Андрея Григорьевича затрагиваются теоретические вопросы концептуализации национально-этнической идентичности. Он задает рамку для переосмысления того, как в постсоветском контексте следует изучать русскую идентичность: прежняя бинарность между эссенциалистским «примордиализмом» и волюнтаристским конструктивизмом больше не дает исследовательской отдачи. Предлагается релятивистско-реляционный подход, который фиксирует сам процесс

¹⁵⁵ Шнирельман В. А. Идентичность и политика постсоветской памяти // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2009. – №. 2. – С. 209.

соотнесения «я-мы» и «они» в конкретных исторических и институциональных конфигурациях, не отказываясь от наследия советских классификационных практик¹⁵⁶.

Ключевой теоретический акцент смещается на понятие «нация» как базового оператора социальной классификации: институциональные дефиниции, унаследованные от системы территориализации этничности и графы «национальность», одновременно задают поля возможностей и иерархии престижности, заставляя исследователя учитывать, как само наличие официальной категории направляет индивидуальные траектории самоописания и политической мобилизации. Здравомыслов и Цуциев формулируют «релятивистскую теорию нации», где этнические и национальные солидарности рассматриваются как сопряженные продукты интерпретаций разных акторов, от государства до «человека с улицы»; устойчивость групповых границ поддерживается привычным габитусом, в котором элитарные идеологии соединяются с нерелексивными повседневными действиями, воспроизводя чувство принадлежности без жесткой онтологизации этнического «ядра»¹⁵⁷. При анализе русской идентичности авторы настаивают на принципиальной реляционности: «быть русским» определяется через историю взаимодействия с «значимыми другими» – от татар и поляков до современных европейских образов – и через региональные конфигурации соседства, где каждый набор контрагентов переопределяет нормы русскости и допустимые способы дистанцирования или сближения.

Эмиль Абрамович Паин говорит о том, что в рамках исследования русской идентичности национализм необходимо рассматривать не как застывшую «идеологию национального превосходства», а как меняющийся набор смыслов, в котором по-разному сочетаются гражданско-политические

¹⁵⁶ Здравомыслов, А. Г. Этничность в постсоветском пространстве: соперничество теоретических парадигм / А. Г. Здравомыслов, А. А. Цуциев // Вестник Института цивилизации. – 2001. – № 4. – С. 125-154.

¹⁵⁷ Здравомыслов, А. Г. Этничность в постсоветском пространстве: соперничество теоретических парадигм / А. Г. Здравомыслов, А. А. Цуциев // Вестник Института цивилизации. – 2001. – № 4. – С. 148.

и этнокультурные элементы; эти элементы последовательно вытесняют друг друга, отражая борьбу общества за суверенитет с государством, а не естественную эволюцию «русского характера»¹⁵⁸.

Через историческую реконструкцию Паин демонстрирует, что русская национальная идея прошла четыре смены опорной логики: гражданское знамя декабристов, официоз «православия-самодержавия-народности», этническую романтику поздних славянофилов и имперско-ксенофобную черносотенная модель; последовательная смена доминирующих ценностей свидетельствует о том, что «содержание русскости» определяется не культурным ядром, а актуальным балансом социальных сил и властных интересов. Он выделяет отдельную, новейшую фазу – национал-демократический проект 2000-х, стремившийся вернуть национализму гражданский смысл, антиимперскость и демократическую повестку; его краткое существование автор трактует как индикатор устойчивости имперского габитуса и готовности массового сознания к негативной консолидации¹⁵⁹.

В работах Леокадии Михайловны Дробижевой особое внимание уделяется соотношению национально-гражданской и этнической идентичности в современной России. Дробижева отмечает, что в постсоветский период возникла ситуация сосуществования двух идентификационных систем: с одной стороны, гражданской принадлежности к многонациональному государству, а с другой – этнической идентификации, основанной на принадлежности к определенной этнокультурной группе. Дробижева подчеркивает, что эти идентичности имеют разную природу, но обе выполняют важные интеграционные функции и формируют базу социальной самоорганизации.

Национально-гражданская идентичность, по Дробижевой, конструируется на основе правового, политического и эмоционального единства граждан независимо от их этнического происхождения. Она

¹⁵⁸ Паин Э.А. Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2016. – №1-2 (122). – С. 126-139.

¹⁵⁹ Там же.

основана на отождествлении себя с политико-гражданским сообществом, на разделении ответственности за судьбу страны и сопряжена с патриотическими чувствами: в России формирование такой идентичности осложняется исторически прочной связью между понятием «нация» и этнической принадлежностью¹⁶⁰. Тем не менее в официальном дискурсе и массовом сознании постепенно формируется понимание нации как гражданского сообщества.

Также в рамках обсуждения дихотомии национально-этнической идентичности, Дробижева рассуждает о том, что позитивная совместимость двух идентификаций возможна лишь при одновременном снижении ксенофобных настроений и росте доверия к институтам; иначе национальная идентичность воспроизводит те же барьеры, что и этническая идентичность большинства (русских), и превращается в инструмент символической блокировки миграции и культурного разнообразия¹⁶¹. Пример подобного поведения проявляется при сравнении разных массивов данных, где эмоциональная «близость к гражданам России» растет быстрее, чем частота актуального обращения к этничности, однако не сопровождается снижением опасения «чужих»¹⁶². Дробижева пытается связать две традиции анализа идентичности – «содержательную», изучающую ценностную и эмоциональную структуру принадлежности, и «структурно-сравнительную», проверяющую взаимодействие разных уровней самоописания на репрезентативных данных; в качестве главной исследовательской задачи автор выдвигает вопрос о том, каким образом национально-гражданская самоидентификация может уживаться с этнической и превращаться из декларируемой политической элитой в устойчивый психосоциальный ресурс широких слоев населения.

¹⁶⁰ Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. – 2021. – №. 1-2. – С. 39-52.

¹⁶¹ Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. – 2008. – №. 7. – С. 227.

¹⁶² Там же, С. 223

Теоретический ракурс задают три взаимосвязанных акцента. Во-первых, конструктивистский: идентичности рассматриваются как продуцируемые дискурсивно и институтами, поэтому эмпирический анализ строится вокруг того, как формулировка вопроса в опросе производит разные степени «актуализированной» и «глубинной» близости к общности. Во-вторых, модернизационный: рост гражданской самоидентификации трактуется как индикатор перехода от пост-кризисной этнической мобилизации 1990-х к более рационализированной модели лояльности, хотя автор подчеркивает, что эта модель остается амбивалентной, совмещая модернистские ожидания доверия к законам с традиционалистской ориентацией на «величие государства». В-третьих, этно-психологический: даже усиливающаяся российская гражданская идентичность несет в себе латентный этноизоляционизм, что фиксируется совпадением поддержки лозунга «Россия для русских» с установкой «национальность всегда разъединяет людей»¹⁶³.

По результатам другого исследования Дробижевой в начале нулевых этническая идентичность русских в результате особенностей исторического развития больше базировалась на государственности и политическом контексте, чем на культурных маркерах¹⁶⁴. Это показывает, что изменения в государственно-гражданской и этнической идентичности русских в 1990-е и 2000-е годы были в значительной степени обусловлены политическими факторами. Российская гражданская идентичность была менее распространена, чем этническая, но становилась более выраженной и неразмытой в сравнении с другими народами. Это указывает на более быстрое и явное формирование государственно-гражданской идентичности у русских. Чувство враждебности к «другим» у русских в 2002-2008 годах варьировало от «очень часто» до «редко», что указывает на отсутствие фиксации враждебных установок в этот период.

¹⁶³ Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. – 2008. – №. 7. – С. 225

¹⁶⁴ Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. – 2010. – №. 12. – С. 51

Говоря об идентичности в более поздний период (исследование 2018 года), Дробижева обращает внимание на то, что концепция российской идентичности сложна, а граждане по-разному ее интерпретируют¹⁶⁵. Несмотря на то, что концепция является ключевой в Государственной стратегии национальной политики до 2025 года, не все граждане осознают ее научное и политическое значение. Лишь немногие люди придают приоритетное значение гражданским обязанностям как части своей идентичности, что противоречит результатам из нулевых, где политическая составляющая была приоритетной, историческое прошлое, культура, язык, территория и государство являются более объединяющими факторами. Также интересным замечанием является тот факт, что российская гражданская идентичность и российская идентичность представляются разнозначными терминами.

В рамках работ Тишкова Валерия Александровича интересным является замечание о том, что «русские» – не монолит, а совокупность разнородных локальных групп, культурная дистанция между которыми нередко превышает дистанцию, отделяющую их от исторически соседних нерусских общин. Тишков отрывает дискуссию об идентичности от эссенциалистской логики поиска «ядра» и переводит ее в плоскость анализа переживаемых межгрупповых взаимодействий и пересечений культурных траекторий. Опираясь на критику официальной статистики, он показывает, что самоидентификация, зафиксированная в переписях (к примеру, указание «родного языка»), далеко не тождественна реальным коммуникативным практикам¹⁶⁶. Расхождение между декларируемым и проживаемым здесь предстает не методологической погрешностью, а самостоятельным феноменом, подталкивающим исследователя к учету повседневного языкового поведения как индикатора гибких, изменчивых границ «русскости».

¹⁶⁵ Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. – 2020. – №. 8. – С. 37-50.

¹⁶⁶ Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т.6, № 4. – С. 141-142.

Ачкасов Валерий Алексеевич рассматривает этническую и национальную идентичность как аналитически различимые, но взаимозависимые явления, которые возникают, функционируют и трансформируются посредством различных социальных механизмов. Этническая идентичность, по его мнению, обычно приобретается невольно при рождении, укореняясь в языке, детской социализации и окружающей культурной среде; для миллионов людей это «самоочевидный» факт, который отвечает на вопросы «кто я и с кем?» и остается наиболее стабильной формой принадлежности, особенно в условиях социального кризиса¹⁶⁷. Поскольку индивид не выбирает этнос, эта идентичность приобретает почти сакральный характер и становится мощным ресурсом для политической мобилизации и легитимации или делегитимации элит.

Национальная – или, по его терминологии, гражданская – идентичность, напротив, предполагает сознательный акт присоединения к политическому сообществу и поэтому строится, воспроизводится и оспаривается в публичной сфере. Она требует нарративной работы: нация «воображается» через истории, которые заставляют разрозненных граждан чувствовать себя частью «коллективного я» и тем самым интегрируют социальные различия¹⁶⁸. Эти истории зависят от избирательного отношения к прошлому; чем убедительнее национальная история, тем сильнее чувство единства.

Поскольку выбор нарратива по своей сути является политическим, Ачкасов уделяет особое внимание роли государственных институтов и элитных деятелей. Современные государства монополизируют уникальные ресурсы – суверенитет, образовательные стандарты, правила гражданства – и используют их для навязывания предпочтительных классификаций, распределения символических вознаграждений и определения границ нации¹⁶⁹. Таким образом, политика идентичности становится рутинной

¹⁶⁷ Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора //Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т.2. – №. 1. – С. 48-58.

¹⁶⁸ Ачкасов В. А. Национальная идентичность как исторический нарратив //Управленческое консультирование. – 2018. – №. 10 (118). – С. 19-26.

¹⁶⁹ Ачкасов В. А. Политика идентичности в современном мире //Вестник Санкт-Петербургского университета.

функцией правительства, направленной на то, чтобы убедить граждан в том, что они составляют единый политический организм и обязаны проявлять солидарность друг с другом и с государством.

Ачкасов распространяет этот анализ на постсоциалистическую часть Европы, показывая, как соперничающие элиты используют «политику памяти» для изобретения традиций, увековечения отдельных событий и замалчивания неудобных фактов, тем самым создавая национальные мифы, лежащие в основе новых проектов государственности. Этот процесс, отмечает он, характеризуется соперничеством традиций, войнами интерпретаций и культивированием антагонистических воспоминаний¹⁷⁰. Ачкасов анализирует речи, учебники, памятные мероприятия и официальные документы, чтобы проследить, как идентичности называются, классифицируются и мобилизуются. Сопоставляя спонтанную, эмоциональную силу этнической принадлежности с конструированной, спорной природой гражданской нации, он иллюстрирует, почему кризисы легитимности в переходных обществах так часто вращаются вокруг споров об истории, и почему успешная национальная консолидация требует последовательных, ориентированных на будущее нарративов, а не реактивного создания мифов.

Сикевич Зинаида Васильевна рассматривает этническую идентичность как результат повседневного процесса сравнения «мы» – «не-мы»; она формируется на символических «этнических границах», которые отделяют собственную группу от всех прочих и активизируются, когда в социуме возникают ситуации контакта или конкуренции с «чужими»¹⁷¹. Этничность осознается лишь при наличии предмета сопоставления; в моноэтнической среде она «размывается», уступая место экономическим и статусным различиям. Поэтому переживание этнической принадлежности носит ситуационный характер и усиливается в периоды социальной напряженности.

Международные отношения. – 2013. – №. 4. – С. 71-77.

¹⁷⁰ Ачкасов В. А. Роль « исторической политики» в формировании российской идентичности //Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т.18. – №. 2. – С. 181-192.

¹⁷¹ Сикевич З. В. Этнические предубеждения как основа проявления интолерантности //Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т.7. – №. 2. – С. 36-53.

Национальную идентичность Сикевич связывает с принадлежностью к многомерной «национальной среде», включающей территорию, историю, культуру, политико-правовой строй и коллектив символических образов¹⁷². Индивид конструирует субъективное «национальное пространство», ориентируясь на образ «национального Я», который задает место человека в этой среде и определяет меру соучастия в жизни государства. Таким образом, национальная идентичность зависит не от рождения, как этническая, а от усвоения государственных символов, норм и ценностей.

Соотношение двух уровней идентификации многообразно. Сикевич выделяет пять базовых форм: доминирующую этническую идентичность, этнический радикализм, доминирующую национальную идентичность, этнонациональный радикализм и этническо-национальную индифферентность¹⁷³. Эти формы фиксируются эмпирически и меняются во времени под влиянием социально-политической динамики.

В сумме автор подчеркивает, что этническая и национальная идентичности сосуществуют, но имеют разную природу: первая коренится в ранней социализации и символическом разграничении, вторая строится на усвоении государственных символов и ценностей. Их баланс зависит от исторического контекста, семейной социализации и деятельности институтов, а устойчивость многонационального государства требует укрепления гражданской идентичности без подавления этнического многообразия.

Раиса Эдуардовна Бараш рассматривает этническую и гражданскую идентичности как взаимосвязанные, но различающиеся по основаниям формы коллективного самоопределения. Гражданская идентичность, по ее словам, строится на исторической памяти: образы национального прошлого, поддерживаемые государственными институтами коммеморации и семейными рассказами, создают «ценностный хронотоп», в котором граждане

¹⁷² Сикевич З. В. К феномену национальной идентичности // Конференция: XVII Ковалевские чтения Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. – С. 362-364.

¹⁷³ Там же.

осознают связь с Родиной через символы культуры и победы¹⁷⁴. Память о войнах и великих достижениях выступает моральным ориентиром и ресурсом сплочения, особенно в условиях внешнеполитической изоляции, когда общество ищет «уроки» истории для выбора будущего курса. Этническая идентичность, напротив, определяется через механизм межгруппового сравнения. Бараш показывает, что массовое сознание россиян склонно самоопределяться через «фигуру Другого»: высокий уровень этнической солидаризации сопровождается выделением чужих групп, прежде всего кавказцев и мигрантов из Средней Азии¹⁷⁵. «Негативные» образы подпитывают позитивное ощущение собственного «мы»; эта логика, опирающаяся на стереотипы и ксенофобию, усилилась в 2010-е годы на фоне политизации этничности.

Особое место занимает русская этническая идентичность. В работах о концепте «Русского мира» Бараш и Петухов отмечают декларативность «русскости» как основания гражданской общности: внутри страны и в ближнем зарубежье русские нередко мало интегрированы в единое культурное поле, а советские и собственно русские атрибуты сосуществуют без четкой институционализации; при этом тема «разделенного русского народа» используется как инструмент внешнеполитической мобилизации, тогда как реальная культурная консолидация остается незавершенной¹⁷⁶. Для укрепления гражданского единства государство прибегает к образу «коллективного Запада», который выполняет функцию внешнего Другого. Социологические данные показывают, что россияне комбинируют традиционно-самобытные и западно-либеральные ценности, но остро реагируют на попытки пересмотра отечественной истории; несовпадение

¹⁷⁴ Бараш Р. Э. Историческая память как ценностное основание гражданской идентичности российского общества 2020-х гг //Социум и власть. – 2024. – №. 4 (102). – С. 116-132.

¹⁷⁵ Бараш Р. Э. Фигура «Другого» как значимая составляющая Российской/русской идентичности //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – №. 1 (107). – С. 90-99.

¹⁷⁶ Петухов В. В., Бараш Р. Э. Русские и «Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение //Полис. Политические исследования. – 2014. – №. 6. – С. 83-101.

исторических нарративов с Западом усиливает ощущение собственной личности¹⁷⁷.

В совместных работах Зинуровой Раушании Ильшатовны и Тузикова Андрея Римовича этническая и гражданская идентичности трактуются как компоненты «пакета» множественных самоопределений, который современная молодежь формирует под влиянием идеологического дискурса и социально-культурных контекстов. В теоретической статье 2015 г. они связывают каждую идентичность с определенной «частичной» ролью: территориальной, телесной, культурной, профессиональной, а также добавляют потребительскую, клубную и сетевую¹⁷⁸. Такой расширенный перечень позволяет точнее фиксировать реальные конфигурации идентичности и объясняет, почему этничность и гражданственность не исчерпывают всего спектра, но остаются ключевыми, так как именно они задают границы «мы» и «они» и воспроизводятся через идеологию. Авторы подчеркивают, что в ситуациях конфликтов идеологические нарративы национализма или космополитизма могут трансформировать баланс между этими уровнями, усиливая либо размывая этнические маркеры. Для устойчивости общества, по их мнению, необходима общегражданская идеология, способная интегрировать множественные этнические принадлежности без их «растворения».

Они развивают эту позицию, противопоставляя примордиалистскому пониманию этничности конструктивистский и инструменталистский подходы, где принадлежность к этносу ситуативна и исторически подвижна¹⁷⁹. Этническую идентичность они описывают как «плавающую» категорию, интенсивность которой зависит от значимости «чужого» в конкретной обстановке. Гражданская же идентичность относится к политическому

¹⁷⁷ Бараш Р. Э., Петухов Р. В. Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу» //Вестник Института социологии. – 2023. – Т.14. – №. 4. – С. 147-175.

¹⁷⁸ Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Концептуализация социокультурных аспектов формирования идентичности современной молодежи в рамках теории идеологии //Управление устойчивым развитием. – 2015. – №. 1. – С. 39-44.

¹⁷⁹ Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Социокультурные основания множественной идентичности социальных групп молодежи в современных обществах: концептуализация и проблема измерений //Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – №. 4. – С. 338-341.

уровню и требует согласия относительно ценностей государства. Когда она не подкреплена легитимной общей идеологией, возникают контр-идентичности, способные подрвать национальное единство; примером авторы считают конфигурации, в которых внешние космополитические или транснациональные ориентиры вступают в конфликт с внутренними этническими лояльностями. Поэтому задача политики – поддерживать баланс, где гражданское ядро доминирует, но оставляет место этнокультурному разнообразию.

Эмпирическое исследование 2019 г. в крупных городах Татарстана демонстрирует, как этот баланс реализуется на практике¹⁸⁰. Социологи выделили три типа идентификации: «чистые россияне», «татаро-россияне» и «нероссияне». Распределение зависит от этничности, возраста и дохода: бинарная идентичность чаще встречается среди татар, лиц со средним достатком и молодежи 20–49 лет, тогда как крайние позиции занимают части русских с высокими доходами и татар с очень низкими доходами. При этом свыше половины населения крупных городов отвергают идею отдельного государства для каждого народа РФ и считают целесообразным единое государство, представляющее интересы всех граждан. Эти данные, по мнению авторов, подтверждают тенденцию к укреплению общероссийской гражданской идентичности при сохранении сильной этнической составляющей, причем напряженность межнациональных отношений воспринимается ситуативно и более остро среди групп с высокой или очень низкой материальной обеспеченностью. Этническая и гражданская идентичности сосуществуют в динамическом «пакете», строительным материалом которого служат идеологические нарративы. Этничность дает символические границы и ресурс мобилизации, а гражданственность – институциональную рамку и ценностное единство. Устойчивость многонационального государства достигается, когда эти два уровня не

¹⁸⁰ Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Региональные особенности гражданской идентификации в Республике Татарстан: опыт социологического исследования // Управление устойчивым развитием. – 2019. – №. 1. – С. 48-54.

конкурируют, а взаимно легитимируют друг друга через общие цели и признание культурного многообразия.

В статье Семененко Ирины Станиславовны последовательно проводится мысль о необходимости отказа от универсально негативной интерпретации национализма, закрепившейся как в обыденном, так и в академическом дискурсе¹⁸¹. Автор отмечает, что на современном этапе в научной литературе термин «национализм» все чаще рассматривается не как исключительно радикальная или экстремистская идеология, но как комплексное социально-политическое явление, обладающее множеством контекстуальных форм и значений¹⁸².

Особое внимание в работе уделяется тому, что национализм в зависимости от конкретных исторических и политических условий выполняет разные функции. Семененко подчеркивает: в ряде случаев национализм может выступать инструментом политической консолидации, фактором интеграции и мобилизации общества, способом символического оформления коллективной идентичности, особенно в государствах с многоэтничным и полиэтническим составом¹⁸³. При этом автор обращает внимание на то, что разделение национализмов на «гражданский» и «этнический» сегодня оказывается недостаточным для описания реальных националистических практик, которые могут выходить за рамки данной дихотомии¹⁸⁴.

Национальная и этническая идентичности представляют собой социальные феномены, которые формируются под влиянием культурных, социальных и политических факторов.

Эссенциалистский подход исходит из того, что национальная и этническая идентичности глубоко укоренены в эмоциональных, символических и культурных связях, воспринимаемых людьми как естественные и незыблемые. Эти связи поддерживаются мифами, символами

¹⁸¹ Семененко, И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса / И. С. Семененко // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 11. – С. 91-102.

¹⁸² Там же, С. 97.

¹⁸³ Там же, С. 95.

¹⁸⁴ Семененко, И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса / И. С. Семененко // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 11. – С. 97.

и коллективной памятью, создавая стабильность и преемственность идентичности. Однако этот подход признает, что искусственные или принудительные попытки изменить идентичность обычно неэффективны и приводят к сопротивлению со стороны индивидов и групп. В рамках примордиализма этнос и нация также рассматриваются как естественные, укорененные в биологическом родстве, кровных связях, общей территории и происхождении. Согласно этому подходу, принадлежность к этнической или национальной группе воспринимается индивидами как объективная и неизменная данность, обусловленная природными или исторически сложившимися географическими условиями.

Конструктивистский подход акцентирует внимание на роли современных институтов и государства в формировании национальной и этнической идентичностей, подчеркивая их искусственный и исторически обусловленный характер. Согласно этой позиции, идентичности создаются посредством государственных и общественных институтов, образования, средств массовой коммуникации, политических и культурных элит. В рамках конструктивизма подчеркивается, что идентичности не только формируются «сверху вниз», но и конструируются в повседневных практиках через банальные, нерелексивные действия, укорененные в обыденной жизни и социальной коммуникации.

Этносимволистский подход признает роль культурных и исторических символов, этнических мифов и традиций как основы для формирования национальных идентичностей. В рамках этого подхода подчеркивается, что культурная память и историческое наследие остаются важными для формирования идентичности, хотя они и подвергаются постоянному переосмыслению и адаптации к современным условиям. В этом смысле культурные и исторические элементы не только конструируются, но и активно воспроизводятся через практики социальной памяти и коммеморации.

Убежденность людей в «кровном», биологически строгом происхождении этноса на первый взгляд кажется прямым подтверждением

примордиалистской картины мира, в которой общность существует как некая врожденная данность. Однако сама эта вера обычно является социальным фактом, а не лабораторным доказательством родства, и потому может рассматриваться в конструктивистской и символично-интеракционистской оптиках.

«Кровный аргумент» можно рассматривать как культурный ресурс, который мобилизуют элиты или группы, когда им нужно обосновать исключительные права, усилить внутригрупповую солидарность или легитимировать границы. Биологическая лексика здесь выступает риторической стратегией: она придает эмоциональную плотность рассказу о единстве, но не доказывает генетической однородности. То, что люди ссылаются на кровь, уже есть «сделанная» коллективная реальность, независимо от того, насколько эта кровь реально одинакова.

Символично-интеракционистский взгляд акцентирует процесс повседневного подтверждения: участники взаимодействия постоянно посылают друг другу сигналы принадлежности и получают обратную связь. Если понятие «общая кровь» используется как основание доверия, взаимной помощи или, наоборот, исключения, то оно материализуется в поступках: биологическая вера, даже не имея генетической точности, становится социальной реальностью, потому что ведет к реальным распределениям ресурсов, брачным стратегиям, политическому голосованию или конфликту.

Таким образом, примордиализм описывает содержание убеждения («мы объединены кровью»), а конструктивизм и символично-интеракционизм объясняют его функцию и механизмы воспроизводства: как именно дискурс о крови создается, тиражируется, закрепляется в памятниках, учебниках, семейных историях, и почему люди, разделяющие такой дискурс, действуют так, будто генетическая общность бесспорно доказана. В этом смысле «биологический» аргумент становится частью культурного конструкта и каждодневной драматургии идентичности, даже если фактические биомаркеры не подтверждают заявленного родства.

Национально-этническая идентичность может принимать как позитивные, конструктивные формы (патриотизм, умеренный национализм), так и негативные, агрессивные проявления (шовинизм, этнический радикализм).

В социологических исследованиях национально-этнической идентичности в России выделяется характерное напряжение между гражданской и этнической идентичностями, которые могут одновременно сосуществовать и конкурировать друг с другом. Отмечается, что в контексте российской действительности эти две формы идентичности не всегда четко разграничиваются, создавая методологические сложности и понятийную неопределенность. При этом устойчивость российского многонационального государства признается зависящей от способности найти баланс между гражданской интеграцией и этническим многообразием, а также от способности институтов создавать эффективные механизмы общей идентификации.

Глава 2. ИЗМЕРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БОЛЬШИНСТВА: ЭМПИРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

2.1. Анализ эмпирических исследований национально-этнической идентичности: результаты, методологические направления и концептуальные тенденции

Можно говорить, что исследователи сходятся в том, что национальная и этническая идентичность поддается изучению лишь тогда, когда ее удастся «заземлить» в наблюдаемые маркеры и институциональные практики: место рождения, акцент, школьные учебники, газетную лексику, визуальные ритуалы или статистически фиксируемые установки. Общим для всех является стремление связать абстрактное чувство «мы» с конкретными эмпирическими индикаторами, позволяющими увидеть, как очевидная принадлежность порождается и поддерживается через обучение, медиа-потoki и повседневные классификации.

Чтобы понять глубокие и сложные культурные значения нации, нужны четкие, постоянные и заранее продуманные «маркеры» идентичности и национальности, которые позволяют нам концептуализировать и практиковать различные формы социализации, такие как принятие или терпимость по отношению к ин- и аутгруппе. Национальная идентичность формируется конфликтным взаимодействием между эмоциональной привязанностью к традиционализму и рациональными силами модернизма, а также народной мобилизацией во время культурных контактов, возникающих в результате соперничества, состязаний или сотрудничества.

С другой стороны, поднимаются более прикладные вопросы: насколько вообще важно изучать национальную идентичность в контексте растущей глобализации? Ульрих Бек утверждал, что национализм есть «лишь остров в всепоглощающей реке космополитанизма»¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Beck U., Willms J. Conversations with Ulrich Beck. – John Wiley & Sons, 2014. – 240 p.

Но, например, Майкл Биллинг противоречит Беку. Он утверждает, что национализм и мир национальных государств не остались в прошлом. За последние 20 лет произошли массовые перемещения населения через национальные границы, но это не означает, что границы были разрушены. Напротив, в странах, куда бегут мигранты, наблюдается давление в сторону укрепления границ¹⁸⁶. В целом, границы продолжают охраняться, а также оспариваться как в политическом, так и в военном плане. Границы внутри Европейского Союза были смягчены, но границы вокруг ЕС были укреплены, чтобы исключить мигрантов. Количество пограничных стен в мире увеличилось: если в 1989 году было 15 пограничных стен, то к 2016 году их стало 70. Число смертей на границах растет, достигнув рекордных показателей в 2015 году¹⁸⁷. Все это строительство оград и повышенное внимание к границам происходит в то время, когда глобальная торговля и количество международных поездок растет.

Фокусирование на статичных маркерах национализма происходит из-за того, что исследователи концентрируются на незаметных, банальных аспектах национализма – например, национально-дейктическом употреблении определенного артикля (*le président, the prime minister, el país, ha-aretz* и так далее) и всех других едва заметных, но постоянно посылаемых признаках национальной идентичности. Однако национализм, как отмечает Крейг Кэлхан, не может опираться только на такие бледные факторы¹⁸⁸. Он требует, по выражению Кэлхана, «воображения», чтобы каждая нация представляла себя уникальной. А воображая себя уникальной, конкретная нация является такой же, как и все другие нации, воображающие себя уникальными.

¹⁸⁶ Brandys R. R., Laurent N. – P., Knox B. A. United States-Mexico Border Wall: The Past, the Present and What May Come // *Real Prop. Tr. & Est. LJ.* – 2018. – Vol.53. – P. 131.

¹⁸⁷ Jones R. *Violent borders: Refugees and the right to move.* – Verso Books, 2016. – 224 p.

¹⁸⁸ Calhoun C. *The rhetoric of nationalism* // *Everyday nationhood: Theorising culture, identity and belonging after banal nationalism.* – 2017. – P. 17-30.

Манолис Працинакис¹⁸⁹ и Гезине Валлем¹⁹⁰ обсуждают, как граждане в своих повседневных действиях могут не соглашаться с официальными [либеральными] маркерами национальной идентичности. Эти граждане не являются «националистами» в традиционном понимании этого термина, потому что они не хотят отделиться от своей нации, перекраивать ее границы или строить политику вокруг идеи нации. Вместо этого они хотят исключить из нации тех, кто официально претендует на гражданство их страны.

Працинакис и Валлем представляют данные о двух группах населения, живущих в разных странах, но имеющих схожую реакцию. Працинакис рассматривает реакцию коренных греков на приезжих из бывшего Советского Союза, которых греческое правительство объявило этническими греками. Валлем рассматривает аналогичную ситуацию в Германии. В обоих случаях приезжие не воспринимаются как сограждане многими местными жителями, которые видят в них прежде всего «русских». Они критикуют приезжих за то, что те говорят между собой по-русски, ведут себя так называемым типично «русским» образом и вообще за то, что они «на самом деле» русские, а не «на самом деле» греки или немцы. Эти коренные жители считают, что их правительства совершили «категориальное предательство», когда приняли этих, по сути, «иностранных» приезжих, как если бы они были «настоящими» греками или немцами. Эта националистическая жалоба представляет собой то, что ученые называют «повседневным национализмом».

В исследовательской книге Линдси Патерсона, Дэвида МакКрона и Фрэнка Бэкхофера глубоко рассматривается вопрос о дизайне исследования: если большинство людей воспринимают свою собственную национальную идентичность как нечто само собой разумеющееся, как беспроблемную данность, то в таких обстоятельствах добиться формализации национальной идентичности непросто¹⁹¹. Таким образом, именно те люди, которые

¹⁸⁹ *Pratsinakis M.* Established and outsider nationals: Immigrant–native relations and the everyday politics of national belonging // *Ethnicities*. – 2018. – Vol.18. – №. 1. – P. 3-22.

¹⁹⁰ *Wallem G.* Doing ‘Russian-Germanness’: performativity and co-ethnic belongings in the context of post-Soviet migration to Germany : дис. – Paris, Institut d'études politiques, 2020.

¹⁹¹ *Paterson L., Bechhofer F., McCrone D.* Living in Scotland: social and economic change since 1980. – Edinburgh

находятся в проблемных ситуациях или местах, оказываются интересными. Они не являются «типичными», но они выделяют процессы или переживания, которые говорят о том, как действует идентичность, для кого и при каких обстоятельствах.

Авторы говорят о ценности национальной идентичности в контексте «нетипичных» представителей нации: суть заключалась в том, что высокий статус подчеркивал значимость национальной идентичности и делал ее предметом дискуссий, совершенно не связанных с опытом или компетентностью [землевладельцев]. Если бы они не родились и не выросли в Шотландии, им пришлось бы отстаивать право владения или управления чем-то столь знаковым, как земля. Таким образом, многие представители этих элит, не имеющие определяющие «маркеры» национальной идентичности шотландцев, не могли прибегнуть к обычным критериям рождения и воспитания в качестве оправдания владения землей, но должны были гораздо больше жить и зарабатывать на жизнь в Шотландии, внося вклад в общество и, что особенно важно, решив взять на себя обязательства перед государством. Они могли бы возразить, что маркер национальной идентичности, определяемый местом рождения, был просто фактом жизни, находящимся вне их контроля, в то время как позитивное действие, заключающееся в выборе страны проживания и принятии обязательств по отношению к ней, было ключом к их идентичности, однако социальное конструирование национальной идентичности оценило эти маркеры недостаточными.

Другая часть раннего исследования следовала той же логике необычного и критического случая, однако касалась географического положения: места на границе часто являются местами с оспариваемой идентичностью, вплоть до того, что «пограничные народы» являются межнациональными. Исследовательский вопрос был простым: как жители этого спорного места думают о себе с точки зрения национальной идентичности? Именно географический, исторический и культурный статус пограничного поселения

сделал его неоднозначным местом с точки зрения национальной идентичности.

Какими критериями руководствуются люди, заявляя о своей национальной идентичности, и как они оценивают притязания других? Претенденты включают место рождения, акцент, родословную и место жительства. Как люди могли распознать эти маркеры? Некоторые маркеры были более прозрачными, чем другие; а некоторые были более текучими или фиксированными, чем другие. Само собой разумеющимся критерием принадлежности к нации является то, где человек родился и вырос. Для тех, кто не родился в месте, где поднимается вопрос об идентичности, это вызов, но они могут ответить, указав, что никто не может определить, где они родились, но где они хотят жить, зависит от них самих. Люди подтверждают свою приверженность определенному месту, выбирая его для проживания. Или они могут попробовать альтернативный подход и подчеркнуть, что у них есть важные родственные связи, что они являются членами нации из-за своих кровных связей. Такая риторика часто критикуется представителями «правых» политических течений для оправдания своей деятельности: даже люди, случайно родившиеся в другой стране, могут не иметь приемлемых родословных, которые делают их «настоящими» гражданами.

Немецкий исследователь Томас Блэнк в своем исследовании поднимает вопросы детерминант национальной идентичности немцев Восточной и Западной Германии после воссоединения страны¹⁹². Он рассматривает три основных подхода к объяснению такой общей групповой идентификации: концепцию авторитаризма¹⁹³, концепцию аномии¹⁹⁴ и теорию социальной идентичности. Результаты исследования показали, что авторитаризм имеет большое значение для объяснения национальной идентичности: именно

¹⁹² Blank T. Determinants of national identity in East and West Germany: An empirical comparison of theories on the significance of authoritarianism, anomie, and general self-esteem //Political Psychology. – 2003. – Vol.24. – №. 2. – P. 259-288.

¹⁹³ Адорно Т. Исследование авторитарной личности. Под общей редакцией д. филос. н. В. П. Култыгина. — М.: Серебряные нити, 2001. — 416 с.

¹⁹⁴ Srole L. Social integration and certain corollaries: An exploratory study //American sociological review. – 1956. – Vol.21. – №. 6. – P. 709-716.

авторитаризм является наиболее сильным предиктором национальной идентичности и националистической гордости. В рамках используемой им модели аномия играет лишь незначительную эмпирическую роль в объяснении происхождения национальной идентичности, национализма и патриотизма. То же самое верно и для значимости общей самооценки.

С точки зрения индивида, пишет Блэнк, принятие установок не требует тех же специфических компетенций и способностей, которые требуются для проявления поведения. Более того, национальная идентичность, национализм и патриотизм состоят из целого набора поведенческих паттернов, из которых индивиды могут выбирать модели поведения, которые с наибольшей вероятностью будут реализованы в связи с их убеждениями.

Результаты эмпирической части основаны на результатах первой волны (1993) исследования национальной идентичности. После исключения межгерманских мигрантов рабочая выборка состоит из 1276 взрослых граждан – 918 на Западе и 358 на Востоке. Доля западной части намеренно увеличена, чтобы обеспечить статистическую достоверность для будущих волн панелей; взвешивание не применяется, поскольку основное внимание уделяется структурным взаимосвязям, а не описательным параметрам. Ключевые конструкты измеряются с помощью коротких многопозиционных шкал доказанной надежности: три пункта для определения позитивной национальной идентичности, четыре – авторитаризма, четыре – аномии, четыре – общей самооценки (два латентных показателя) и четыре подшкалы Крампена для контрольных убеждений.

Исследование Блэнка интересно не только с точки зрения эмпирических результатов, которые противоречили популярной на тот момент риторике единства Германии, но и с точки зрения его теоретико-методологического подхода. Выше уже были указаны теоретические основания его исследования, которые до него не находили воспроизведения в подобной комбинации «авторитаризм-аномия-самооценка». Они приводят к девяти направленным гипотезам, которые определяют, как личностные склонности (авторитаризм,

аномия, общая самооценка, контролирующие убеждения) должны влиять на национальную идентичность и, через нее, на национализм и патриотизм.

В исследовании Роберта Уттена и коллег рассматривается реакция представителей группы большинства на предположительные изменения в демографии: сравнивались США и Португалия¹⁹⁵. Исследователи обнаружили, что реакции представителей доминирующих групп на прогнозируемое сокращение их численности зависят от того, считают ли они свое привилегированное положение заслуженным: сочетание высокой легитимизации собственного статуса с восприятием резкого грядущего демографического спада усиливает чувство межгрупповой угрозы, негативные эмоции к меньшинствам и готовность поддерживать антииммиграционные меры.

Основное методологическое преимущество работы – экспериментальное сопоставление «большого» и «малого» демографического сценария при контроле статуса-легитимности, что позволяет установить условную причинную связь между восприятием будущих сдвигов и актуальными установками; добавочную валидность придает кросс-культурный повтор в двух странах, использовавший сопоставимые шкалы угрозы, эмоций и поведенческих намерений, а также проверку факторной инвариантности показателей. Однако легитимность статуса измерялась, а не манипулировалась, следовательно каузальные выводы о ее факторной роли остаются частичными; оба исследования опираются на одноразовые опросы, что не позволяет отследить динамику эффектов; зависимые переменные различались по странам, а португальская выборка была относительно мала и демографически однородна; самоотчетные шкалы легко вызывают социально-одобряемые ответы.

В исследовании выделяются несколько ключевых различий между американской и португальской выборками. В Соединенных Штатах массовая

¹⁹⁵ *Outten H. R. et al.* Majority group members' negative reactions to future demographic shifts depend on the perceived legitimacy of their status: Findings from the United States and Portugal // *Frontiers in psychology*. – 2018. – Vol.9. – P. 79-91.

иммиграция и дискурс о «переломном моменте», когда белое большинство станет численным меньшинством, давно находятся в общественном поле. В Португалии миграция стала значимым явлением лишь с конца 1970-х годов; в 2010 г. этнические португальцы составляли 90%¹⁹⁶. Авторы подчеркивают, что американское общество более индивидуалистично, тогда как португальское демонстрирует более коллективистские и эгалитарные ценности; кроме того, у этнических португальцев сильнее ощущение исторической коренной принадлежности к территории, что способствует более высокому восприятию легитимности статуса большинства. Эмпирически это подтверждается более высокими средними оценками легитимности в португальской выборке. В США измерялись эмоциональные реакции – чувство угрозы, страх и гнев в адрес меньшинств; в Португалии, помимо угрозы, фиксировалась готовность поддерживать антииммиграционные действия, то есть намерения поведенческого уровня. Такая замена индикаторов объясняется тем, что для Португалии вопрос ограничения иммиграции является более актуальным политическим выбором, поскольку низкая рождаемость делает приток мигрантов ключевым ресурсом демографического восполнения.

Среди белых американцев усиление угрозы, страха и гнева наблюдалось только у тех, кто высоко оценивает справедливость привилегированного положения своей группы, тогда как у респондентов с низкой легитимизацией реакции оставались слабыми вне зависимости от сценария демографических сдвигов. В португальской выборке влияние сценария большого сокращения оказалось значимым и для респондентов с низкой оценкой легитимности, хотя эффект был сильнее при высокой легитимности; авторы объясняют это тем, что исторически длительное «коренное» присутствие португальцев делает идею заслуженного статуса более распространенной, чем в США.

Британские социологи Стив Фентон и Робин Манн в своем исследовании описали отношение этнического большинства Англии к восприятию нации и

¹⁹⁶ По данным из исследования Р.Уттена (см.выше)

страны в целом¹⁹⁷. Авторы подчеркивают, что в британской социологии этничности почти не анализируются взгляды большинства населения, тогда как именно они формируют фон для политических споров о нации и мультикультурности.

Эмпирическая база строится на глубинных интервью и фокус-группах в 3 локальных сообществах с разным класс-культурным профилем. Такой дизайн позволяет выявить, как позиции по поводу нации меняются в зависимости от опыта рынка труда, соседства и доступа к услугам, а также удерживает в поле зрения различия между повседневной и медийной риторикой.

Эмпирическое исследование опирается на 120 углубленных интервью и 8 фокус-групп в 3 локальных сообществах, различающихся по классовому и этническому составу. Такой дизайн позволил показать, что речь о нации активизируется скорее при обсуждении житейских проблем – труда, жилья, социальных услуг, чем при прямых вопросах об «английскости». Среди ответов выделяются 3 устойчивых мотива. Во-первых, респондентов объединяет идея «заслуженного права» на государственные ресурсы; новоприбывшие воспринимаются как нарушители принципа «кто платил, тот и заслужил». Во-вторых, символические жалобы – запрет на флаги, потеря «права быть английским» – часто звучат в тех же высказываниях, что и материальные претензии, формируя единую логику «они получают, мы теряем». В-третьих, наряду с резентиментом фиксируется слой умеренных позиций, допускающих многообразие при условии взаимной вежливости и соблюдения «правил игры»; такие респонденты говорят о злоупотреблениях пособиями, но не связывают их напрямую с мигрантами, либо специально отрицают такую связь

Авторы фиксируют две доминирующие тенденции в повседневных представлениях белых жителей Англии о стране. Первая – скрытый

¹⁹⁷ Fenton S., Mann R. 'Our own people': ethnic majority orientations to nation and country //Global migration, ethnicity and Britishness. – London : Palgrave Macmillan UK, 2011. – P. 225-247.

дискурсивный мажоритаризм: при этом речь чаще идет не о конкретных этнических группах, а о неопределенной категории «пришлых», чье присутствие привязывается к сюжетам материальной или символической утраты. Одновременно фиксируется слой «умеренных» позиций, допускающих культурное разнообразие, но обставляющих его условиями интеграции. Для всех типов респондентов национальная ориентация проявляется быстрее при разговорах о быте, труде, благополучии и нормах вежливости, чем при прямых вопросах об английской или британской идентичности; в этом авторы видят свидетельство того, что «национальное» встроено в повседневную мораль о справедливости, взаимной вежливости и порядке: встраивание национального чувства в морально-повседневный дискурс о вежливости, взаимной помощи и порядке: жалобы на «грубость» и исчезновение «очереди» столь же часто маркируют представление о «стране в упадке», как и прямые высказывания об английской или британской идентичности.

Ключевое преимущество метода – отказ от изолированных вопросов о «чувстве национальной принадлежности» в пользу диалогов о жизненных траекториях, что раскрывает связи между идентичностью и переживаемой социально-экономической нестабильностью. Дополнительный плюс – сопоставимость данных по трем разным контекстам, позволяющая проследить, где именно эмоциональная негативизация «чужих» становится заметной.

Возрождение категории советского человека в современном академическом дискурсе часто подкрепляется ссылками на социологическое исследование, проведенное Юрием Левадой в последние годы существования Советского Союза¹⁹⁸. Проект Левады имеет широкое влияние и сохраняет свою актуальность в современных публичных дискуссиях в России и за ее пределами. Исторически осмысленный обзор исследования, предпринятый в

¹⁹⁸ Левада Ю. «Человек советский» десять лет спустя: 1989-1999 (предварительные итоги сравнительного исследования) //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – №. 3. – С. 7-15.

момент распада коммунистической системы, выявляет тяжелую идеологическую мотивацию, лежащую в основе построения этой концепции.

Первыми результатами исследования Левады стали статьи, которые по общей логике и системности рассмотрения вопросов соотношения социальной системы и культуры легко объединить в единую серию. Был еще один необходимый этап работы: критика рационалистических установок в социально-экономических науках. Под критикой в данном случае понимается критика в кантовском смысле, а не разоблачение «предвзятости» исследователей. Этой теме посвящены три статьи, в которых в сжатой форме изложены теоретические предпосылки, необходимые для формулирования расширенной теории действия – концепции сложного, замкнутого социального действия – «игры»¹⁹⁹. Если социология, как правило, ограничивается лишь несколькими типами социального действия, предложенных в свое время М.Вебером (целерациональное действие, ценностно-рациональное действие, традиционное действие, аффективное социальное действие и т. д.), или схематичной конструкцией «социальной роли», то Левада предложил новый подход к действию, в котором актер объединяет различные плоскости значений – символическую, нормативную, институциональную, временную и пространственную – в единую структуру действия. Игра – это субъективная проекция культурных смыслов на плоскость социального действия, позволяющая игроку и его партнерам структурировать ситуацию и собственное поведение (предвидеть и организовывать свое поведение, придавая ему смысл в ограниченных рамках контекстуального целого, установленного игроками).

Подвергнув критическому анализу романтический, социопсихологический или зоопсихологический подходы к игре, Левада фокусируется на важнейших элементах этой структуры рекурсивного действия. Действие, придающее себе смысл и значение поведения в

¹⁹⁹ Дубин Б. В. Традиция, культура, игра в социологии Юрия Левады //Общественные науки и современность. – 2007. – №. 6. – С. 31-38.

неопределенном поле возможных ситуаций и альтернатив: ценностно-ролевая идентификация («что свое, а что чужое»), «сюжетная» идентификация (смысл и значение отдельных компонентов поведения в рамках целого) и, наконец, дифференцированное восприятие всего «целого» (нарратив видимого фрагмента реальности, наделенного смыслом и значением – войны, экономической конкуренции, флирта, спортивного соперничества, защиты диссертации как доказательства своей научной состоятельности и т. д.).

Концепция идеальной типовой конструкции сложного социального действия (замкнутого, сложного состава) как условие, необходимое для работы с антропологическими концепциями в эмпирических социальных науках, стала методологическим регулятивом в исследовательской работе Левады. В условиях социального распада проблема личности как базового института приобрела особое значение – не только теоретическое, но и морально-практическое – поскольку стала условием, необходимым для интерпретации возможностей выхода из тоталитарного режима, из состояния «общества как государства».

В интерпретации Левады «обычный советский человек» – это идеально типичный конструкт личности, представляющий собой сложный набор взаимосвязанных характеристик, соединяющих как социальную систему (институционально регулируемое поведение), так и сферу символически значимого производства (социокультурные модели и образцы поведения и ориентаций). Они подкрепляются соответствующими механизмами социального контроля, то есть набором разнообразных санкций и поощрений. По мнению Левады, этот тип личности следует отнести к другим моделям, таким как *homo ludens* [человек играющий], *homo economicus* [человек экономический], «авторитарная личность» и т.д., но не к этническим формам или персонажам, поскольку этот тип имеет парадигмальное значение для целых эпох незападных вариантов модернизации и распада тоталитарных режимов²⁰⁰.

²⁰⁰ Клаус Г. Советский человек. История одного собирательного понятия //Вестник общественного мнения.

Трудно ожидать, что взгляды на советского человека сразу после распада Советского Союза будут благоприятными, учитывая массовое неприятие системы по политическим, экономическим и социальным линиям. Работы Натальи Козловой, российского социокультурного антрополога в области изучения повседневной жизни в России, содержат анализ советской личности изнутри, разработав оригинальную методологию и опираясь на теоретические основы, которые радикально отличались от тех, что были у Юрия Левады²⁰¹. Она называла свою методологию «чтением человеческих документов»²⁰². Ее основная исследовательская техника была основана на нарративном анализе различных записей советских граждан, собранных и хранящихся в «Народном архиве»²⁰³. Эти «народные» документы представляли собой индивидуальное отражение социальных отношений, выявленных через повседневные практики, о которых говорилось в этих источниках. Они «несли в себе богатую информацию о социальных играх, в которые играли в советский и постсоветский периоды»²⁰⁴.

В отличие от дедуктивного социологического подхода, который использовал Левада, интерпретативный подход Козловой стремился понять социальный мир с точки зрения его участников. Она открыто признавала, что, как человек, проживший советскую жизнь, занимает позицию «онтологического соучастия». Она называла себя «подопытным наблюдателем», подчеркивая тем самым свою одновременную позицию наблюдателя и испытуемого²⁰⁵. Такая близость ученого к изучаемому объекту несла в себе как обещание большего понимания через эмпатию, так и опасность подмены собственных установок и представлений объективным знанием социальных норм и практик. Подходы, основанные на позитивистской эпистемологии, претендуют на объективность, но не

Данные. Анализ. Дискуссии. – 2018. – №. 1-2 (126). – С. 58-79.

²⁰¹ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. — М.: Издательство «Европа». — 2005. — 544 с.

²⁰² Козлова Н. Н. Методология анализа человеческих документов //Социологические исследования. – 2004. – №. 1. – С. 14-26.

²⁰³ НАРОДНЫЙ ЦИФРОВОЙ АРХИВ URL:
<https://web.archive.org/web/20051220221516/http://karpattour.narod.ru/123migqwe1234000000.htm>

²⁰⁴ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. — М.: Издательство «Европа». — 2005. — С.37

²⁰⁵ Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. — М.: Издательство «Европа». — 2005. — С.9.

проявляют рефлексии по поводу идеологических ориентаций, которые могли быть заложены в конкретные исследовательские проекты. «За уверенностью в праве на интеллектуальную и моральную оценку может стоять вера в превосходство современной западной цивилизации, которая видится пиком во временной и пространственной иерархии социальных форм. Запад – страна чудес, где исполняются самые заветные мечты бывшего советского человека. Это один из ключевых элементов российского социального воображаемого²⁰⁶».

Екатерина Михайловна Арутюнова рассматривает гражданскую и этническую идентичности как взаимодополняющие формы коллективного самоопределения, чье соотношение определяется прежде всего языковой ситуацией, возрастом и региональным контекстом. Центральной осью ее анализа выступает русский язык: он одновременно инструмент гражданской интеграции и источник напряженности там, где противопоставляется «родным» языкам республиканских народов.

В общероссийских опросах 2019–2021 гг. русский язык неизменно входит в тройку факторов, которые, по мнению респондентов, «больше всего объединяют всех россиян»; его выбирают 43–46% опрошенных, уступая лишь самому факту общего государства и находясь на одном уровне с символом «родной земли»²⁰⁷. Тем самым язык выступает «краеугольным камнем» российской гражданской идентичности, задавая повседневное пространство общения и подпитывая представление о культурном единстве. В экспертных интервью из Москвы, Казани, Уфы и Нальчика эта функция описывается тремя дискурсивными линиями: универсалистской, где русский воспринимается как культурный код всех россиян; коммуникативно-прагматической, подчеркивающей его роль языка повседневного государства; и этноцентристской, где он трактуется как язык доминирующего народа и

²⁰⁶ Там же, С.16

²⁰⁷ Арутюнова Е. М. Языковые аспекты в идентичностях: массовые представления и некоторые проблемы // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. – 2021. – №. 1. – С. 25-31.

потому сопоставляется с «родными» языками республик²⁰⁸. При этом Арутюнова фиксирует, что потенциал русского языка как общегражданского ресурса ослабляют две группы факторов: давнее противопоставление «русский – родной» в школьной политике и недавний акцент на «государствообразующем народе», усиливший опасения меньшинств²⁰⁹.

Этническая идентичность, по ее данным, структурируется прежде всего вокруг языка, культуры, «родной земли», обычаев и исторической памяти. В массовом сознании именно язык называется главным маркером родства с людьми «своей» национальности; доля таких ответов существенно выше, чем для любого другого признака. Таким образом, на символическом уровне один и тот же ресурс – язык – подкрепляет два разных уровня идентичности: российский как средство взаимопонимания и этнический как признак отличия.

Исследование молодежи показывает, что эти уровни не конкурируют²¹⁰. В общероссийской выборке 69% респондентов 18–30 лет одновременно ощущают себя гражданами России и представителями своей национальности, а между двумя самоидентификациями фиксируется «дружественная» совместимость. Результаты по Республике Саха (Якутия) уточняют, что в этнически маркированных регионах гражданская идентичность молодежи даже сильнее, чем в центре: общий паспорт и государственная принадлежность называют главным основанием близости 34% молодых якутян против 25% в среднем по стране, при том что значение этнического языка остается высоким.

Региональное исследование Башкортостана демонстрирует похожие результаты²¹¹. Среди молодежи русских, башкир и татар гражданская самоидентификация (56%) превышает этническую; при этом для башкир она оказывается самой сильной (68%), что Арутюнова связывает с привязкой к

²⁰⁸ Арутюнова Е. М. Анализ представлений о русском языке в российской идентичности: экспертный дискурс // Социологическая наука и социальная практика. – 2022. – Т.10. – №. 1 (37). – С. 95-109.

²⁰⁹ Арутюнова Е. М. Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст // Социологическая наука и социальная практика. – 2021. – Т.9. – №. 1 (33). – С. 111-123.

²¹⁰ Арутюнова Е. М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся. – 2017. – №. 15. – С. 259-272.

²¹¹ Арутюнова Е. М. Идентичности и этнические установки молодежи Башкортостана // Панорама Евразии. – 2012. – №. 2. – С. 39-48.

многокультурному региону и высокой ценностью общей территории. При этом каждый этнос опирается на собственный набор символических «якорей»: у русских важнее история и обычаи, у башкир и татар – язык и земля.

Исследования молодежи Петербурга Синкевич Зинаиды Васильевны и Скворцова Николая Генриховича (1996–2019)²¹² показывают, что национальное самоопределение в среднем занимает первый или второй ранг в системе групповых идентичностей, конкурируя с этническим «русским» уровнем. При этом конфессиональная принадлежность имеет слабое значение, а отношение к исламу остается «негативно дистанцированным» для части респондентов. Гендер оказывает заметное влияние: у мужчин чаще встречается этнический и этнонациональный радикализм, тогда как у женщин сильнее выражена гражданская ориентация.

Сравнительное исследование русских петербуржцев и жителей Грозного выявило иную конфигурацию: для чеченцев ядром самоопределения служит ислам, а гражданская идентичность явно уступает конфессиональной и этнической; у петербуржцев же этническая и территориальная (городская) составляющие конкурируют, а гражданская занимает третье место²¹³. Обе группы объединяет символ «родной земли», подтверждающий значимость территориального аспекта для консолидации.

Работа с межэтническими и моноэтническими семьями показала, что у потомков смешанных браков преобладает биэтническая или «материнская» идентичность, но национальная принадлежность России для большинства важнее этнической. Основой консолидации выступают культурные традиции и родная речь; акцент на «кровном родстве» значим лишь для части инокультурных отцов²¹⁴.

²¹² Синкевич З. В., Скворцов Н. Г. Соотношение национальной и этнической идентичности молодежи (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20. – №. 2. – С. 277-291.

²¹³ Синкевич З. В. Этническая идентичность русских и чеченцев в контексте исторической памяти (сравнительный анализ) // Власть. – 2017. – №. 2. – С. 122-129.

²¹⁴ Синкевич З. В., Поссель Ю. А. Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ) // Социологический журнал. – 2019. – №. 1. – С. 121-136.

Анализ этнических предубеждений ставит вопрос о границе между традиционной моделью этноцентризма и институционализированной нормой толерантности. Сикевич показывает, что даже в «открытом» обществе бытовые предрассудки сохраняются, а следование норме толерантности требует сознательного усилия и поддерживается, прежде всего, правовыми институтами и воспитанием²¹⁵.

Черныш Михаил Федорович признает, что для анализа российской идентичности решающим становится соотношение гражданских и этнических самоописаний²¹⁶. Автор противопоставляет две идеологические парадигмы. Первая строится вокруг понятия «народа» как мультикультурного и мультиэтнического единства, и требует приоритета универалистских гражданских ценностей; вторая исходит из численного преобладания русских и закрепляет представление о них как естественном носителе политической и культурной гегемонии. Обе модели оцениваются не столько с точки зрения внутренней логики, сколько через вопрос о том, какая из них резонирует со структурой реального самоопределения разных социальных групп.

Эмпирическая часть основана на опросе 1200 информированных россиян и 200 управленцев из десяти крупнейших городов. Использована пятибалльная шкала идентификации с рядом групп-референтов по методике, разработанной в проекте «Российский мониторинг»; далее применялась процедура общих линейных моделей для поиска детерминант этнической ориентации. Преимущество дизайна в том, что он позволяет сопоставить массовый и элитный сегменты в одной и той же шкале оценок и выявить скрытую поляризацию, не заметную в агрегированных средних. Ограничение заключается в нерепрезентативности «информированной» выборки, сосредоточенной на регулярных читателях прессы.

²¹⁵ Сикевич З. В. Этнические предубеждения как основа проявления интолерантности //Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т.7. – №. 2. – С. 36-53.

²¹⁶ Черныш М. Ф. Этнические и общегражданские ценности в сознании россиян //Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – 2006. – С. 103-113.

Полученные результаты демонстрируют трехконтурное ядро российской идентичности: семья, россияне в целом и жители собственного города. Этническая принадлежность занимает менее однозначное положение: общество поляризуется между группой с выраженной этнической ориентацией (около половины населения и половины управленцев) и группой, практически безразличной к этническому критерию. Среди управленцев высокая этничность характерна прежде всего для старшего и обеспеченного слоя; автор трактует это как стратегию защиты и передачи ресурсов, готовую опереться на государство как на инструмент закрепления иерархий.

Анализ предпочитаемых моделей экономической политики показывает, что в гражданской среде ориентация на этнос чаще коррелирует с либеральным курсом, тогда как у управленцев она соседствует с желанием усилить роль государства в экономике. Автор, опираясь на эти данные, различает несколько типов русской идентичности: консервативный элитный национализм, традиционалистский этнический капитал, мультикультуралистский национализм среднего класса и интеграционный этносолидаризм люмпенизированных слоев. Тем самым работа фиксирует следующую тенденцию: этничность в России не является неизменным антиподом гражданских ценностей, а выступает многовекторным ресурсом, который разные группы пытаются мобилизовать под противоположные программы модернизации.

Полюшкевич Оксана Александровна концентрируется на том, что граница между своими и чужими является ключевым механизмом коллективной идентичности, а ее содержание формируется через символические коды, унаследованные от исторических и политических трансформаций стран²¹⁷. Автор демонстрирует на примере России и Португалии, что одна и та же логика опознавания другого порождает разные образы: для россиян собственная территория переживается как персонально значимое пространство, тогда как для португальцев она описывается

²¹⁷ Полюшкевич О. А. «Свои» и «чужие»: социокультурные маркеры // Дискуссия. – 2011. – №. 5. – С. 84-89.

географически и безлично, что отражает разный опыт утраты имперского статуса и колониальных владений. На временной оси выявляется противоположный вектор оценок: российские респонденты связывают прошлое с мощью, настоящее с упадком и будущее с разрушением, тогда как португальцы фиксируют прошлое как великое, но ушедшее, настоящее как изменяемое, а будущее как развивающееся, что коррелирует с большей готовностью считать большинством «своих» и меньшей концентрацией на негативных эмоциях. Тенденция к расширению числа чужих особенно выражена в России и усиливается социальным расслоением и утратой ощущения контроля над жизненными перспективами, тогда как в Португалии наблюдается обратный сдвиг, связанный с интеграцией в европейское пространство.

Эмпирическая часть опирается на выборки в 502 человека в России и 482 человека в Португалии, охватывающие население от 18 до 65 лет, что обеспечивает сопоставимость массивов при статистической погрешности около 3%. К числу методологических преимуществ автор относит возможность выявлять скрытую ценностно-эмоциональную структуру идентичности, недоступную классическим опросам, и сопоставление двух культурных контекстов одной процедурой. Ограничения касаются локализованности выборок, риска культурной специфики интерпретации символов и кросс-секционного характера дизайна, который не дает проследить динамику изменений.

Результаты подтверждают, что ведущей формой коллективной идентичности становится пространственно-временная, а доминирующие символы различаются по валентности: россияне чаще выбирают негативные глаголы страдания, беднения и разрушения, в то время как португальцы – глаголы изменения, обработки и притяжения, что указывает на разные эмоциональные регистры оценки социальной действительности. Возрастные срезы показывают смещение от политико-идеологических самоопределений у старших респондентов к профессиональным и личностным у младших,

причем эта динамика выражена сильнее в России, где статус и общественное признание остаются центральными маркерами «своих».

Представляет методологический интерес историческое рассмотрение Королевым Кириллом Михайловичем репрезентаций национальной идентичности в массовой культуре. В монографии 2020 года автор показывает, что на протяжении позднесоветского и постсоветского периода единым сюжетным каркасом массовой культуры служит «славянский метасюжет»²¹⁸ устойчивый набор образов и мотивов русской культуры, придающий воображению «русскости» историческую глубину и легитимирующий представление об особом пути народа. Он соединяет героизацию национальной традиции и ее игровую деконструкцию и через разные медиаплатформы – литературу, кино, музыку – регулярно заново формулирует вопрос «кто мы такие». Центральный тезис: представление о «русскости» не сводится к этническим признакам, а конструируется как воображаемое сообщество, которому придает глубину именно «славянский код».

В статье 2023 года анализируется массовый жанр альтернативной фантастики, где герои возвращаются в поздний СССР, чаще всего в детство брежневской эпохи²¹⁹. Автор показывает, что этот сюжет стал ключевым каналом медийной ностальгии: позднесоветское прошлое описывается как «золотой век», а его позитивная репрезентация опирается на механизмы постпамяти и цифровые площадки самиздата. Медийная тенденция заключается в смещении интереса от военных побед к бытовому опыту стабильности и предсказуемости, который подается как утраченный ресурс коллективной идентичности.

Методологически обе работы основаны на междисциплинарном прочтении культурных текстов. Книга использует длительный историко-дискурсивный срез и сопоставляет разные медиа, что позволяет увидеть, как

²¹⁸ Королев К. М. Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре. – Нестор-История, 2020. – 376 с.

²¹⁹ Королев К. М. Back to the USSR, или игры квази-исторического воображения: представления о позднесоветском детстве в современной российской массовой культуре // Детские чтения. – 2023. – Vol.24. – №. 2. – С. 336-364.

один и тот же символический набор переходит из высокого искусства в популярные жанры и обратно. В статье применяется инструментарий *memory studies* и контент-анализ сетевых библиотек, фиксируя количественное распространение альтернативно-ностальгических сюжетов и связывая его с демографией авторов и читателей «пост-поколения». Преимущество подхода – возможность выявить латентные ценностные коды, которые не фиксируются опросами; ограничение – зависимость выводов от интерпретации исследователя и отсутствия репрезентативных выборок.

Рассмотрим 3 исследования, проведенных ВЦИОМ в 2004, 2014 и 2024 годах. Ни одно из них не направленно напрямую на измерение маркеров национальной идентичности, однако, опираясь на уже описанные исследования, все 3 их отражают.

Исследование 2004 года фиксирует двухполюсную структуру общественного мнения: половина жителей видит Россию «общим домом равноправных народов», треть допускает привилегии русских как «ответственных за судьбу страны», а 11% готовы к этнократической модели государства. Ксенофобные эмоции адресуются главным образом выходцам с Кавказа; 44% опрошенных требуют ужесточить политику в отношении мигрантов²²⁰. Оптимистическая оценка межэтнических отношений сочетается с запросом на усиление контроля, что свидетельствует о латентном конфликтном потенциале.

В 2014 году внимание смещено с межнационального вопроса на внутренние контуры коллективной ответственности. Индексы, построенные на сопоставлении с опросом 1989 года, показывают резкое ослабление чувства ответственности за трудовой коллектив и за государство, отрицательное значение индекса сопричастности к «людям своей национальности» и одновременное укрепление связи с предками. Тем самым национальная

²²⁰ Россияне и «инородцы»: толерантность или ксенофобия? // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-i-inorodczy-tolerantnost-ili-ksenofobiya>

идентичность переходит из сферы профессионально-гражданской солидарности в символическое прошлое²²¹.

Мониторинг 2024 года фокусируется на эмоциональном отношении к стране²²². Доля респондентов, испытывающих гордость, надежду, любовь и веру к России, выросла по сравнению с 2023 годом, при этом тревога и разочарование снизились. 92% заявляют о гордости за историю и культуру, 64% говорят, что за год это чувство усилилось. Главные источники позитивных эмоций – достижения и богатства страны, а также качества народа.

Все три опроса фиксируют устойчивое присутствие двойственного восприятия: респонденты одновременно декларируют готовность жить в многонациональной стране и выражают ожидание, что государство будет жестко регулировать межэтнические контакты. В 2004 г. это проявилось в сочетании поддержки идеи «общего дома народов» с требованием «наведения порядка» в сфере миграции; через десять лет мотив контроля уже переносится с «чужих» на соотечественников, что видно по снижению индексов моральной ответственности за коллективные действия; в 2024 г. регулятивный акцент смещается на символическое измерение – государственная символика и военные успехи становятся главным источником гордости, идея сильного государства остается неотъемлемой частью образа страны. Наблюдается линейный рост эмоционально-позитивных показателей: если в 2004 г. тональность характеризуется напряжением и латентной тревогой, то в 2014 г. ощущение сопричастности смещается к прошлому и линии родословной, а к 2024 г. доминируют гордость, вера и любовь. Таким образом, комплексный вывод сводится к тому, что за двадцать лет российская национальная идентичность эволюционировала от комбинированной схемы «толерантность плюс запрос на порядок» через фазу снижения чувства гражданской взаимной

²²¹ Российская идентичность: мы вместе? // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijskaya-identichnost-my-vmeste>

²²² О национальной гордости великороссов // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov>

ответственности к стадии эмоционального патриотизма, основанного на символах и военных достижениях; отношения к нерусским при этом остаются в тени, а повестка межэтнических различий уступает место риторике объединяющей гордости.

В исследовании ФОМ «Традиционные ценности в российском обществе» помимо целевых оценок, были собраны оценки того, какое число родственников, сограждан и самих респондентов придерживается традиционных ценностей и какова, по их мнению, роль государства в их поддержке²²³.

Более 80% опрошенных относят себя к приверженцам традиционных ценностей; примерно четыре из десяти полагают, что такие взгляды характерны для всех или почти всех их друзей и родственников, и та же доля считает, что большинство жителей страны тоже ориентируется на «традиции». Почти три четверти уверены, что государство должно укреплять эти ценности; половина предполагает, что власти уже принимают достаточные меры.

Что респонденты относят к «традиционному». Наиболее жесткие критерии касаются семейно-патриотического ядра. От семи до восьми из десяти считают, что нельзя назвать носителем традиционных ценностей человека, который не считает военную службу обязанностью мужчины, не видит необходимости раннего трудового воспитания детей, не доверяет государству, не интересуется историей семьи и страны или без осуждения относится к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией и гендерной идентификацией. Около двух третей полагают, что к традиционной ориентации не подходит и тот, кто вступает в незарегистрированный брак или подвергает сомнению авторитет старших.

Вопросы, по которым общественное мнение расколото. Только по одному пункту – допустимость гражданского брака – большинство (54%) сочло, что такой человек все же может быть приверженцем традиций.

²²³ Традиционные ценности в российском обществе // Фонд Общественное Мнение URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068>

Относительно аборт и межконфессиональных браков оценки близки к паритету: около четверти считают их несовместимыми, треть допускает возможность, и оставшаяся доля затрудняется. Точно так же мнения разделились относительно атеизма: 44% допускают, что атеист может быть «традиционалистом», 41% не согласны, остальные не определились.

Наибольшие трудности вызвали вопросы о допустимости абортов, доверии к государству, отношении к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией и гендерной идентификацией, и атеизме: на них приходится от 15 до 17% затруднившихся, тогда как по пунктам о воинском долге или дисциплине детей неопределенность не превышает 6%.

К ядру традиционализма респонденты относят семейно-патриотические установки. Наиболее жестко с традицией связываются убежденность в мужском воинском долге, раннее трудовое воспитание детей, уважение к государству, интерес к истории семьи и страны и отрицание однополых отношений; по каждому из этих пунктов статус «традиционного» отрицает не менее двух третей опрошенных. Допустимость гражданского брака, отношение к абортам, межконфессиональным бракам и атеизму вызывают заметно больше разногласий: доли согласных и несогласных часто близки, а число затруднившихся достигает пятой части. Самые высокие показатели неопределенности фиксируются именно по этим спорным вопросам, тогда как по воинскому долгу и дисциплине детей сомнения почти не встречаются. Около трех четвертей опрошенных считают, что государство обязано поддерживать традиционные ценности; половина уверена, что власти уже делают достаточно. Таким образом, исследование описывает двойственную картину: базовые представления о семье, патриотизме и иерархии характеризуются высокой консенсусностью, тогда как вопросы личного выбора, религиозности и репродуктивной этики оказываются полем ценностного размежевания и источником затруднений при ответе.

Национальная и этническая идентичности становятся эмпирически уловимыми лишь тогда, когда их удастся заземлить в наблюдаемые признаки

и институциональные практики; любое абстрактное чувство «мы» материализуется через языковые привычки, школьный канон, газетную лексику, визуальные ритуалы, место рождения или статистически фиксируемые установки. Исследователи показывают, что прочность национальной идентичности отражает динамический баланс между эмоциональной привязанностью к традиции и рациональными ожиданиями от государства: в периоды стабильности на первый план выходит символическая гордость, в моменты социальной напряженности активизируется дискурс границы и контроль над ресурсами. Независимо от страны наблюдений повторяется закономерность: чем сильнее большинство легитимирует свое привилегированное положение, тем чувствительнее оно к прогнозам демографического сдвига и тем чаще воспринимает этнические меньшинства как угрозу; там, где легитимность статуса слабее, национальная идентичность чаще связывается с идеей гражданства и выбором лояльности, а негативные эмоции тормозятся.

В совокупности исследований вычленяется устойчивый набор маркеров. К национальной, или гражданской, идентичности прежде всего относят признание формального членства в государстве: гражданство, воинский долг, уплату налогов, доверие к институтам, использование официального флага, гимна и языка, участие в общегосударственных ритуалах, гордость за историю страны и готовность брать ответственность за ее судьбу. К этнической идентичности относились индикаторы кровного происхождения, родового или семейного предания, «родного» языка, религиозной принадлежности, традиционных обрядов, акцента, локального фольклора и воспроизводимых в семье обычаев. Часть признаков действует двояко: территория проживания, коллективная память о прошлом, символические представления о «родной земле», а также повседневные нормы вежливости, семейные сценарии и популярная культура способны одновременно подпитывать и национальную, и этническую самоидентификацию; тот же язык может служить общегражданским медиатором и, одновременно, маркером этнической

особости. Таким образом, исследования фиксируют двойственную архитектуру идентичности: жесткие гражданские признаки помогают интегрировать разнородное население, а гибкие культурные коды сохраняют и обновляют символические границы этносов, при этом некоторые маркеры – прежде всего язык, территория и коллективная история – выступают мостами между двумя уровнями принадлежности.

2.2. Национально-этническая идентичность: опыт социологического исследования

2.2.1. Сплоченность как маркер национально-этнической идентичности: экспертная оценка и всероссийский опрос

В рамках первого этапа эмпирического исследования диссертации рассматривается уровень сплоченности россиян как маркер национальной идентичности. Исследование проводилось коллективом авторов, результаты опубликованы²²⁴.

Сплоченность народа служит двойной опорой: она подкрепляет национальное «воображаемое сообщество» и одновременно позволяет этническим группам сохранять свою культуру без изоляционизма. Именно поэтому политики интеграции в разных теориях – от модернистов до конструктивистов – связывают качество идентичности не с количеством общих традиций, а с плотностью сетей, через которые люди ежедневно подтверждают свое совместное «мы».

Объект: сплоченность россиян.

Предмет: уровень и проявления сплоченности россиян.

²²⁴ Напр.,:1. Тупикова, В. А. , Гудкова Я. А. Сплоченность в России: теоретические аспекты и экспертная оценка // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы : Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года.. – С. 388-392.; АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: «Социальная сплоченность в российском обществе»; 2. Research Got Talent URL: <https://web.archive.org/web/20240612123231/https://2023.researchtalent.ru/materials/reports/2.pdf/>

Цель: оценить уровень сплоченности россиян.

Задачи:

1. Выявить основные составляющие сплоченности россиян с помощью метода экспертного опроса;
2. Проанализировать выявленные составляющие сплоченности с помощью метода фокус-групп;
3. Оценить верифицированные составляющие сплоченности с помощью всероссийского опроса.

1 этап. Подготовительный, качественный.

1. Опрос экспертов-практиков. Выборка: 80-100 человек, представители «сплоченных сообществ», активно вовлеченные в деятельность своего сообщества, чья цель направлена на объединение людей в рамках одной деятельности по типу «человек – человек», связанной с помощью людям, следование общим идеалам и ценностям, вкладом в общее дело. Например, по направленности: национальные, развитие территорий, социальные, экология (включая, помощь животным); по типам организаций: благотворительные фонды; НКО; государственные и негосударственные социальные организации, проекты; молодежные объединения; руководители волонтерских центров (исключая самих волонтеров). Стаж работы в подобной организации: от 3 лет. Должностные ограничения: управленческие должности, исполнительные директора, руководители или заместители фондов, которые могут проанализировать процессы деятельности своей организации и спроецировать свою деятельность на общество в целом.

2. Фокус-группа (онлайн) – основная цель дискуссии валидизация маркеров, полученные в ходе количественного опроса с экспертами, а также «распаковка» и более глубокий анализ факторов социальной сплоченности, последствий атомизации и проблем, с которыми сталкивается «сплоченное сообщество» в своей деятельности.

2 этап. Основной, количественный.

Всероссийский онлайн-опрос, 1095 чел. Цель: определение актуальности полученных от экспертов составляющих и оценка сплоченности с их помощью.

Этап 1.1. Экспертный опрос

Описание методологии и процедура проведения опроса

Опрос проходил в период с 1 по 14 июля 2023 года. В опросе приняли участие 58 экспертов. Опрос проходил на платформе Microsoft Forms в онлайн формате и в большей степени содержал вопросы с открытыми ответами. В качестве экспертов были выбраны сотрудники и руководители НКО различных направлений. 58 респондентов были набраны методом «снежный ком» и посредством привлечения социальных сетей.

В Приложении 1 отражено распределение экспертов по характеристикам:

- } пол;
- } возраст;
- } сфере деятельности организации, сообщества;
- } типу организации;
- } стажу деятельности эксперта в организации;
- } занимаемой должности (выполняемой функции).

В анализе *курсивом* выделены слова респондентов, пунктуация и орфография авторов сохранены. В скобках после слов респондента дана его краткая характеристика – пол, возраст и сфера НКО, в которой работает/помогает респондент.

Анализ этапа поделен на 5 блоков в соответствии с тематическими блоками анкеты.

Анализ результатов опроса

Блок 1. Зависимость уровня оценки сплоченности российского общества от характеристик экспертов

Перед началом блока о понятии «сплоченность» и факторах, влияющих на формирование сплоченности, экспертам был задан вопрос непосредственно

о сплоченности российского общества. Большая часть опрошенных экспертов считает российское общество несплоченным (28 чел., 48%), затруднились с оценкой 12 человек.

В ходе опроса было выявлено, что чем больше стаж работы эксперта в НКО, тем чаще он высказывается о том, что российское общество является несплоченным. При этом, на данную тенденцию не влияет должность/положение эксперта в сообществе или организации.

В опросе были проанализированы данные о сфере деятельности сообщества, в котором состоит эксперт, с его оценкой уровня сплоченности российского общества.

Чаще всего положительно о характере сплоченности общества в России высказываются представители сообществ, которые заняты в культурной, религиозной, социальной и спортивной сферах. О низком уровне сплоченности высказывались чаще представители образовательных, социальных, этнических и краеведческих организаций. Стоит отдельно отметить, что у экспертов из этнических сообществ и организаций возникали трудности в оценке уровня сплоченности российского общества.

Среди экспертов нет единого мнения о сплоченности российского общества. Кроме того, высока доля тех экспертов, которые не могут однозначно оценить уровень сплоченности в стране. Полученные данные не могут однозначно свидетельствовать о каких-либо взаимосвязях между характеристиками экспертов и их мнения относительно данного явления. Вопрос о сплоченности российского общества помог в дальнейшем проанализировать то, каким образом эксперты понимают сплоченность, какие факторы сплоченности выделяют в зависимости от оценки ими уровня сплоченности российского общества.

Блок 2. Определение понятия «сплоченность»

Помимо оценки уровня сплоченности анкета для экспертов содержала открытый вопрос о сущности понятия «сплоченность».

Говоря об определении понятия «сплоченность», которое дали эксперты, декларирующие наличие сплоченности в российском обществе, стоит отметить следующие важные моменты:

} Чаще всего при описании данного феномена они указывали на объединение людей для достижения общих целей:

Когда люди и группы людей (сообщества) объединяются ради общей цели. (женщина, 44 года, милосердие); Объединение людей, когда требуется решить проблему (женщина, 68 лет, социальные услуги); Объединение усилий человеческого потенциала направленное на достижение гармоничного развития гражданского общества. (мужчина, 31 год, правозащитная сфера).

} Данные эксперты наделяли понятие «сплоченность» такими характеристиками, как единство мыслей, равнодушие и желание помочь:

Когда люди находят отражение своих принципов друг в друге, когда в деятельности пересекаются человеческие ценности, наверное, тогда люди объединяются и усиливают свои ресурсы во благо. (женщина, 40 лет, милосердие); Равнодушнее и сопричастность к проблемам и сложностям других людей. (женщина, 33 года, помощь взрослым людям с ОВЗ); Единомыслие (мужчина, 39 лет, физкультурно-спортивная сфера).

Эксперты, которые характеризовали российское общество как несплоченное, при описании понятия «сплоченность» отдавали предпочтение таким характеристикам, как активная деятельность для достижения общих целей, единство взглядов и мнений, готовность помогать окружающим:

Системное участие людей в общественной жизни на разных уровнях для достижения равного доступа к социальным, медицинским, правовым, экономическим правам. (женщина, 37 лет, здравоохранение);

Единомыслие в глобальных вопросах нравственности, отношение к культуре и истории страны или локального места, осознанные действия по изменениям, которые зависят от граждан или поддержка таких действий (женщина, 51 год, экологическая сфера);

единство в главных целях развития общества и понимании путей его достижения, готовность всегда поддержать и защитить каждого человека в своем народе, совместный свободный труд, в т.ч. развитое волонтерство в разных областях жизни народа (женщина, 65 лет, религиозная сфера).

Также респонденты выделяли в качестве важной характеристики сплоченности знание истории родной страны и единство ее понимания (порой это выступало единственным описанием сплоченности среди информантов):

Единство взглядов на прошлое, настоящее и будущее нашего общества (мужчина, 66 лет, локальные / национальные сообщества);

Единая (или хотя бы преобладающим большинством) оценка прошлого и настоящего. (женщина, 83 года, краеведение);

знание истории своей Родины, ее духовных корней... (женщина, 57 лет, религиозная сфера).

Некоторые из экспертов иллюстрировали понятие «сплоченность» при помощи коротких и емких предложений, отражающих общую идею их понимания данного термина:

Один за всех и все за одного (женщина, 60 лет, культура);

общий путь к благому будущему (женщина, 25 лет, инфраструктурная помощь НКО);

Видеть в окружающих людях Божий образ (женщина, 62 года, дополнительное образование).

В Приложении 1 размещена таблица с частотой упоминания конкретных характеристик понятия сплоченность, описание которых было дано выше. Чаще всего эксперты, давая определение понятия «сплоченность», говорили, что это:

- } общность ценностей, мнений и целей (18 чел., 31%);*
- } решение проблем, достижение общих целей (13 чел., 22%);*
- } помощь окружающим, взаимовыручка (11 чел., 19%);*
- } единение (9 чел., 16%).*

В сознании информантов «сплоченность» ассоциируется с ориентацией на окружающих, согласие с их позицией, наличие общих мнений и целей. Для экспертов, которые охарактеризовали уровень сплоченности российского общества как высоких, в описании понятия также важны такие характеристики, как общее понимание истории, что может говорить о том, что среди россиян данное понимание в большинстве своем едино. Однако эксперты, для которых российское общество не является сплоченным, чаще указывали в качестве основной характеристики общность целей и мнений. Это может говорить о том, что такой общности нет, поэтому уровень сплоченности российского общества остается низким.

Блок 3. Факторы, влияющие на уровень сплоченности общества

В анкету были включены вопросы на выделение и ранжирование факторов, которые влияют на сплоченность общества. Данные факторы были выделены в ходе анализа теоретической базы при подготовке к полевому этапу исследования. Целью вопроса на ранжирование факторов стало стремление выяснить, какие из выявленных факторов являются более или менее важными при формировании сплоченности общества. Формулировка вопроса звучала как «Проранжируйте следующие факторы, которые влияют на сплоченность общества в порядке от наиболее к наименее важным по убыванию».

На первое место чаще всего ставят такие факторы, как общность взглядов и установок людей, готовность прийти на помощь окружающим, высокий уровень доверия в обществе.

Помимо ранжирования уже имеющихся критериев сплоченности, отдельным (необязательным) был открытый вопрос, где экспертам предлагалось самостоятельно выделить факторы сплоченности, которые не были названы в вопросе выше, но важны, на их взгляд, для ее формирования. Всего на данный вопрос дали ответ 26 экспертов, что составило 45% от общего количества ответивших. При ответе, респонденты, которые охарактеризовали российское общество как сплоченное, делали акцент на важности внутренних качеств личности в процессе сплочения общества:

Ответственное отношение к себе и обществу. Любовь к Отчизне.
(женщина, 52 года, экологическая сфера);

Быть добрыми к друг другу (женщина, 30 лет, культура);
надежность людей в сообществе.....неприхотливость в
потребностях....способность к самопожертвованию...все что можно
отнести в высшим человеческим качествам.... Все хотят быть с лучшими)))
(мужчина, 50 лет, физкультурно-спортивная сфера).

Помимо этого, эксперты выделили и внешние факторы, которые, по их мнению, могут положительно сказаться на росте уровня сплоченности общества:

Наличие национальной идеи, возможность результативно участвовать в жизни государства, наличие обратной связи от органов власти (женщина, 47 лет, историческое наследие);

Активность и общность позиций в вопросах формирования социальной политики/стратегии государства; равнодушие к проблемам других (какие-то меры помощи/контроля за ситуацией в рамках предприятий и различных организаций) (женщина, 55 лет, историко-просветительская сфера).

Среди экспертов, которые охарактеризовали российское общество как не сплоченное, популярнее мнение не о равнодушии, как факторе сплоченности, а об умении действовать согласовано, при этом сохраняя индивидуальность:

Сплоченность не подразумевает гомогенность группы, социальная сплоченность может быть в отдельных группах, слоях населения, в различных типах общественных объединений (женский, 37 лет, здравоохранение);

Доверие, умение советоваться, согласованность, верность и готовность вместе действовать, трудиться. (женский, 67 лет, религиозная сфера);

Умение договариваться и находить то, что объединяет для созидания.
(женский, 38 лет, религиозная сфера).

В качестве факторов сплоченности эксперты видят как внутренние качества личности, которыми должны обладать значительное большинство людей для развития сплоченности общества, так и внешние, которые позволяют гражданам активно принимать участие в жизни общества, тем самым увеличивая уровень сплоченности. Важно отметить, что эксперты, которые по-разному определили уровень сплоченности российского общества, наделяли данное понятие разными личностными факторами: среди экспертов, для которых российское общество обладает сплоченностью, это, как правило, качества, связанные со стремлением к единству, помощи окружающим. Также для данной категории экспертов более важна внешняя инфраструктура, что может свидетельствовать об их понимании российского общества именно по внешним признакам, а также наличию у граждан рассмотренных ими качеств. В свою очередь, индивидуализация и стремление не столько объединиться, сколько понять и услышать окружающих, гораздо важнее для экспертов, которые отмечали отсутствие сплоченности в российском обществе. Это может говорить о том, что, по мнению экспертов, отсутствие данных качеств может стать препятствием для сплочения среди граждан.

Блок 4. Проявление сплоченности в реальных практиках

В анкете присутствовал обязательный для всех вопрос, направленный на выявление практических действий, в которых проявляется общественная сплоченность: *«На Ваш взгляд, как проявляется сплоченность в обществе? Через какие действия можно зафиксировать социальную сплоченность?»* Чаще всего респонденты называли участие в общественно-политической деятельности (митинги, демонстрации, волонтерство) и совместная деятельность и желание помочь другим, как отличающие сплоченность практики. Реже назывались такие черты, как:

- Доверие, установление доверия между людьми – 7 упоминаний;
- Решение задач/общих проблем – 7 упоминаний;

- Жертвенность, умение жертвовать временем и ресурсами для помощи окружающим – 6 упоминаний;
- Наличие общей цели – 4 упоминания (только среди тех, кто считает, что общество сплоченное).

Помимо личностных качеств людей (умение сопереживать, ответственность людей и т.д.), которые проявляются как признак сплоченности, эксперты обратили внимание на конкретные практики и социальные институты, которые позволяют достигнуть такого состояния. Это характерно для информантов, которые охарактеризовали российское общество как сплоченное (33% от экспертов, которые охарактеризовали российское общество как сплоченное):

Чувство сострадания, сопереживания формирует группы людей, которые готовы помогать другим. Общая цель ведет людей к созданию фондов, благотворительных организаций, сообществ. Общие желания, мысли, решения несут добро в общество. Человек готовый работать в группе, в команде несет много добра. Жертвует своим временем, транспортом и т. д. для тех, кому нужна помощь. Многие фонды помогают больным детям, пожилым людям, семьям с детьми инвалидами. Принимают активное участие в гуманитарной помощи на СВО. Это очень ценно и важно в нашем обществе. (женщина, 44 года, милосердие).

Сплоченность проявляется через общественную активность населения, поддержку тех, кому нужна какая-либо помощь, волонтерство - в основном в рамках трудовых коллективов или общественных организаций (женщина, 55 лет, историко-просветительская сфера).

Сплоченность в обществе проявляется через желание людей не оставаться безучастными по отношению к судьбам других людей. Действия направленные на достижение социальной сплоченности могут быть следующими, проведение военно-патриотических и культурно-массовых мероприятий, социальная работа со слабо защищенными слоями населения. (мужчина, 31 год, правозащитная сфера).

Эксперты, которые декларировали отсутствие сплоченности российского общества, в качестве реальных практик, через которые проявляется сплоченность, выделили также и мероприятия, демонстрирующие гражданское участие (14% от экспертов, которые охарактеризовали российское общество как не сплоченное):

Участие в митингах и массовых мероприятиях, благотворительность (мужчина, 67 лет, увековечивание памяти жертв политических репрессий).

митинги, демонстрации, дебаты (женщина, 25 лет, инфраструктурная помощь НКО).

Гражданская активность в самых разных сферах, которая находит поддержку на локальном уровне (женщина, 48 лет, социокультурные инициативы).

Необходимо вернуть доверие к государственным и социальным институтам и уверенность в соблюдении конституционных прав (женщина, 71 год, этнокультура).

Через возможность совместного действия и наличие доверия между людьми. (женщина, 83 года, краеведение).

Через множество братств и общин как религиозных (особенно православных), так и светских - трудовых, научных, культурных; через взаимопомощь на разных уровнях, от соседей в подъезде, соседей на одной улице и маленьком поселке, городке до уровня крупных городов, регионов; через развитую сеть свободных волонтерских организаций, действующих без государственного вмешательства (женщина, 65 лет, религиозная сфера).

Интересным показалось и то, что эксперты с позицией об отсутствии сплоченности российского общества, 6 раз упомянули в качестве признака сплочения участие в работе общественных сообществ, различных НКО, благотворительных фондов, включая согласованность их действий и слаженную работу в коллективе, и т.д., тогда как только один эксперт с противоположной позицией упомянул данный признак.

Говоря о практических действиях, через которые транслируется сплоченность общества, эксперты больше говорили о деятельности внутри конкретных институтов и сообществ. В ответах экспертов, которые характеризовали российское общество как несплоченное, находила отражение гражданская активность как практическая иллюстрация сплоченности. Это может свидетельствовать об их оценке гражданской активности россиян как низкой, поэтому уровень сплоченности общества они оценивают в целом не высоко. В свою очередь, эксперты, для которых российское общество сплоченное, отмечали общественные практики, направленные на помощь окружающим. Это может говорить об их оценке данных практик в России как распространенных, что позволяет высоко оценить уровень сплоченности россиян в целом.

Блок 5. Последствия разобщенности (атомизации) общества

Финальным блоком анкеты стало изучение мнения информантов о наиболее значимых негативных последствиях, к которым может привести низкий уровень социальной сплоченности. По результатам ответа на вопрос «Какие наиболее значимые негативные последствия могут проявиться при снижении уровня сплоченности в обществе?» были проранжированы выявленные в ходе анализа теоретической базы последствия разобщенности (атомизации) общества. Стоит отметить, что вопрос предполагал до пяти вариантов ответа.

Всего один из экспертов выразил мнение о том, что снижение уровня социальной сплоченности не несет в себе негативных последствий. В топ-3 последствий входят:

1. Увеличение уровня социальной тревожности – 83%;
2. Снижение уровня гражданской активности – 78%;
3. Рост уровня алкоголизма, наркомании – 74%.

В следующем вопросе (необязательном) экспертам предлагалось самостоятельно дополнить список и выделить не названные ранее последствия, к которым приводит разобщенность (атомизация): «Какие еще

негативные последствия разобщенности общества Вы могли бы выделить дополнительно? Если таких нет, пропустите данный вопрос).» Всего на вопрос ответили 25 экспертов (43% от общего числа опрошенных). Здесь не было замечено явных различий в ответах экспертов в зависимости от оценки уровня сплоченности российского общества. Наиболее частыми негативными последствиями разобщенности (атомизации) общества, которые называли эксперты, стали отрицательное влияние на демографию, утрата ценностей и личной нравственности, увеличение уровня социального одиночества, рост количества психологических заболеваний:

Психологические последствия (женщина, 56 лет, культура);

Утрата исторических традиций, гордости за свою страну, наличие тенденций переписывания истории, транслирование ложных ценностей, разрушение уклада семьи, системы воспитания. (женщина, 71 год, этнокультура);

Рост разобщенности на уровне семьи, родственных связей, увеличение числа разводов и все вытекающие отсюда последствия (женщина, 55 лет, историко-просветительская сфера);

Атомизация общества, одиночество людей даже в городах, потеря смысла жизни (женщина, 37 лет, религиозная сфера);

Нарастание авторитарности власти на всех уровнях; развал экономики, образования, здравоохранения, снижение общего уровня культуры народа – из-за разрушения внутренней неформальной стратификации общества по уровню духовного аристократизма (женщина, 65 лет, религиозная сфера).

Чаще других о психологических последствиях разобщения (атомизации общества) говорят респонденты из историко-культурной и краеведческой сфер. Об утере важных человеческих ценностей чаще других высказываются эксперты из религиозной и культурной сфер.

Выводы

Эксперты описывают сплоченность как состояние, в котором люди объединены общими ценностями и целями, доверяют друг другу, проявляют готовность к взаимопомощи и участвуют в совместных делах, включая волонтерство, митинги, культурно-патриотические акции и повседневные практики взаимной поддержки. На символическом уровне они подчеркивают согласие в трактовке истории страны и наличие разделяемой национальной идеи, тогда как в институциональном измерении важными признаются возможность граждан причастно влиять на жизнь государства и наличие обратной связи от властей. Тем самым ключевыми маркерами сплоченности оказываются общность ценностных установок, доверие как устойчивое ожидание поддержки, коллективное действие ради публичной цели и единый исторический нарратив, дополненные внутренними личностными качествами — ответственностью, сочувствием, готовностью к самопожертвованию.

Большинство этих признаков совпадают с теми, что ранее выделялись в исследованиях национальной или гражданской идентичности: признание общей истории, согласие относительно будущего курса, ответственность за судьбу страны, доверие к институтам и участие в гражданских практиках формируют основу как для ощущения «мы-граждане», так и для переживания «мы-россияне». Они же перекрываются с универсальными маркерами идентичности, такими как коллективная память, территориальная солидарность и общее политическое пространство. Классические сугубо этнические индикаторы — язык, религиозный ритуал, кровное происхождение — в экспертных ответах упоминаются редко, что подтверждает вывод о том, что в современной российской повседневности этническая самоидентификация маркируется иначе, чем национально-гражданская. Тем не менее согласие в трактовке истории или «любовь к Отчизне» может подпитывать обе формы принадлежности: гражданскую через политическую лояльность, этническую через «культурную родину», поэтому отдельные маркеры остаются двусмысленными.

Когда эксперты говорят о последствиях распада сплоченности, они перечисляют рост социальной тревожности, снижение общественной и политической активности, распространение зависимостей, усиление одиночества, утрату нравственных ориентиров, демографический спад и авторитаризацию институтов. Эти угрозы корреспондируют с факторами разрушения идентичности, которые фиксировали теории кризисов социализации и неопределенности: отсутствие доверия и согласия подрывает нормативную опору, обесценивает коллективную память, лишает людей позитивных подтверждений принадлежности и тем самым воспроизводит ситуацию, в которой идентичность становится неустойчивой или негативно заряженной.

Этап 1.2. Фокус-групповое исследование

Описание методологии и процедура проведения опроса

Две фокус-группы были проведены в рамках разведочного этапа с целью валидации маркеров социальной сплоченности, выявленных на предыдущем этапе, и их углубленного анализа, к которому относится также установка их роли в сообществах, последствия отсутствия сплоченности и связанные с этим проблемы.

Дискуссии были проведены в онлайн формате на платформе Meet Google. В качестве информантов были приглашены эксперты – представители различных сообществ, занимающие руководящие позиции и имеющие 3-х летний и выше стаж работы в подобных организациях. В первой фокус-группе приняли участие 6 человек, во второй – 3 человека.

В анализе *курсивом* приведены слова респондентов с указанием пола, возраста и сферы деятельности сообщества, которое представляет эксперт.

Анализ результатов фокус-групп

Блок 1. Концептуализация сплоченности

Несмотря на то, что сплоченность в целом оценивается как положительная характеристика здорового общества, в то же время, некоторые респонденты говорили о том, что сплоченность нужна только слабым или тем,

кто обществом управляет (*«Я поймал себя на мысли, что объединяться нужно слабым. Жизнь так устроена, что обычно слабые нуждаются в этом объединении. Сильному человеку не нужно это объединение. Он сам вот себя может устроить»*, мужчина 36 лет, социокультурное проектирование, благоустройство местности). Упоминалось также и то, что в здоровом обществе сплоченность как таковая не нужна, так как это – защитная реакция, возникающая при столкновении общества с проблемами, и в отсутствие общих задач, требующих решения, сплоченность не возникает в принципе.

Среди негативных характеристик сплоченности были названы возможная потеря идентичности и индивидуальности внутри сплоченного коллектива, невозможность покинуть такую группу: «Любая секта тоже». (мужчина, 36 лет, социокультурное проектирование)

Вместе с тем было высказано мнение, что негативными свойствами сплоченность начинает обладать тогда, когда группа объединяется на «негативных» основаниях, преследует некие аморальные, преступные цели: *«если сплоченность проявляется как мафия или банда – это негативно»* (Ж, 55 лет, социальный театр)

В то же время отсутствие сплоченности в принципе – также воспринимается как негативное состояние общества. Такое положение вещей ассоциируется с трусостью, апатией и пассивностью граждан. К тому же один из респондентов отметил, что разобщенное общество – это общество *«безголосое, [которое] не умеет формулировать собственные желания и требования <...> перестает существовать гражданское общество, оно становится населением».* (женщина, 55 лет, социальный театр)

Однако респонденты признают, что все не могут быть активистами, и что неизбежно лидерскими качествами будет обладать лишь небольшое количество людей. В целом в обеих группах была поднята тема лидерства как необходимого условия для возникновения сплоченности.

Блок 2. Сплоченность, солидарность и атомизация

Разобщенность и атомизация действительно воспринимаются респондентами как антонимы сплоченности, два противоположных состояния общностей. Атомизация в этом случае воспринимается как негативное явление, которое усложняет жизнь людям по отдельности и не дает возможности работать с проблемами мезо- и макроуровня: *«Вот мы там делаем дела, а вы делаете свои и не лезьте в наши дела, в этом долго люди воспитывались. Вот разобщенность, что называется, такая коммерческая и будем зарабатывать деньги и все»* (женщина, 55 лет, социальный театр).

Понятие солидарности, в свою очередь, воспринимается почти как синоним сплоченности, единомыслия: *«Одно из качеств присущих русской культуре это стремление к единому умонастроению, то есть это в разное время может называться по разному, там соборность, коллективизм, колхозность, то есть стремление к некому единству, но это единство как правило обретаётся через разделение на своих и чужих»* (мужчина, 66 лет, просвещение, объединение мореплавателей)

Тем не менее, из контекста можно сделать вывод, что респонденты все же различают состояние сплоченности (когда объединения предпринимают конкретные действия для изменения ситуации) и состояние солидарности (единомыслие, единое умонастроение и т. п.). Именно наличие общей проблемы, врага, необходимости действовать превращает солидарность в сплоченность. Сплоченность связывается с такими терминами, как «трудолюбие», «взаимовыручка» и т. д., в то время как солидарность может быть «немой», не приводить к реальным изменениям в обществе.

Блок 3. Сплоченность российского общества

Большинство интервьюируемых двояко оценило состояние российского общества касательно сплоченности: с одной стороны, в целом общество характеризуется ими как сильно атомизированное, в особенности отмечается, что это заметно на контрасте СССР и Перестройки: *«С 90-х годов замечаю, что вот этой сплоченности не было. У нас человек к человеку как-то относился, как сказать, потребительски, что ли? Вот эти ценности,*

которые, сейчас многие ругаются в советское время такое было, такое, но мы были сплоченнее, дружнее, ответственнее друг к другу» (женщина, 52 года, история, экология). В сравнении с современностью отмечается наличие национальной идеологии в советский период, общей идеи для всех граждан страны («идея должна быть, определенная идеология, у нас в советском обществе была определенная идеология, а сейчас кто в лес, кто по дрова», женщина, 54 года, председатель организации родителей детей инвалидов). В противовес необходимости о национальной идее было выдвинуто противоположное мнение: «Меня немножко раздражает тема про национальные идеи, часто говорят. Да мы думаем, национальные идеи для нашего общества. Мне кажется, с позиции человека, вот индивидуальной, сильной личности не нужна никакая национальная идея, она нужна только той категории граждан, которые управляют страной для того, чтобы было проще управлять. К обычной жизни человека это вообще не имеет никакого отношения» (мужчина 36 лет, социокультурное проектирование, благоустройство местности).

С другой стороны, экспертами отмечается, что в последнее время все же видны подвижки в возникновении некоторых объединений, гражданского общества, направленных на решение отдельных проблем: «Мы начинаем быть сплоченными, когда есть какая-то ценность, которую мы должны либо взрастить или защитить»; «Я тоже сейчас замечаю что есть сейчас какие-то островки, кустики в которых люди объединяются и это есть задел на будущее хорошее» (мужчина 36 лет, общинная мастерская).

Многие информанты указывали на различную степень сплоченности в зависимости от рассматриваемого объекта (общества в целом, сообщества, в межличностном взаимодействии), а кто-то также затруднился с ответом, т.к., по их мнению, оценить сплоченность всего общего целиком невозможно.

Блок 4. Уровни сплоченности

Дискуссия возникла также и по поводу возможности существования сплоченности на макроуровне. Респонденты сами в своих рассуждениях

делили сплоченность на макро и микро/мезоуровень. Было выдвинуто мнение о том, что на уровне взаимодействия в сообществах, семье или с близкими людьми сплоченность есть, чего нельзя сказать обо всем обществе в целом:

«Мы можем сплотиться среди своих знакомых, даже может быть знакомые знакомых знакомых, микро группы, то что рядом, но вот в как-то более широком плане, я думаю нет, мы не сплочены» (женщина, 42 года, история).

Во второй группе прозвучало мнение о том, что все общество не может быть или стать сплоченным: *«весь народ не можете сплотиться. Разные люди, они по-разному живут, у них разные цели. У них разные принципы, разные мировоззрения, разные физические какие-то возможности, разные болезни психические он очень разные» (женщина, 55 лет, культура).* Информанты также подчеркивали, что даже на мезоуровне сплоченность достаточно сложно сформировать: *«... Невозможно, вообще сделать сплоченным все российское общество. Я просто экстраполирую вашу метафору, да про разные уровни, хочется спросить: может ли и вся планета Земля вообще все население стать сплоченным? <...> с позиции человека, если не призывать ни к какой социальной инженерии, то нет такого представления или понятия» (мужчина 36 лет, социокультурное проектирование).*

Некоторые эксперты отмечали наличие глобальных проблем как в масштабе как страны, так и всего человечества, которые могут сплотить людей на макроуровне: *«А сейчас этой такой общей идеей, может быть выживание человечества в большом смысле, этого слова... Лекарство от рака, решение экологических проблем, попытка справиться с локальными африканскими, например, проблемами. Это общая задача даже не для ста сорока миллионов человек, а гораздо больше» (женщина, 55 лет, социальный театр).*

Блок 5. Факторы сплоченности

В рамках фокус-групп респондентам предлагалось назвать факторы, которые влияют на сплоченность (см. приложение 2). Обе группы называли такие общие элементы формирования сплоченности, как:

- общие ценности и традиции;
- общая цель или проблема; общий враг; общее дело
- ответственность, смелость, мотивация, личный интерес
- лидеры, люди, готовые взять ответственность, повлиять на других.

«Общий враг» и общие проблемы и цели при анализе были отнесены к одной категории, так как в целом суть этих факторов сводилась к одному и тому же: к некой внешней необходимости справиться с определенным вызовом, с которым нельзя справиться в одиночку. *«Либо внешний: враг. Либо внутренний: развитие. Они включают в себя все то, что мы сейчас с вами придумываем».* (женщина, 52, родительский комитет).

Соответственно, «враг» здесь не только буквально некий осознанный агрессивно настроенный актер, но любое явление, которое, по мнению общества, может негативно на нем сказаться.

Наличие какой-то общей глобальной проблемы, по мнению информантов, является основанием для объединения общества: *«Для нормальной консолидации общества нам нужны проблемы, когда общество слишком хорошо живет оно, что называется по-русски, зажралось, и уже не едино»* (мужчина, 38 лет, развитие малых территорий).

Несколько раз информантами упоминалось, что понятие «общей цели» не относится к бизнесу, экономическим целям. Иными словами, общие задачи или проблемы исходят из неких ценностей и традиций, относящихся, в первую очередь к гуманитарной, духовной сфере. «Дух капитализма» в целом критиковался обеими группами как источник разобщенности, «потребительского» отношения к окружающим, недоверия и эгоизма.

Рисунок 1. Таблица факторов, названных экспертами в процессе дискуссий

ГРУППА 1		ОБЩИЕ ФАКТОРЫ	ГРУППА 2
религия, вера		общая цель или проблема; общее дело	желание помочь
страх	отсутствие страха	общие ценности и традиции	совместное творчество
		общий враг	осознанность
		ответственность, смелось, мотивация, личный интерес	
		лидеры, люди, готовые взять ответственность, повлиять на других	
		доверие	

Помимо этого, первая группа также назвала в числе факторов веру, доверие и любовь, а также страх и отсутствие стресс-фактора. Касательно последних двух элементов мнения разделились. Часть респондентов считает, что страх разобщает людей, повышает атомизацию, так как люди боятся, что их действия будут встречены агрессией, в то время как доверие, принятие и любовь упрощают объединение. Отмечено было также, что доверие в обществе связано с эффективностью государственного аппарата и экономических институтов. Другая часть высказала мнение, что страх – это своего рода последствие наличия «общего врага», который сталкивает людей вместе для борьбы с этим самым источником стресса. Соответственно, без определенного уровня тревожности общество не будет сплоченным.

Вторая группа назвала среди факторов сплоченности ум, осознанность и совместное творчество. Совместное творчество в контексте толковалось как своего рода самоцель, которая может заменять роль общего врага или общей

проблемы. При этом этот фактор одновременно является и целью сплочения, и его основанием, и его результатом: *«Они не ставят никакой для себя задачи, никакой не ставят цели. Когда у них есть какое-то творческое наполнение их жизни, у них появляется невольно такой кружок обычный»* (мужчина, 36 лет, социокультурное проектирование).

Под умом же здесь понималась возможность осознавать себя как социального актора, планировать свои действия и их последствия в контексте всего общества: *«Мне кажется ответственность, она не берется из пустого места так же, как и доверие не берется из пустого места. Она берется из просвещения, потому что невозможно темному, ничего не знающему человеку объяснить, вообще, что он ответственен за свою жизнь. И что он должен в своей жизни найти осмысленность, найти цель. Даже не знаю, без чего нельзя? Без ума, без какого-то понимания, без умения просчитать хотя бы на два шага вперед»* (женщина, 55 лет, социальный театр).

Было также высказано мнение, что сплоченность должна существовать независимо от государственного строя, т. е. быть ключевым элементом гражданского общества, которое остается самостоятельным и активным без привязки к государственному аппарату.

В процессе ранжирования приведенных факторов респонденты называли самыми важными и распространенными общие задачи и идеи, включая духовные, следующими по важности – мотивацию, личную заинтересованность в решении проблемы, и третьими – наличие лидера, обладающего соответствующими качествами.

Выводы

В фокус-групповых обсуждениях сплоченность описывается через несколько взаимосвязанных признаков. Базовым считают наличие коллективного смысла, который формулируется либо как общее дело и общая цель, либо как внешний вызов или враг, требующий совместного действия. На психологическом уровне сплоченность связывают с доверием, чувством ответственности, сочувствием и готовностью рисковать, а на

организационном – с присутствием авторитетного лидера, способного задать направление и удерживать группу в действии. Дополнительным ресурсом могут быть разделяемые ценности и традиции, опыт совместного творчества и религиозная вера; некоторые участники подчеркивают, что умеренный страх или состояние тревожности парадоксально стимулируют объединение, тогда как довольство и безопасность приводят к разобщенности.

Общая история и ценности, идея коллективной ответственности, доверие к институтам и наличие лидирующего нарратива были уже отмечены как главные признаки принадлежности к политическому сообществу; здесь они лишь сформулированы через повседневный опыт экспертов. Этнический слой проявляется слабее: упоминания языковых или ритуальных кодов звучат как «традиции» или «вера», но не становятся центральными. Тем самым экспертный перечень подтверждает, что повседневная сплоченность питается прежде всего гражданско-политическими символами и только вторично – этнокультурными маркерами.

Отсутствие сплоченности, по наблюдению информантов, ведет к атомизации, апатии, страху перед публичными действиями, исчезновению гражданского голоса и размыванию ответственности – именно те эффекты, которые в разных теориях признавались ядром кризиса идентичности. Исследования социальной неопределенности фиксировали, что слабые нормативные ожидания и дефицит взаимного признания разрушают чувство «мы»; психосоциальная модель говорила о ролевой путанице, а конструктивистская – о потере общего нарратива. Эксперты описывают те же последствия другим языком: «безголосое население», «коммерческая разобщенность», «потребительское отношение» к сообществу.

Небольшие расхождения с теоретико-методологическими схемами все же заметны. В литературе подчеркивается, что принадлежность может воспроизводиться рутинно и «банально», тогда как участники дискуссии часто представляют сплоченность как реакцию на стресс или угрозу, допускают ее

избыточность в «здоровом» обществе и даже опасность «сектантского» растворения личной идентичности.

Этап 2. Всероссийское онлайн-исследование

Описание методологии и процедура проведения опроса

В период с 18 июля по 28 июля 2023 года был проведен онлайн-опрос россиян.

В исследовании приняли участие 1095 респондентов. Выборка не репрезентирует население России. В Приложении 3 представлены таблицы с составом респондентов по возрасту, региону и полу.

В целях данного исследования будут отражены данные по следующим блокам, полная анкета находится в Приложении:

1. самооценка сплоченности российского общества и причинах данного явления;
2. самоопределение и ценности;
3. оценка уровня доверия в российском обществе;
4. взаимодействие с разными социальными группами;
5. самооценка эмоционального состояния;
6. участие в общественной и политической деятельности;
7. демографические сведения.

Блок 1. Самооценка сплоченности

Определение сплоченности

Готовность людей помогать друг другу в первую очередь определяет для россиян социальную сплоченность (42% опрошенных). Общность взглядов и установок людей называли чуть реже – 39% (рис. 2).

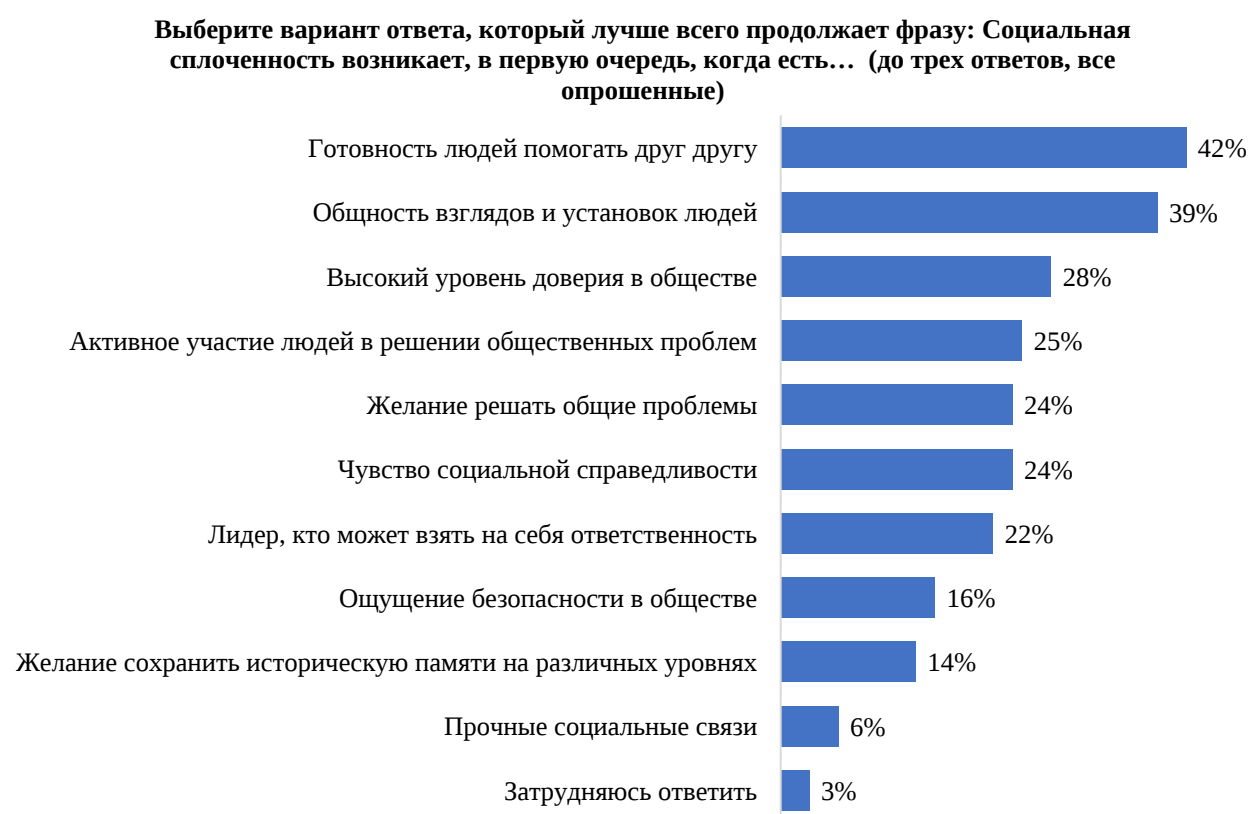
Прочные социальные связи в наименьшей степени нужны для возникновения сплоченности (6%).

Среди различий в ответах между возрастными категориями выделяются представители 60 лет и старше: общность взглядов и установок россияне этого

возраста чаще ставят на первое место в отличие от других возрастных групп (47%). Каждый третий среди молодежи 18-24 года связывает сплоченность общества с желанием решать общие проблемы.

Распределение по профессиям показало, что общность взглядов и установок работники медицинской сферы и здравоохранения называют в 1,5 чаще, чем готовность людей помогать друг другу. Часто о единстве говорят социальные работники (53%) и работники сферы образования и науки (51%).

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов об определении сплоченности

С тем, что для благополучной жизни человек должен быть членом сплоченного общества, согласны абсолютное большинство россиян (84%). Соответственно, у общества есть запрос на сплоченности и понимание ее необходимости.

Оценка уровня солидарности, готовности помогать, ощущение уровня безопасности

Для оценки каждого из показателей респондентам были предложены три группы суждений. Большинство россиян чаще выбирает «позитивное» утверждение:

} В нашей стране люди всегда готовы прийти на помощь человеку в беде – 70%

VS В России люди вряд ли помогут человеку, попавшему в беду – 30%.

} В России высокий уровень общественной безопасности, есть чувство спокойствия и защищенности – 66%.

VS Уровень безопасности в российском обществе низкий, страшно выходить на улицу – 34%;

} В российском обществе большинство людей едины, у них есть общие взгляды и ценности – 60%.

VS Большинство людей в России не сходятся в одном мнении и не имеют общих взглядов и ценностей – 40%.

Уверенность в готовности людей помогать растет с возрастом респондентов. Если молодые люди 18-24 лет выбирают первое утверждение в 56% случаях, то среди 60+ – таких 79%. Согласны с этим утверждением в большей степени и социальные работники (80%). В обоих случаях выбор данного утверждения может быть обусловлен опытом респондентов: пожилые люди в силу возраста, социальные работники – в силу профессии.

Ощущение безопасности повышается в зависимости от материального положения респондента: чем выше достаток, тем чаще выбирают «позитивное» утверждение (рис. 3). Высокий уровень безопасности ощущают жители Сибири (76%) чаще, чем остальные округа. Небезопасность на улицах чувствуют чаще жители Северо-Западного ФО, включая Санкт-Петербург (40%).

С тем, что в России большинство имеют общие взгляды и ценности, чаще соглашались 45-летние и старше (65%). Заметно различие в ответах между жителями разных типов населенного пункта: чем город, в котором проживает опрошенный, меньше по численности, тем согласие с

«позитивным» утверждением выше. Согласие с тем, что большинство не сходится в одном мнении, декларируют чаще те, кто вообще не смотрит телевизор (63%), и наоборот, противоположную позицию занимаю чаще те, кто смотрит телевизор более 4-х часов ежедневно.

Рисунок 3. Распределение ответов по оценке уровня безопасности и материального положения.

Среди тех, кто считает, что российское общество едино, объясняют это чаще следующими причинами:

- в трудные минуты Россия объединяется – 74%;
- это в нашем менталитете, культуре, воспитании, истории – 55%;
- люди стараются помогать друг другу – 34%.

Старшее поколение (от 45 лет и старше) в 89-83% случаях называют причиной трудные времена как повод сплочения. Люди стараются помогать друг другу – данный ответ женщины называют чаще мужчин (39% vs 27%), что может говорить о различиях в социально-психологическом восприятии феномена.

Причины единения

Родная земля и русский язык (69% и 68% соответственно) – объединяют россиян друг с другом в первую очередь (рис. 4). Общее государство в большей степени объединяет жителей Северо-Кавказского округа (70%). Реже

всего в качестве объединяющего фактора называют религию (21%), что может быть связано с уменьшением роли института в жизни россиян и разнообразием религиозных мировоззрений.

Рисунок 4. Объединяющие факторы для россиян.

Таким образом, сплоченность в первую очередь понимается как непосредственный акт действия – готовность помогать друг другу. Граждане уверены, что для благополучного развития важно быть частью сплоченного общества и декларируют в этом необходимость.

Россияне склонны отвечать положительно при прямой субъективной оценке таких показателей, как уровень солидарности, готовность помогать, чувство общественной безопасности. Все три показателя большинство россиян оценило высоко.

Большая часть опрошенных заявляет, что российское общество едино, т.к. страна переживает трудные времена. Родная земля и русский язык первостепенно выступают в качестве факторов, которые объединяют всех россиян.

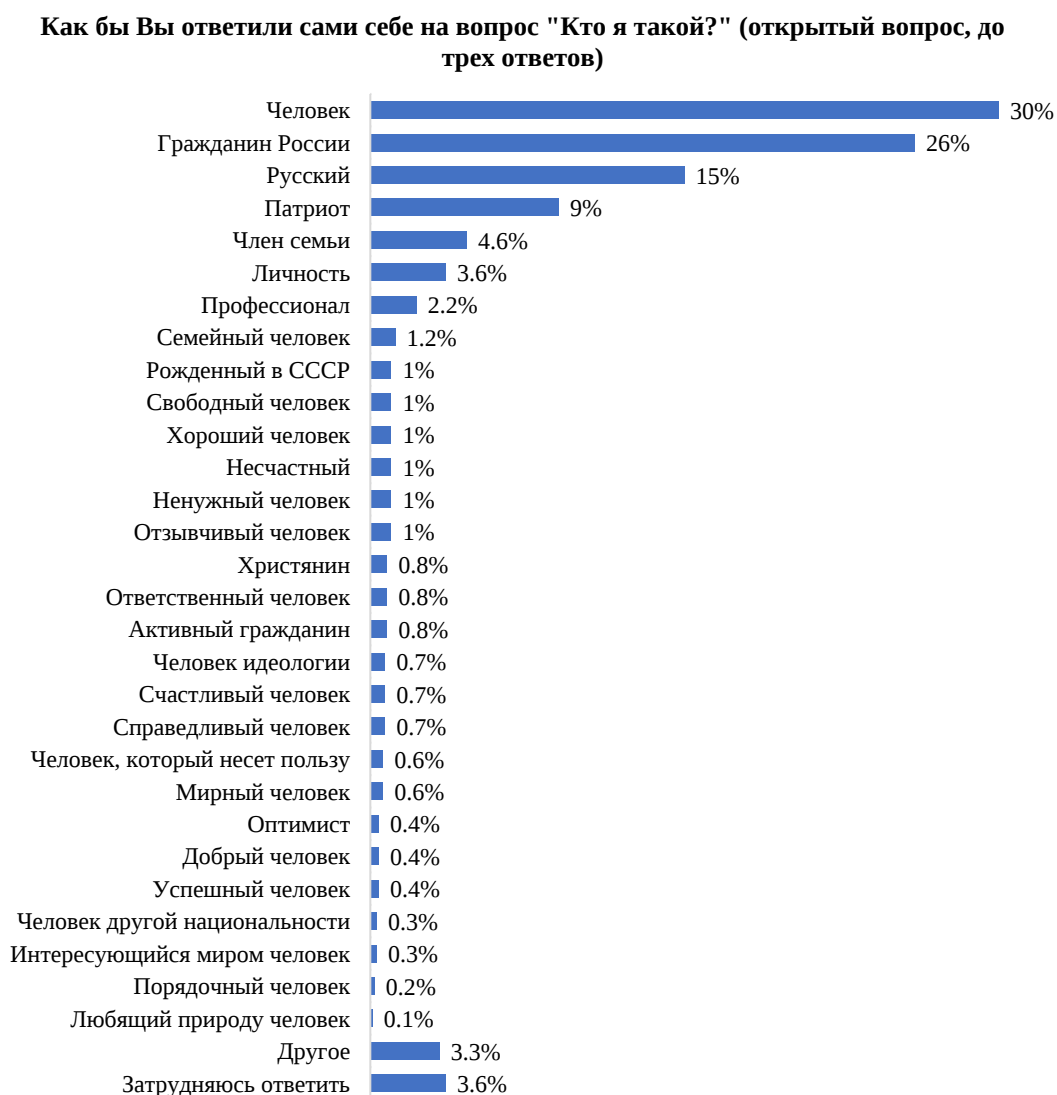
Блок 2. Самоопределение и ценности

Самоопределение

Важным фактором сплоченности общества выступает самоопределение его индивидов по отдельности. ТОП-3 характеристик, по которым определяли себя опрошенные россияне (рис. 5):

- «Человек» (30%);
- «Гражданин России» (26%);
- «Русский» (15%).

Рисунок 5. Распределение ответов про самоопределение россиян (отвечали 889 чел.).

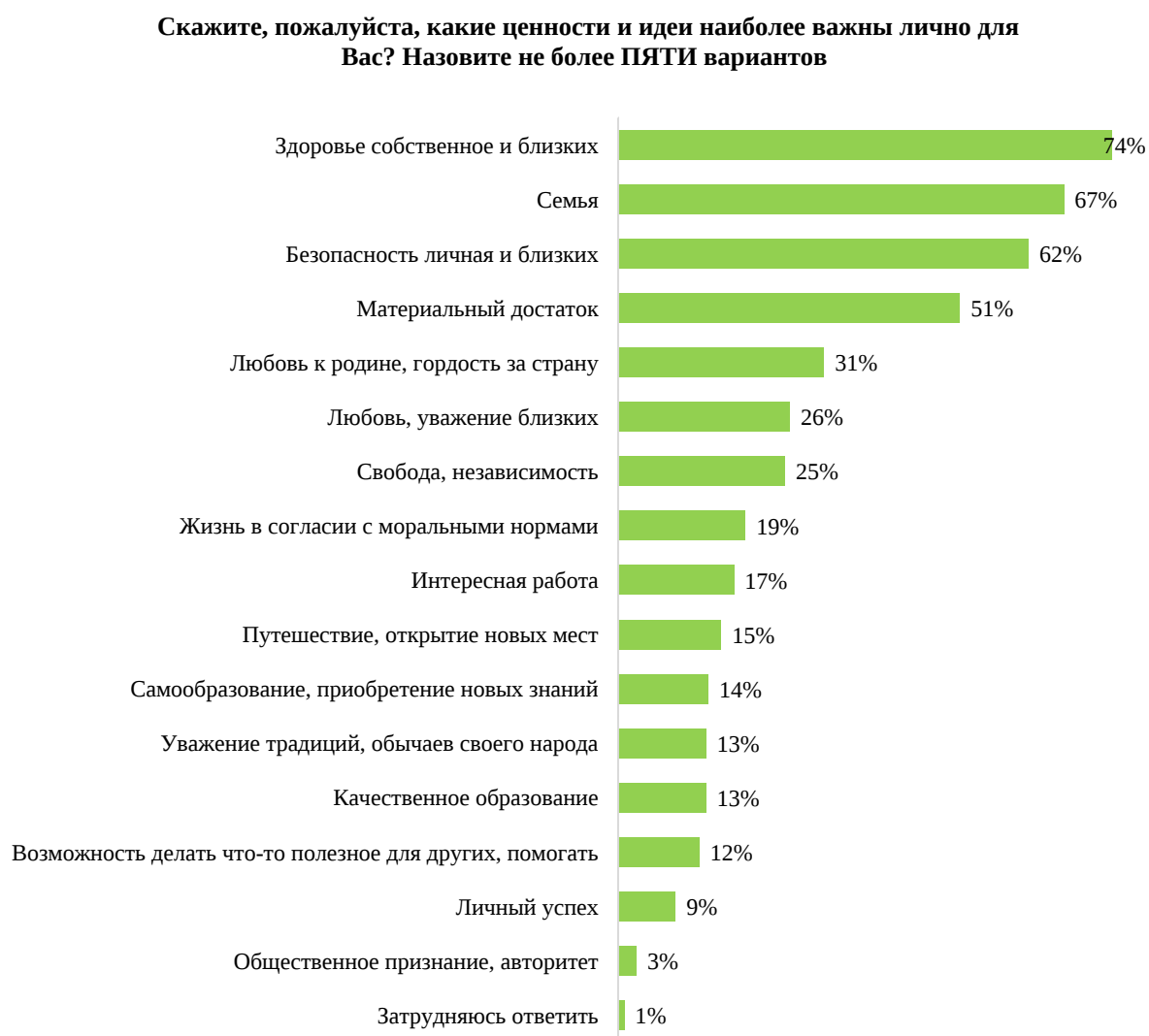
Около 9% даны качества и характеристики людей (добрый, успешный, счастливый и т.д.). В 50% случаев мы наблюдаем самоопределение через принадлежность к макрогруппе: к государству (варианты ответа —

«Гражданин» и «Патриот») и национальности (вариант ответа – «Русский»). Таким образом, можно сделать вывод, что россияне склонны к солидаризации на основе этих признаков.

Ценности

Самыми важными ценностями для россиян оказались «Здоровье собственное и близких» (74%), «Семья» (67%), «Безопасность личная и близких» (62%) и «Материальный достаток» (51%) (рис. 6).

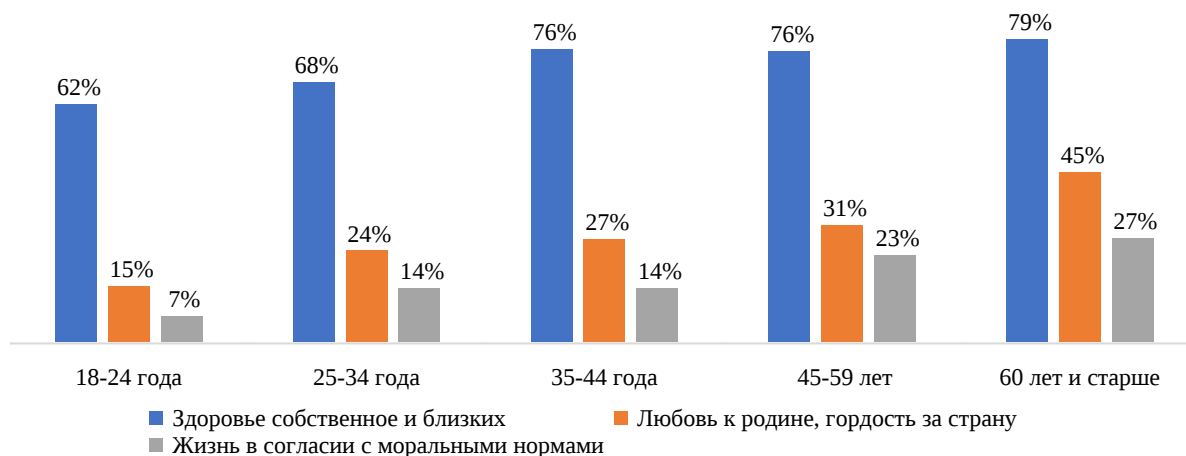
Рисунок 6. Распределение ответов о наиболее важных ценностях россиян

При рассмотрении распределения ответов по возрастам оказалось, что важность ценностей «Здоровье собственное и близких», «Любовь к родине, гордость за страну» и «Жизнь в согласии с моральными нормами» прямо

пропорционально возрасту: чем старше респонденты, тем чаще они отмечали данные ценности как важные (рис. 7).

Рисунок 7. Распределение по возрастам выборов ценностей «Здоровье собственное и близких», «Любовь к родине, гордость за страну» и «Жизнь в согласии с моральными нормами»

Такая ценность как «Возможность делать что-то полезное для других, помогать» - показала невысокий отклик у россиян (12%). Но чаще других ее выбирали люди в возрасте 25–34 года (14%), россияне, проживающие в ПГТ и селах (16%). Личный успех чаще интересовал молодых людей в возрасте 18–24 года (20%). Отзывчивость и склонность к помощи проявляется на низком уровне практически независимо от возраста.

В данном случае можно говорить, что единодушие в ценностях в большей степени зависит от возраста. У молодого поколения (18–24 года) преобладают индивидуалистические ценности.

Блок 3. Доверие

Доверие друг другу

40% респондентов полагают, что люди в России доверяют друг другу и 20% – что не доверяют (рис. 8). Причем оптимизм по этому вопросу среди молодежи (18–35 лет) сильно ниже, чем у людей в возрасте 45–60 лет (8% vs 23%).

Рисунок 8. Распределение ответов о доверии Россиян друг другу.

Доверие группам людей

Наивысший уровень доверия выражается членам семьи (90%), друзьям (73%) и коллегам (36%). При этом относительно высокий процент доверия также выражается гражданам России в целом (28%), в сравнении с доверием к соседям (26%) или жителям одного города (22%) (рис.9). Высший уровень недоверия респонденты отмечали к соседям (32%).

Рисунок 9. Распределение доверия различным группам людей.

Таким образом, вопросы о доверии скорее склоняли респондентов к нейтральному ответу (И да, и нет). Менее половины опрошенных (40%), считают, что люди в России доверяют друг другу. Наблюдается высокий уровень доверия к членам семьи и друзьям, а среди организаций – государственным и правоохранительным институтам.

Блок 4. Взаимодействие с разными социальными группами

Свои и чужие

Результаты ответа на вопрос «С какими из указанных групп людей вы ощущаете близость, и как часто?» подтвердили первоначальную гипотезу лишь частично: чаще всего респонденты действительно ощущают близость с членами своей семьи (71,7%). Далее гипотеза опровергается: меньше всего

таких эмоций респонденты испытывают к соседям (17% никогда не ощущают близость с ними) и землякам (13,6% никогда не ощущают близости с жителями одного населенного пункта).

Помимо семьи, больше всего респондентов часто чувствуют единение с людьми, близкими им по политическим взглядам (17,6%) и с людьми своего поколения (17,4%). Несмотря на гипотезу о том, что чувство единения с коллегами и людьми одной профессии будет низким, 16,3% респондентов указали, что испытывают его почти всегда. Соответственно, респонденты склонны ассоциировать себя в первую очередь со своей семьей, затем – со своей возрастной группой, с людьми одной профессии и материального положения, национальности. Эти группы набрали более 80% положительных ответов (рис. 10).

Наибольшие затруднения вызвала у респондентов оценка чувства единства со всеми гражданами России (17,6% сомневающихся) и людьми одной веры (16,9% сомневающихся). Возможно, это связано с тем, что речь идет о достаточно больших общностях.

В целом же для большинства респондентов наиболее близкой группой является семья, а с остальными указанными группами около двух третей респондентов соотносят себя хотя бы иногда.

Рисунок 10. Распределение ответов об ощущении близости с различными социальными группами.

Комфортность взаимодействия с аут-группами.

Далее респондентам было предложено проранжировать, насколько комфортно им было бы взаимодействовать с различными социальными группами – от наибольшего комфорта к наименьшему.

Меньше всего дискомфорта респонденты испытывали бы при взаимодействии с людьми отличной от их национальности (40% респондентов поставили эту группу на первое место) и людьми другого поколения (30%). На втором месте по комфортности взаимодействия оказались люди другой веры (35%). Посередине же оказались люди другого материального положения (37%). На четвертое место большинство респондентов (34%) отнесло людей, чьи политические взгляды отличаются от их собственных. Предпоследние по комфортности взаимодействия с ними – снова люди другого поколения. Наименее комфортных взаимодействий респонденты ожидают от людей с ОВЗ (37%), а также от людей с другими политическими взглядами (29%).

Соответственно, наблюдается ситуация, в которой большинство респондентов указывает, что они достаточно уверенно чувствуют себя во взаимодействиях с людьми другой веры и национальности. Около трети респондентов некомфортно ощущают себя при взаимодействии с людьми другого поколения и других политических взглядов. Но если в межпоколенческих интеракциях еще треть респондентов не видит никаких проблем, то общение с людьми других политических взглядов оценивается диаметрально противоположно: та же доля респондентов оценила его как наиболее некомфортное. Общение с людьми другого материального положения оценивается нейтрально.

Наименее комфортным же респонденты оценивают общение с людьми с ограниченными возможностями здоровья. В этом случае необходимо учитывать, что слово «комфорт» может трактоваться достаточно широко, и дискомфорт может быть вызван не столько неприязнью или страхом, сколько сочувствием, невозможностью помочь человеку и т. д.

Рисунок 11. Результаты ранжирования комфортности взаимодействия с различными социальными группами.

В данном случае стоит отметить вероятность некорректного заполнения вопроса и ошибку в выборе инструментария. Т.к. опрос проходил в онлайн формате, респонденты вероятнее всего перемещали какой-то один вариант

ответа и продолжали дальнейшее прохождение опроса. В связи с чем результаты данного вопроса не рассматриваются в дальнейшем анализе.

Блок 5. Эмоции

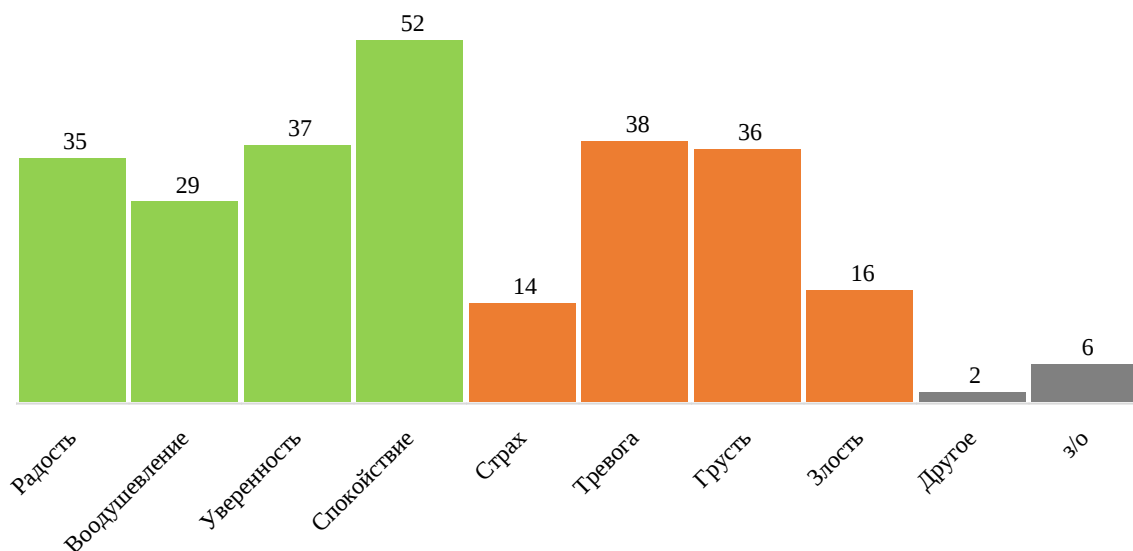
Социально-психологическое состояние общества

Большинство респондентов испытывало положительную эмоцию «спокойствие» (52%) в течение 2–3 предыдущих дней. Радость ощущали 35% опрошенных, а уверенность – 29% (рис. 12).

В то же время отмечается высокий уровень тревоги (37,5%) и грусти (36%) среди всех опрошенных. Среди различий в ответах, по территориальному признаку выделяются жители столиц: 57% проживающих в Москве испытывает тревогу, 52%, – грусть, проживающие в Санкт-Петербурге также демонстрирует высокий уровень отрицательных эмоций – тревога (50%), грусть (44%).

Рисунок 12. Распределение ответов респондентов об эмоциях и чувствах

Какие из перечисленных чувств и эмоций подходят для описания Вашего настроения в последние 2-3 дня? (% , закрытый вопрос, до 5 ответов, все опрошенные)

Лидеры по уровню положительных эмоций – Северо-Кавказский и Южный округа, жители которых наиболее часто чувствуют радость: 45% и 35% соответственно.

Рассматривая возрастные группы, можно сделать вывод, что опрошиваемые 18–24 лет чаще других групп испытывают широкий спектр эмоций: радость – 42% VS 30-39% среди других групп и грусть – 45% VS 32-40% у других групп.

Люди в возрасте лет 60 и старше наиболее часто отмечают присутствие в жизни спокойствия (60%). Люди, проживающие в сельской местности, чаще горожан демонстрируют радость – 42% против 34%, воодушевление 36% против 27%.

С учетом возрастных групп молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет чаще других испытывают широкий спектр эмоций, включая радость и грусть. Это может быть связано с периодом активного поиска своего места в обществе, установления личных и профессиональных отношений и других факторов. Старшие возрастные группы, в частности люди в возрасте 60 лет и

старше, более склонны испытывать спокойствие, что может быть связано с более устоявшейся жизненной позицией и опытом. Интересно отметить различия между жителями городской и сельской местности.

Люди, проживающие в сельской местности, проявляют более высокий уровень радости и воодушевления по сравнению с теми, кто проживает в городе. Это может быть связано с более близкими связями между людьми и меньшим воздействием городской суеты и стресса.

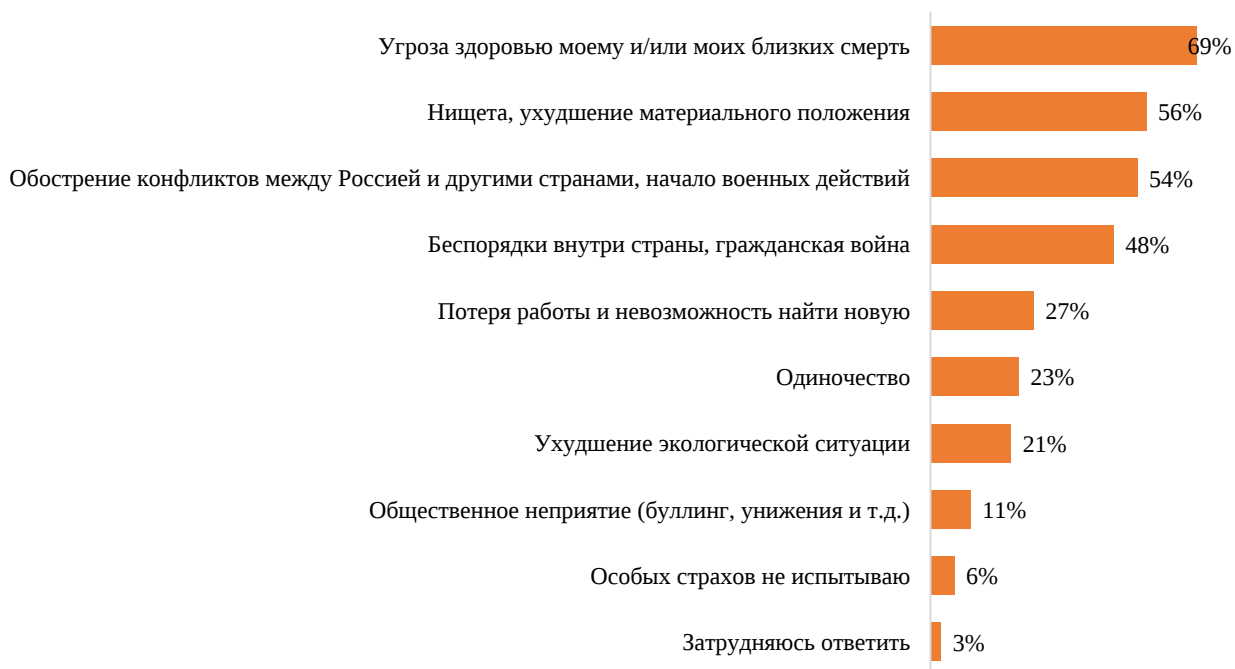
Страхи и беспокойность

Большинство респондентов обеспокоено потенциальной угрозой собственному здоровью/жизни или здоровью/жизни родственников (70%) (рис. 13).

Кроме того, политическая обстановка, как внешняя, так и внутренняя, а также материальное положение респондентов внушает наибольший страх: респонденты наиболее обеспокоены следующими проблемами «нищета, ухудшение материального положения» – (56%), «беспорядки внутри страны, гражданская война» – (48%), «обострение конфликтов между Россией и другими странами, начало военных действий» – (54%). Это свидетельствует о том, что экономические и политические факторы играют значительную роль в формировании уровня тревоги в обществе.

Рисунок 13. Распределение ответов респондентов о страхах, беспокойстве

Что Вас больше всего беспокоит, внушает страх? (% , закрытый вопрос, до 5 ответов, все опрошенные)

По мере повышения возраста респондента усиливается его обеспокоенность собственным здоровьем и здоровьем близких: возрастная группа 60+ (75,4%) VS (57%) у возрастной группы 18–24. Возможно, это связано с увеличением риска возникновения проблем со здоровьем и потребности в заботе и поддержке. Уровень тревоги, связанный со здоровьем, может быть фактором, который способствует более тесной социальной солидарности между людьми, так как они ищут поддержку и помощь от других членов общества.

Блок 7. Участие в общественной и политической деятельности

Характер общественных и политических мероприятий

Большая часть опрошенных (57%) принимали участие хотя бы в одном из видов общественной и политической деятельности за последний год, почти каждый третий (37%) не принимал участие ни в чем подобном. Среди тех респондентов, которые принимали участие в общественной и политической деятельности, наиболее популярными вариантами ответа стали (рис. 14):

1. участие в субботниках, коллективном благоустройстве подъездов, домов, в работе местного самоуправления и т.д. (31%);
2. материально помогал нуждающимся (делал пожертвования, собирал вещи и пр.) (29%);
3. участие в выборах, подписывал коллективные обращения, петиции (18%).

Наиболее активное участие в такого рода мероприятиях декларируют молодые люди в возрасте 18-24 года. Однако данная возрастная категория одна из наименее активных в вопросе политической деятельности. По данным опроса, каждый четвертый респондент старше 60 лет принимал участие в выборах, подписании коллективных обращений и петиций (25%). Наиболее характерная политическая деятельность для молодежи: участие в митингах и забастовках (7%). С увеличением возраста популярность данной деятельности снижается. Стоит отдельно отметить такое направление как волонтерство: данный тип общественной деятельности в большей степени характерен для молодежи в возрасте 18-24 лет (21%).

Скажите, пожалуйста, лично Вам приходилось за последний год участвовать в общественной и политической жизни? Ниже перечислены возможные формы участия, отметьте, пожалуйста, все, в чем Вам приходилось участвовать

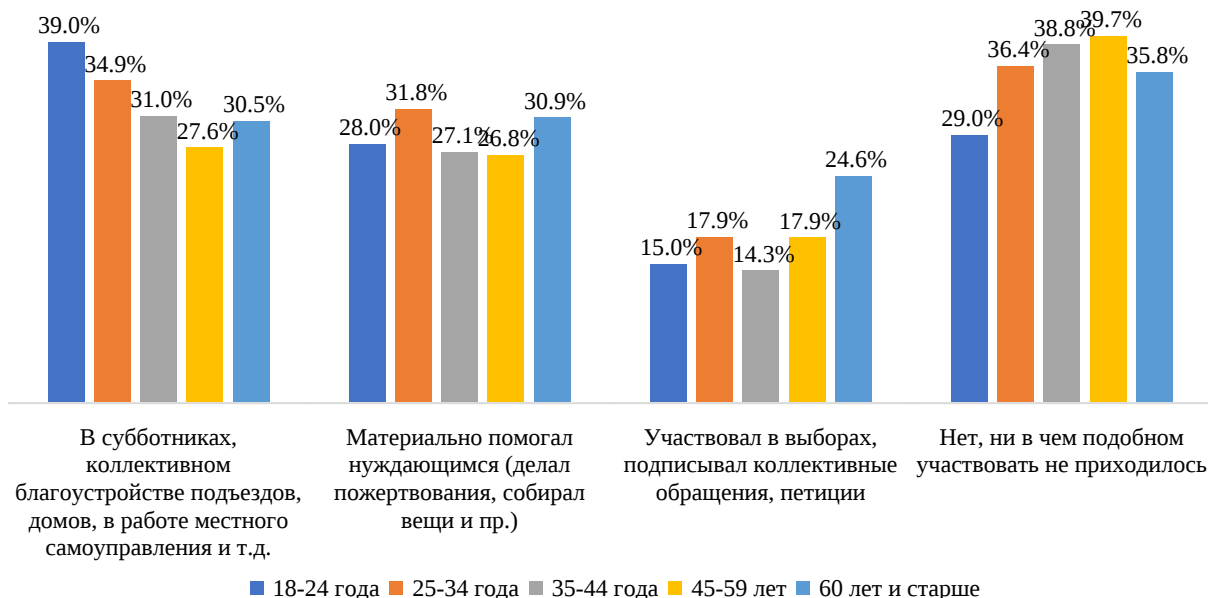

Рисунок 14. Распределение ответов по возрасту на вопрос об участии в общественной и политической деятельности за последний год (4 самых популярных ответа).

Среди тех, кто считает, что современное российское общество едино и проявляет солидарность в общих установках, большая часть (66%) принимала участие в общественно-политической деятельности хотя бы единожды (табл. 1). Данный феномен можно объяснить единым информационным полем и единомышленниками, которые создают впечатление единого, сплоченного общества. Видя такой пример, участвующие хотя бы раз в общественно-политической активности, склонны давать положительную оценку о единстве общества. При этом будет не совсем корректно утверждать, что гипотеза о том, что большинство тех, кто выражает высокую солидарность, не демонстрируют сплоченности, не подтвердилась. Для ее подтверждения требуется более глубокая проработка темы сплоченности.

Таблица 1. Доли участвующих и не участвующих в общественно-политической деятельности в соотношении с теми, кто декларирует единство.

	Декларирую т участие хотя бы один раз	Не участвовали ни разу за последний год или затрудились с ответом
В российском обществе большинство людей едины, у них есть общ	66%	54%
Большинство людей в России не сходятся в одном мнении и не им	34%	47%
Всего	100%	100%

Мотивация участия в общественной и политической деятельности

Также в анкете был предусмотрен вопрос о характере мотивации для тех, кто участвовал в общественной и политической деятельности. На вопрос «Если Вы участвуете (участвовали) в общественной и политической жизни, что Вас к этому побуждает? Укажите до ТРЕХ ответов» ответили 620 человек (57% от общей выборки). В ТОП-5 популярных ответов вошли (рис. 15):

- «Я хотел(-а) помочь людям, которые находятся в трудной ситуации» – 45%;
- «Мне это интересно» – 27%;
- «Я хотел(-а) решить проблему, которая меня волнует, отстаять свои права и интересы» – 27%;
- «Я делал(-а) это за компанию, из солидарности с друзьями, знакомыми» – 16%.
- «Меня попросили люди, которым я не смог(-ла)/не хотел(-а) отказать» – 11%.

Также 12% затруднились с выбором причин собственной мотивации для участия в такой деятельности.

Если Вы участвуете (участвовали) в общественной и политической жизни, что Вас к этому побуждает? Укажите до ТРЕХ ответов (от тех, кто принимал участие в чем-либо - 57% опрошенных)

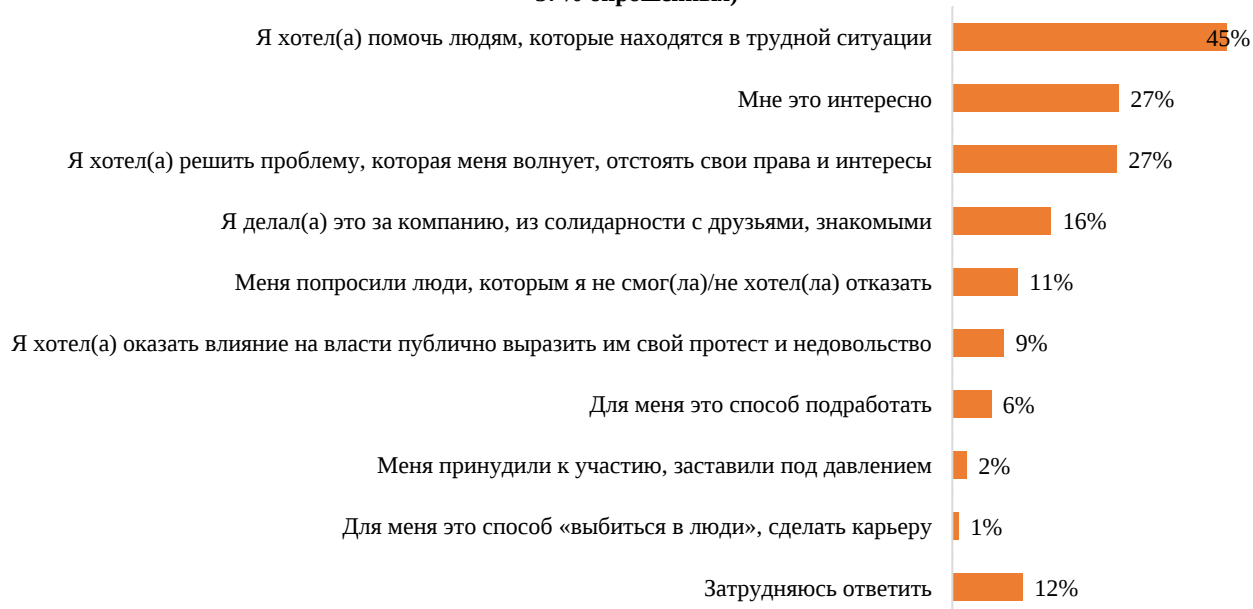

Рисунок 15. Распределение ответов на вопрос о причинах участия в общественной и политической деятельности.

Выводы

В целом для россиян социальная сплоченность одновременно связана как с готовностью к действию (помощь, совместное преодоление трудностей), так и с субъективными понятиями (общность взглядов и установок, единство). Готовность людей к действию чаще выбирают люди «с опытом»: возрастные респонденты и работники социальной сферы.

Большинство опрошенных признает, что для благополучия общества необходимым фактором является сплоченность. Сами россияне оценивают уровень сплоченности в России как высокий.

В качестве факторов, которые объединяют россиян, респонденты чаще всего декларировали общность территории, языка и государственности. Только пятая часть респондентов отметила, что религия является объединяющим фактором. Четверть респондентов назвали себя гражданами России, отвечая на вопрос «Кто я?». Здесь можно отметить расхождение в предложенных определениях сплоченности и самоопределения: «общее государство» выбрали 62%, что существенно превышает данные по самоопределению.

Наиболее важной ценностью для россиян, связанной с макроуровнем, оказалась любовь к Родине, гордость за страну. Топ-4 ценностей относятся к микроуровню, то есть связаны с ближайшим окружением респондентов (семья, близкие), в том числе и материальный достаток.

В целом больше россиян доверяют государственным институтам (43%), друг другу доверяют в 40% случаях. Интересно отметить, что среди доверия общественным институтам люди меньше всего доверяют СМИ (50%), но больше всего доверяют государственным институтам (43%) и правоохранительным органам (38,5%). Это говорит о том, что доверие на микроуровне (помимо семьи и друзей) и доверие негосударственным

образованиям являются факторами, на которые стоит обратить внимание при работе над повышением уровня сплоченности.

Наиболее комфортно россиянам взаимодействовать с людьми другой национальности (57%), другого поколения (43%) и другого вероисповедания (40%). Наименее комфортно россияне себя чувствуют при взаимодействии с людьми с ОВЗ (50%), людьми с другими политическими взглядами (45%) и также людьми другого поколения (38%). Это может говорить о недостатке осведомленности об особенностях взаимодействия с людьми с ОВЗ и других поколений, а также о напряженности во внутриполитической ситуации.

Можно предположить, что общественное настроение в целом относительно уравновешенное, учитывая, что преобладающая эмоция – «спокойствие». Однако, высокий уровень тревоги и грусти среди опрошенных указывает на присутствие значительных степеней стресса и негативных факторов, которые могут влиять на эмоциональное состояние общества.

Интересно отметить, что жители столиц, Москвы и Санкт-Петербурга, демонстрируют более высокие уровни тревоги и грусти по сравнению с другими регионами. Возможно, это связано с интенсивным ритмом жизни, конкуренцией и другими факторами, характерными для крупных городов.

Северо-Кавказский и Южный округа выделяются среди других регионов своими высокими уровнями положительных эмоций, особенно радости. Это может указывать на наличие специфических культурных и социальных факторов, которые способствуют положительному эмоциональному состоянию жителей этих регионов.

Уровень тревоги является фактором, влияющим на социальную солидарность. Факторы, вызывающие тревогу, такие как политическая обстановка и материальное положение, а также возрастные изменения, могут оказывать значительное влияние на общественное сознание и формирование связей и взаимодействия между людьми.

Об участии в общественной и политической деятельности говорят лишь 36% опрошенных. Наименее популярной категорией участия оказалась

политическая и политически-активистская деятельность, в то время как деятельность, направленная на непосредственное воздействие на проблему (уборка, пожертвования), оказалось более популярной среди россиян. Наиболее популярной причиной участия в подобной деятельности оказалось желание помочь, что подтверждает данные о том, что непосредственная помощь является важной для россиян.

Отдельно стоит сказать о том, что вариант «Я делал(-а) это за компанию, из солидарности с друзьями, знакомыми» значительно чаще встречается среди возрастной категории 35-44 года (19,6% от респондентов, кто принимал участие в такой деятельности за последний год, вопрос с множественным выбором ответов). Это может также свидетельствовать о том, что мотивацией к участию в общественной и политической деятельности для респондентов данного возраста не столько личные установки по отношению к предмету деятельности, сколько негативные установки об отказе знакомым и близким, желающим помочь и предлагающим участие в такой деятельности, и в очередной раз показывает, что уровень сплоченности на микроуровне выше, чем на любом другом. В разы чаще в качестве причины участия в общественной и политической деятельности молодые люди возрастной категории 18-24 года декларируют желание оказать влияние на власти публично выразить им свой протест и недовольство (12,3%).

Несмотря на низкую оценку респондентами сплоченности в отношениях с соседями, данные опроса демонстрируют готовность россиян прийти на помощь друг другу людям, объединенных общим местом жительства. В данном случае результаты вопросов о характере отношений с соседями иллюстрируют сплоченность на микроуровне и то, в каких формах она может проявляться в рамках института соседства.

Опрос показывает, что большинство участников считают общество скорее сплоченным: они ожидают взаимопомощи, ощущают достаточно высокий уровень безопасности и верят, что у людей существуют общие ценности. Главным содержанием сплоченности называют готовность помочь

в беде, а объясняют ее прежде всего опытом «трудных времен», объединяющим перед лицом внешних и внутренних вызовов, а также общностью территории и языка. Таким образом, ощущаемое единство зиждется на моральной взаимовыручке плюс символических якорях «родная земля – русский язык – общее государство»; это перекликается с экспертной трактовкой, где помощь была первым признаком сплоченности и язык фигурировал как универсальный маркер национальной идентичности.

В самоопределении доминируют две фигуры – «человек» как универсальное «я» и «гражданин России» как политическая принадлежность; этническая самоидентичность, «русский», значима, но находится ниже. Это соотносится с конструктивистской идеей, что современная национальная идентичность предъявляет себя прежде всего через гражданское членство, а этничность выступает вторичным слоем. Набор ценностей также подтверждает приоритет микрокруга (здоровье, семья, безопасность) и наличие чувства патриотической гордости, особенно у старших респондентов: любовь к стране, хоть и не верхний приоритет, остается одним из макромаркеров, разделяемых большинством.

Уровень доверия к незнакомым согражданам оценивается умеренно, причем молодежь демонстрирует больший скепсис, чем старшие поколения. На горизонтальном уровне доверяют прежде всего семье, затем друзьям и коллегам; на институциональном – государственным структурам и силовым органам. Это подтверждает выводы теорий о переломе между микровзаимностью и недоверием к «обобщенному другому»: базовая солидарность существует, но не автоматом переносится на широкое гражданское поле. Эксперты описывали тот же разрыв между близким кругом и обществом в целом как проблему «теплых» и «холодных» связей; количественные данные фиксируют ее эмпирически.

В блоке социальных взаимодействий респонденты чувствуют наибольшую близость с семьей, поколенческой группой и профессиональным сообществом; соседей и земляков в этот круг включают реже, а гражданское

«мы» обозначают неопределенно. Комфортней всего они относятся к людям иной национальности или веры, но проявляют напряжение при расхождении политических взглядов и во взаимодействии с людьми с инвалидностью. Тем самым этническая граница не выглядит главным препятствием; куда более чувствительна идеологическая, что согласуется с выводами символично-интеракционистов о том, что линии «свой – чужой» подвижны и заново очерчиваются вокруг актуальных конфликтов.

Участие в общественной и политической жизни сводится в основном к конкретным локальным действиям: субботникам, благотворительности, подписанию петиций; массовых коллективных протестов почти нет. Это подтверждает наблюдение конструкторов банального патриотизма: идентичность поддерживается рутинными, неконфликтными практиками, а не зрелищной мобилизацией. Участники, испытывающие чувство единства, включаются в такие формы активности чаще, что перекликается с символично-интеракционистским тезисом о необходимости поведенческого подтверждения идентичности.

Прямых противоречий между опросом, экспертной оценкой и обсужденной теорией немного. Эксперты, размышляя об опасности разобщенности, указывали на хрупкость доверия; опрос показывает все-таки достаточно высокий субъективный уровень помощи и безопасности, хотя горизонтальное доверие остается средним. Теоретические подходы прогнозируют, что без структурного доверия и общего нарратива гражданская идентичность не укрепляется; данные опроса показывают, что общая идея «мы вместе, когда трудно» пока компенсирует дефицит институционального доверия, но отмеченный фон тревоги указывает на потенциальную нестабильность такого баланса.

Если опираться исключительно на количественные результаты, национальная идентичность россиян проявляется через трехслойную конструкцию. На символическом уровне ее задают язык, территория и представление о едином государстве. На ценностном уровне – любовь к

Родине, трансформированная в моральный долг помогать и чувство гордости, что особенно сильны у старших. На поведенческом уровне – готовность участвовать в локальных коллективных действиях и материально поддерживать нуждающихся. Этнический компонент остается значимым, но встроенным в более широкую гражданскую рамку: идентичность «русского» возникает как вторая, после статуса гражданина, и не превращается в барьер для контакта с другими этносами, тогда как политическое расхождение – более жесткая граница.

2.2.2. Образ русских в российском медиапространстве: контент-анализ визуальных художественных медиа среди молодежной группы

Праздничная телесетка, выстроенная вокруг фильмов о военных победах, концертов из канонического репертуара и документальных хроник «решающих моментов истории», превращает национальный телеконтент в ритуал синхронного коллективного потребления. Когда миллионы зрителей осознанно или спонтанно включают одни и те же символические тексты, возникает эффект временного единого пространства опыта: частная гостиная становится точкой подключения к общей «национальной сцене», а смена кадров на экране – маркером принадлежности к общему ходу памяти и эмоций. Именно эта синхронизация эмоциональных реакций и служит проявлением «сбора вокруг флага».

Унифицированный тематический фокус праздника задает границу допустимой интерпретации прошлого и настоящего, ограждая коллектив от конкурентных нарративов и тем самым снижая когнитивный диссонанс внутри аудитории. Одновременно происходит реперформатирование индивидуального времени: привычная повседневность уступает место календарному «особому дню», наполненному заранее заданными патриотическими интонациями. Трансляция памятных салютов, президентских посланий или «минут молчания» не просто информирует, а

нормативно формулирует, где, когда и как следует переживать общность, превращая участие в просмотре в индикатор лояльности и эмоциональной сопричастности. Таким образом, сам факт программной концентрации патриотического контента в праздничные сутки производит тот самый агрегирующий эффект, который в политической психологии описывается как «rally-round-the-flag»: визуальный и звуковой ряд выступают медиатором краткосрочного всплеска солидарности, временно нивелирующего социальные разрывы и структурные конфликты.

Национальный образ, фиксируемый в кинематографе, выполняет функцию коллективной автобиографии: экран синтезирует визуальные символы территории, исторические сюжеты и привычные типажи в единую эмоционально насыщенную историю, задавая зрителю интуитивный «каркас принадлежности». Кино обладает двойной силой репрезентации. С одной стороны, оно конструирует нормативную модель того, что считать «своим» пейзажем, характером, героическим прошлым и приемлемым будущим; с другой – распределяет эту модель массово, благодаря тиражу прокатных и цифровых копий. Иными словами, кино превращает абстрактные категории нации в пережитый опыт, который зритель привязывает к собственной биографии, тем самым делая национальные маркеры повседневно значимыми.

Национальный образ, художественно воспроизводимый в сериалах, оказывается важным потому, что именно в сериальном формате восприятие культурного кода распределено во времени и встроено в эмпатическую вовлеченность зрителя в судьбы персонажей. При длительном просмотре модель повседневности, ментальные картины истории и репертуар социально приемлемых ролей усваиваются не в режиме декларации, а через эмоциональное соучастие, что повышает их устойчивость и снижает порог критической дистанции. В отличие от одноразовых медийных событий, сериал создает кумулятивный эффект: повторяемая визуально-нарративная конструкция «нормальной жизни» включает знаки языка, пространства, стиля поведения, тем самым естественно национализируя даже нейтральные

сюжеты. Через такую психологическую механику сериал становится мягким регулятором содержательной наполненности национальной идентичности, задавая, какие символы считаются «своими», какие конфликты – значимыми, какие достижения – поводом для коллективной гордости.

Молодежная аудитория в возрастном промежутке от восемнадцати до тридцати пяти лет представляет стратегический сегмент распространения этих образов по нескольким причинам. Во-первых, именно на этом этапе завершается кристаллизация взрослой идентичности, и потому символические схемы, усвоенные в медиапространстве, приобретают статус долгосрочных когнитивных опор. Во-вторых, данная когорта демонстрирует максимальную медиапластичность: она активно переключается между телевизионным, стриминговым и мобильным просмотром, формируя эффект сетевого мультипликатора, когда апробированные смыслы быстро циркулируют в онлайн-сообществах, мемах и пользовательском контенте. В-третьих, молодые зрители одновременно являются ключевым рынком труда и электоральным резервом ближайших десятилетий; закрепленные в сериалах образы нации трансформируются для них в ориентиры карьерного и гражданского поведения. Наконец, у группы 18–35 лет наиболее выражен запрос на самоидентификацию в глобализированном пространстве, а потому национальный нарратив, встроенный в популярные сериалы, выступает конкурентом альтернативных транснациональных лояльностей. Специфика этой аудитории заключается в одновременной критичности и эмоциональной восприимчивости: способность оценивать медийные тексты аналитически не отменяет силы эмпатического влияния, особенно когда сюжет конструирует привлекательный образ будущего с узнаваемыми культурно-национальными маркерами.

Объект: медиа-представления с пиковой просматриваемостью в праздничные и нейтральные дни.

Предмет: транслируемый образ русского человека.

Цель: сравнить транслируемый образ русского человека с маркерами, выделенными в массовом опросе.

Карточка контент-анализа

Название телепрограммы	Время показа элемента	Тип представления (аудио, видео, фоновое)	Скриншот представления (кадр, субтитры)	Текстовое описание представления	Дополнительно	Дата показа	Тип дня показа

Заполненные карточки находятся в Приложении 4.

На основании данных Mediascope за 2024 год группа 18-34 в основном смотрит сериалы, кино и развлекательные телепередачи²²⁵. Были взяты две «праздничные» недели и одна рабочая. Неделя, в которую попало 9 мая в 2024 году, – для «патриотической» крайности, и неделя нового года 2024-2025, для «нейтральной» крайности. Была выбрана самая популярная программа художественно-развлекательной направленности в каждом временном отрезке на ТВ и на платформе Кинопоиск. Фиксировались элементы аудио-представлений (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение) и визуальных представлений (элементы видео и статичного фона).

Выводы

В будничной сетке доминируют сериалы о криминальной повседневности и маргинализированном социальном опыте; тональность

²²⁵ Телепросмотр 2024 // Mediascope URL: https://mediascope.net/upload/iblock/7fc/rdml9ou4j752f9ffwn59outtj5ospte3/Telefamily%20days_Mediascope.pdf

преобладающих сцен чаще отрицательная, а русская идентичность задается через бытовые конфликты, уязвимость и моральную амбивалентность. В новогодней сетке выборка смещается к комедийно-ностальгическим ремейкам позднесоветических сюжетов, однако эмоциональная палитра остается преимущественно негативной: празднику сопутствуют образы нелепости и бытового цинизма, что закрепляет представление о «своих» как о коллективе, которому свойственны самоирония и терпимость к несовершенству. Патриотическая сетка аккумулирует наибольшую долю нейтральных и позитивных эпизодов: военные драмы и детективы о государственных службах формируют рамку героического профессионализма, в которой русская принадлежность конструируется через этику долга и жертвенности; отрицательные характеристики остаются значимыми, но выступают контрастным фоном, подчеркивающим подвиг.

Тональная структура выборки показывает радикальное смещение от повседневной драматизации внутренних конфликтов к праздничной героизации и ироничной самоинсценировке. В будничные сутки преобладают описания эмоционально тяжелых или амбивалентных ситуаций, фиксирующих бытовое насилие, экономическую неустойчивость и моральную неоднозначность персонажей; для русской идентичности здесь задается образ сообщества, живущего в состоянии перманентного напряжения и вынужденного искать смыслы в личной стойкости, а не в коллективных символах. Новогодний поток контента, напротив, насыщен мотивами ностальгического юмора и легкой сатиры: комментарии и синопсисы подчеркивают абсурдность жизненных коллизий, но неизменно завершают их примиряющим семейным консенсусом, создавая модель мягкой самоиронии как черты «нашего» характера. Победный день концентрирует описания, в которых ключевой эмоциональный маркер – благородная скорбь, а композиционная развязка – жертвенный подвиг; такая героическая сетка формирует эталон русской солидарности, выстроенной вокруг долга, дисциплины и памяти о коллективном страдании.

Экранный репертуар складывается в три эмоционально-сюжетные модели, которые молодые взрослые неизбежно привязывают к собственному опыту, потому что именно в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет завершается стабилизация базовых национальных представлений. Будничные криминально-социальные истории закрепляют у зрителя ощущение, что «быть русским» – значит повседневно сталкиваться с неопределенностью и решать моральные дилеммы без надежды на институциональное плечо; этот образ валидирует стратегию индивидуальной выживаемости и развивает скептический, но солидарный взгляд на окружающих. Новогодняя ироническая ностальгия превращает тот же социальный материал в ресурс позитивного самопринятия: высмеивание собственных слабостей подталкивает к мысли, что национальная общность строится не на образцах успеха, а на коллективном согласии относиться к несовершенству снисходительно и поддерживать друг друга смехом. Праздничный военный контент, напротив, переключает тональность на серьезную и предлагает строгий канон героической принадлежности – служение, самопожертвование, историческая миссия.

Такое наложение когнитивных и аффективных кодов особенно эффективно для группы 18–35 лет, поскольку ее медиапотребление мультиплатформенно: единая телевизионная сетка дополняется стриминговыми сервисами, репостами в социальные сети и мемами. Повторяющиеся сюжетные конструкции быстро циркулируют в цифровых сообществах, где молодые пользователи закрепляют их через обыгрывание и ремикс, одновременно обновляя содержание национальных маркеров под актуальные культурные стили. В результате героический патриотизм насыщается ироничными отсылками, а бытовой цинизм получает легитимацию через идею стойкости – две стратегии, каждая из которых остается читаемой как «по-русски». Следовательно, медиа предоставляют не жесткую нормативную модель, а гибкую матрицу: она позволяет молодому поколению интегрировать глобальные ценности автономии и самовыражения

в локальный нарратив, не отказываясь от коллективных символов. Такой эффект усиливается календарной ритмикой показа: регулярное чередование будничного, праздничного и героического контента нормализует их сосуществование, выводя из конкуренции к статусу взаимодополняющих регистров национальной самоописания.

Изъян исследовательской конструкции состоит в том, что популярность конкретного произведения в конкретный день не воспроизводит реальный жанровый баланс, а значит, найденные тональные доминанты отражают прежде всего программную политику каналов и социальное ожидание от календарного контекста. При следующем контент-анализе необходимо фиксировать не только частотность показов, но и совокупную аудиторию каждой позиции, чтобы отделить эффект программного выбора от зрительского спроса. Важно контролировать репрезентативность русского образа через соотношение экранного времени персонажей разных этносов и проверить, усиливает ли преобладание «своих» героев эффект эмоционального сближения со зрителем или же это компенсируется негативной окраской повседневных сюжетов.

2.2.3. Национально-этническая самооценка: сравнение результатов фокус-групп в национальной республике и многонациональной столице

Объект: студенты Уфы и Москвы.

Предмет: социальные идентичности студентов.

Цель: определить национальные и этнические самооценки студентов, а также маркеры их проявлений.

Фокус-группа в Москве

Дата и место проведения фокус-группы: 26 ноября 2022 г., г. Москва, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН).

Число участников фокус-группы – 12 человек.

Состав участников фокус-группы: сбалансирован по полу (участие в беседе приняли 7 девушек, 5 юношей), в составе группы представлены студенты очной формы обучения, из них 6 студентов учатся на 1 курсе, 1 студент – на 3 курсе и 5 студентов – на 4 курсе обучения. Все участники фокус-группы обучаются по гуманитарным направлениям подготовки в образовательных организациях высшего образования г. Москвы (5 – студенты специализации социально-правовая экспертиза (ГАУГН), 1 – студент специализации археология (ГАУГН), 1 – искусствоведение (РУДН), 1 – перевод и переводоведение (РУДН), 1 – лингвистика (МГУ), 1 – дошкольное образование и иностранный язык (МПГУ), 2 студентов обучаются по специализации зарубежное регионоведение).

Участники фокус-группы:

№ п/п	Характеристики участников	Обозначение в тексте отчета
1.	1 курс обучения, направление подготовки Социально-правовая экспертиза (ГАУГН), в свободное время – компьютерные игры, ранее увлекался футболом (в школе до 10 класса, бросил из-за подготовки к ЕГЭ)	(С.1, муж., 1 курс)
2.	1 курс обучения, направление подготовки Социально-правовая экспертиза (ГАУГН), в свободное время – чтение, в последнее время увлекается волейболом, ранее – шахматами	(С.2, муж., 1 курс)
3.	1 курс обучения, направление подготовки Социально-правовая экспертиза (ГАУГН), в свободное время – игра на гитаре, пение, написание песен, ранее – подготовка исследовательских работ (в школе, бросила из-за подготовки к ЕГЭ)	(С.3, жен., 1 курс)
4.	1 курс обучения, направление подготовки Социально-	(С.4, жен., 1

№ п/п	Характеристики участников	Обозначение в тексте отчета
	правовая экспертиза (ГАУГН), в свободное время – чтение, просмотр фильмов, ранее – плавание, волейбол (в школе, до 11 класса, бросила из-за подготовки к ЕГЭ)	курс)
5.	1 курс обучения, направление подготовки Социально- правовая экспертиза (ГАУГН), нет увлечений, в свободное время любит гулять, посещать интересные для нее места	(С.5, жен., 1 курс)
6.	1 курс обучения, направление подготовки Археология (ГАУГН), в свободное время – чтение, просмотр фильмов	(С.6, жен., 1 курс)
7.	4 курс обучения, направление подготовки Искусствоведение (РУДН), в свободное время увлекается искусством, историей и религией, <u>работает</u> экскурсоводом на 2 работах, проходит стажировку по профилю обучения	(С.7, муж., 4 курс)
8.	4 курс обучения, направление подготовки Перевод и переводоведение (РУДН), в свободное время увлекается языками, лингвистикой; участвует в воспитании младшей сестры	(С.8, жен., 4 курс)
9.	4 курс обучения, направление подготовки Лингвистика (МГУ), в свободное время – волейбол, занятия художественной татуировкой	(С.9, жен., 4 курс)
10.	3 курс обучения, направление подготовки	(С.10, жен., 3

№ п/п	Характеристики участников	Обозначение в тексте отчета
	Дошкольное образование и иностранный язык (МПУ), в свободное время углубленно изучает педагогику, занимается рукоделием	курс)
11.	4 курс обучения, направление подготовки зарубежное регионоведение, считает, что не имеет стабильных увлечений, но в свободное время слушает музыку, смотрит клипы и короткометражные фильмы	(С.11, муж., 4 курс)
12.	4 курс обучения, направление подготовки зарубежное регионоведение, является зам. председателя научного студенческого общества, в своем вузе возглавляет студенческий научный журнал в свободное время увлекается философией и методологией науки	(С.12, муж., 4 курс)

Фокус-группа в Уфе

Дата и место проведения фокус-группы: 6 декабря 2022 г., г. Уфа, Уфимский университет науки и технологий.

Число участников фокус-группы – 12 человек.

Состав участников фокус-группы: сбалансирован по полу (участие в беседе приняли 7 девушек, 5 юношей), в составе группы представлены студенты очной формы обучения, из них 6 студентов учатся на 1 курсе, 6 студентов – на 4 курсе обучения. Состав участников фокус-группы был сбалансирован по специализации их обучения и направлениям подготовки в

Уфимском университете науки и технологий: 4 студентов обучались по технической специализации (стандартизация и метрология, материаловедение и технологии материалов, по 2 студентов обучались по специализации химия, физика и механика материалов (Инженерный факультет УУНиТ), 4 – по гуманитарным специализациям (по 2 студентов обучались по специализациям реклама и связи с общественностью и социология (Факультет философии и социологии, УУНиТ), 4 студентов обучались по естественнонаучной специализации (биология, биотехнология, экология и природопользование, 2 студентов – по специализации экология и природопользование (Биологический факультет, УУНиТ).

Участники фокус-группы:

№ п/п	Характеристики участников	Обозначение в тексте отчета
1.	4 курс обучения, направление подготовки экология и природопользование, Биологический факультет, Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ).	(С.1, жен., 4 курс)
2.	4 курс обучения, направление подготовки биология, Биологический факультет, (УУНиТ).	(С.2, жен., 4 курс)
3.	1 курс обучения, направление подготовки стандартизация и метрология, Инженерный факультет (УУНиТ).	(С.3, жен., 1 курс)
4.	1 курс обучения, направление подготовки материаловедение и технологии материалов, Инженерный факультет (УУНиТ).	(С.4, муж., 1 курс)
5.	4 курс обучения, направление подготовки химия, физика и механика материалов, Инженерный факультет (УУНиТ).	(С.5, жен., 4 курс)
6.	4 курс обучения, направление подготовки химия,	(С.6, муж., 4

	физика и механика материалов, Инженерный факультет (УУНиТ).	курс)
7.	1 курс обучения, направление подготовки экология и природопользование, Биологический факультет (УУНиТ).	(С.7, жен., 1 курс)
8.	1 курс обучения, направление подготовки биотехнология, биологический факультет (УУНиТ).	(С.8, жен., 1 курс)
9.	4 курс обучения, направление подготовки реклама и связи с общественностью, Факультет философии и социологии (УУНиТ).	(С.9, муж., 4 курс)
10.	4 курс обучения, направление подготовки реклама и связи с общественностью, Факультет философии и социологии (УУНиТ).	(С.10, муж., 4 курс)
11.	1 курс обучения, направление подготовки социология, Факультет философии и социологии (УУНиТ).	(С.11, муж., 1 курс)
12.	1 курс обучения, направление подготовки социология, Факультет философии и социологии (УУНиТ).	(С.12, жен., 1 курс)

Сравнительный анализ студенческих фокус-групп показывает, что национальная идентичность и представления о сплоченности возникают как взаимно задающие параметры, но их конфигурация зависит от локального культурно-институционального контекста. Для участников из Уфы принадлежность осмысливается прежде всего через инклюзивную гражданско-культурную схему: паспорт, русский язык, знание общей истории выступают достаточными маркерами «своих», тогда как этническая разнородность региона воспринимается как привычное состояние, не требующее защитного эмоционального усилия.

Считаю себя русским, так как говорю на русском языке, я знаю историю России, культуру знаю (С.6, муж., 4 курс).

Считаю, что люди, которые живут на территории России, так или иначе русские, потому что менталитет один (С.10, муж., 4 курс).

Отсюда образ коллективного единства оформляется как потенциальная готовность к кооперации, но без острой потребности в специальных институтах ее материализации; горизонтальные связи существуют, пока не нужны формальные механизмы их поддержания.

В московской группе идентичность проявляется в более аффективной и эксклюзивной форме. Признание себя «русскими» связано с переживанием культурной границы, которую участники склонны укреплять селективным кругом общения и тематизацией «ментального» различия. Этот эмоциональный компонент повышает мотивацию к организованному взаимодействию внутри однородных сетей: волонтерские проекты, университетские клубы и благотворительные кампании становятся институциональными оболочками, где национальная принадлежность испытывается и подтверждается через совместную деятельность. Тем самым здесь сплоченность не просто потенциальный ресурс, а нормативный ориентир, требующий регулярного подтверждения в практике.

...Я тоже чувствую свою [национальную] идентичность, свою принадлежность очень ярко. Я замечаю часто, что в каких-то бытовых вопросах я какие-то оправдания себе даю тем, что «ну это потому, что я русская». ‘...’ И вот по отношению к своей национальности, своему народу я очень сильную идентичность ощущаю, да, это правда (С.8, жен., 4 курс).

Совокупность данных позволяет сделать два концептуальных вывода о связи сплоченности и идентичности. Во-первых, эмоционально насыщенная, но границе-подчеркивающая идентичность стимулирует активный поиск формализованных каналов коллективного действия; инклюзивная, сдержанно когнитивная идентичность поддерживает высокий уровень межличностного доверия, но снижает потребность в институционализации кооперации. Во-вторых, обе модели демонстрируют ограниченную трансляцию гражданской солидарности: включенность в общенациональное «мы» не гарантирует

расширения радиуса доверия за пределы знакомых сетей, а создает либо потенциальную, либо институционально опосредованную форму взаимодействия.

Сравнивая эти признаки с ранее выделенными маркерами национальной идентичности, видно, что базой сплоченности в обоих кейсах остаются язык, общая история, символы гражданства и моральная обязанность помочь своим. Тем не менее столичные участники насыщают те же признаки эксклюзивным чувством «ядра» и стремятся институционально закрепить группу, тогда как участники из республики рассматривают их как инклюзивный минимум, не требующий защиты. Для этнической идентичности уфимские студенты упоминают ситуативные семейно-культурные атрибуты (праздник, диалект), но не соотносят их со статусными ресурсами, тогда как москвичи интерпретируют «русскость» как главное основание самоописания и предъявляют к нерусским соседям ожидание ассимиляции — это демонстрирует, что один и тот же набор этнокультурных маркеров может функционировать либо как фон, либо как жесткая граница.

Этническая самоидентификация уфимских студентов проявляется ситуативно. Они упоминают свои этнонимы главным образом в частных культурных практиках – семейных праздниках, диалектной речи – не связывая их с ресурсами публичного статуса. Взаимные стереотипы называют «бытовыми» и не поднимают их до политического уровня; напряженность возникает не по линии «этнос–этнос», а по линии доступности экономических возможностей и качества городской среды. У московских студентов этничность артикулируется гораздо резче. Русская принадлежность часто описывается как «ядро» идентичности, тогда как нерусские соседи попадают в категорию внешних, требующих усилия ассимиляции. Отдельные реплики о «ментальной несовместимости» иллюстрируют барьер в межэтническом общении, который пролегает даже внутри формально единой студенческой среды мегаполиса. Тем не менее этническое различие здесь не препятствует

участию в общегородских проектах, если последние маркированы как социально полезные и ценностно нейтральные.

Прямых противоречий с экспертными оценками и методологическими выводами нет: и количественные данные, и экспертные интервью указывали, что язык, государственные символы и общее прошлое задают базу принадлежности, но выраженность границ зависит от контекста. Студенческие группы лишь уточняют картину: в условиях полиэтничной республики тот же набор маркеров работает инклюзивно, а в мегаполисе – дифференцирующе. Это подтверждает конструктивистский тезис о ситуативности идентичности и символично-интеракционистскую идею о том, что одни и те же культурные признаки обретают разное значение в зависимости от того, кто и в какой обстановке их актуализирует.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной России вопрос о том, как совмещаются гражданская и этническая принадлежность, остается не только предметом научной полемики, но и стратегическим вызовом для политики многонационального государства; без ясной картины того, каким образом русские россияне распределяют лояльности между «гражданским» и «этнокультурным», невозможно корректно оценивать риски дезинтеграции и разрабатывать программы укрепления единства.

Теоретическая часть диссертации показала, что трактовка национально-этнической идентичности эволюционировала от эссенциалистского понимания кровного родства к конструктивистским и интеракционистским моделям, где решающую роль играют символические границы, дискурсивные практики и институциональные классификации. На этой базе предложено рабочее определение национально-этнической идентичности как многоуровневой конструкции, соединяющей гражданско-политический контур и этнокультурное ядро.

На стыке этих рамок формулируется рабочее определение национально-этнической идентичности как многоуровневой конструкции, сочетающей гражданско-политический контур и этнокультурное ядро. Гражданскую компоненту задает принадлежность к суверенному государству и признание универсальных правовых норм; этническую – язык, историко-культурная память и символические представления о происхождении. В современной России именно гибридное соединение этих слоев обеспечивает устойчивость больших коллективов, позволяя удерживать баланс между открытой культурной динамикой и потребностью в символическом постоянстве.

Эмпирическая программа была реализована через сочетание всероссийского опроса, экспертных фокус-групп, контент-анализа и сравнительных фокус-групп. Опросы выявили высокий декларируемый уровень сплоченности, основанный прежде всего на моральной

взаимопомощи и символах общегражданской принадлежности, при этом этническая самоатрибуция остается значимой, но не конфликтует с гражданской. Контент-анализ визуального медиапространства продемонстрировал, что образ «русского» в молодежных медиа колеблется между традиционалистскими и модернистскими паттернами, что порождает амбивалентность самоописания. Фокус-группы в национальной республике и столице подтвердили, что в регионах с сильной этнокультурной средой этничность служит фоном для повседневной идентификации, тогда как в мегаполисе эмоциональная «русскость» выступает инструментом символического разграничения, но оба контекста сходятся в признании гражданской рамки как базовой.

Практическая интерпретация результатов показывает, что укрепление гражданской идентичности может быть эффективно лишь при признании легитимности этнокультурных различий. Собранные данные пригодны для мониторинга динамики межэтнических отношений, разработки образовательных модулей по гражданскому воспитанию и оценки медиаконтента на предмет ксенофобных коннотаций.

Главный научный вклад диссертации заключается в создании классификационной схемы маркеров национально-этнической идентичности и методологической триангуляции, объединяющей количественные опросы, качественный анализ и медийную аналитику. Предложенная классификационная схема маркеров укладывается в три уровня: когнитивный – знание и образ общности, аффективный – эмоциональная оценка и чувство гордости или дистанции, поведенческий – готовность действовать в интересах группы и дистанция по отношению к «чужим». В рамках каждого уровня предложены уточненные вопросы для массовых опросов, примеры задач для фокус-групп, а также чек-лист для контент-анализа визуальных материалов. Практическая апробация схемы показала ее гибкость: она одинаково применима и в количественной, и в качественной логике, а результаты трех разноплановых проектов удалось сопоставить внутри единой матрицы.

Полученные результаты демонстрируют, что национально-этническая идентичность русских россиян сегодня проявляется как мягкая, но устойчиво двуслойная конструкция. Она использует гражданскую оболочку для легитимации широкой сплоченности и этнокультурный слой для эмоционального самоукрепления, особенно в периоды неопределенности. Практика измерения идентичности должна отказаться от поиска однозначного «центра» и перейти к динамическому анализу способов, которыми люди ежедневно конструируют и подтверждают свои принадлежности, оставляя место для их пересечения и взаимного усиления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Монографии, книги (на русском языке)

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. Под общей редакцией д. филос. н. В. П. Култыгина. — М.: Серебряные нити, 2001. — 416 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — 1995. — 124 с.
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. // М.: 1983. 418 с.
5. Брубейкер Р. Этничность без групп /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.
6. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. — М.: Прогресс, 1991. — 320 с.
7. Дробижева Л. М., Арутюнян Ю. В. Многообразие культурной жизни народов СССР. — 1987. — 303 с.
8. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; переводчик А. Н. Ильинский ; под редакцией В. А. Базарова. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 316 с.
9. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. — М.: Издательство «Европа». — 2005. — 544 с.
10. Королев К. М. Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре. — Нестор-История, 2020. — 376 с.
11. Леви-Стросс К. Структурная антропология. — DirectMEDIA, 1983. — 399 с.
12. Паин Э. А. Между империей и нацией //Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М. — 2003. — 801 с.

13. Тишков В. А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021. – 416 с.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Identity: Youth and Crisis : перевод с английского : учебное пособие : пер. с англ. / Э. Эриксон. – 2-е издание. – Москва : Флинта : Прогресс : Московский психолого-социальный институт, 2006. – 352 с.
15. Этнография: Учебник / Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. – М.: Высш. школа, 1982. – 320 с.
16. Широкогоров С. М. Психоментальный комплекс тунгусов //London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co. – 1935.

Монографии, книги (на английском языке)

17. Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. – Verso books, 2006.- 240 p.
18. Anderson D. G., Arzyutov D. V., Alymov S. S. Life histories of ethnos theory in Russia and beyond. – Open Book Publishers, 2019. – 448 p.
19. Ashmore R. D., Jussim L. J., Wilder D. (ed.). Social identity, intergroup conflict, and conflict reduction. – Oxford University Press, 2001. – Vol. 3. – 283 p.
20. Bales R. F., Parsons T. Family: Socialization and interaction process. – Routledge, 2014. – 440 p.
21. Beck U., Willms J. Conversations with Ulrich Beck. – John Wiley & Sons, 2014. – 240 p.
22. Berger Peter L., Luckmann T. The social construction of reality //A Treatise in the Sociology of Knowledge. – 1966. – 240 p.
23. Billig M. Banal nationalism // Sage Publications. – 1995. – 208 p.
24. Bourdieu P. Language and symbolic power. – Harvard University Press, 1991. – 320 p.
25. Bourdieu P. The logic of practice. – Stanford university press, 1990. – 340 p.
26. Connor W. Ethnonationalism: The quest for understanding. – 2018. – 248 p.

27. *Cooley C.H.* Human Nature and the Social Order. // New York: Charles Scribner's Sons, 1922. – 460 p.
28. *Cubitt G. (ed.).* Imagining nations. – Manchester University Press, 1998. – 260 p.
29. *Edensor T.* National identity, popular culture and everyday life. – Routledge, 2020. – 224 p.
30. *Eriksen T. H.* Common denominators: Ethnicity, nation-building and compromise in Mauritius. – Routledge, 2020. – 224 p.
31. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. – Cambridge, 1991. – 256 p.
32. *Giddens A., Pierson C.* Conversations with Anthony Giddens: Making sense of modernity. – Stanford University Press, 1998. – 244 p.
33. *Gellner E.* Nations and nationalism. – Cornell University Press, 2008.- 152 p.
34. *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. // Monograph, 1959 – 259 p.
35. *Grabb E. G.* Theories of Social Inequality: Classical and Contemporary Perspectives. – Holt, Rinehart and Winston of Canada, 1990. – 260 p.
36. *Habermas J.* Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy. – John Wiley & Sons, 2015. – 674 p.
37. *Habermas J.* Inclusion of the other: Studies in political theory. – John Wiley & Sons, 2018. – p. 348
38. *Hobsbawm E., Ranger T. (ed.).* The invention of tradition. – Cambridge University Press, 2012. – 320 p.
39. *Hutchinson J. et al.* Dynamics of cultural nationalism: The Gaelic revival and the creation of the Irish nation state. – Routledge, 2012. – 353 p.
40. *Hutchinson J.* Modern nationalism. – Fontana Press, 1994. – 223 p.
41. *Hutchinson J., Guibernau M.* Understanding nationalism. – Polity Press, 2001. – 304 p.
42. *Jenkins R.* Social identity. – Routledge, 2014. – 264 p.

43. *Jones R.* Violent borders: Refugees and the right to move. – Verso Books, 2016. – 224 p.
44. *Kohn H.* The idea of nationalism: A study in its origins and background. – Routledge, 2017. – 800 p.
45. *Levine J. M., Hogg M. A. (ed.).* Encyclopedia of group processes and intergroup relations. – Sage, 2010. – Vol.1. 798 p.
46. *Mead G. H.* Mind, self & society. – University of Chicago press, 2015. – 536 p.
47. *Paterson L., Bechhofer F., McCrone D.* Living in Scotland: social and economic change since 1980. – Edinburgh University Press, 2019. – 236 p.
48. *Smith A. D.* National Identity. Reno //University of Nevada Press. – 1991. – Т. 19. – 226 p.
49. *Smith A. D., Smith A.* Nationalism and modernism. – Routledge, 2013. – 288 p.
50. *Tajfel H. E.* Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. – Academic Press, 1978. – 474 p.
51. *Vlastos S. (ed.).* Mirror of modernity: invented traditions of modern Japan. – University of California Press, 1998. – 328 p.

Научные статьи (на русском языке)

52. *Арутюнова Е. М.* Анализ представлений о русском языке в российской идентичности: экспертный дискурс //Социологическая наука и социальная практика. – 2022. – Т.10. – №. 1 (37). – С. 95-109.
53. *Арутюнова Е. М.* Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика //Россия реформирующаяся. – 2017. – №. 15. – С. 259-272.
54. *Арутюнова Е. М.* Идентичности и этнические установки молодежи Башкортостана //Панорама Евразии. – 2012. – №. 2. – С. 39-48.

55. Арутюнова Е. М. Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст //Социологическая наука и социальная практика. – 2021. – Т.9. – №. 1 (33). – С. 111-123.
56. Арутюнова Е. М. Языковые аспекты в идентичностях: массовые представления и некоторые проблемы //Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. – 2021. – №. 1. – С. 25-31.
57. Ачкасов В. А. Национальная идентичность как исторический нарратив //Управленческое консультирование. – 2018. – №. 10 (118). – С. 19-26.
58. Ачкасов В. А. Политика идентичности в современном мире //Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2013. – №. 4. – С. 71-77.
59. Ачкасов В. А. Роль» исторической политики» в формировании российской идентичности //Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т.18. – №. 2. – С. 181-192.
60. Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора //Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т.2. – №. 1. – С. 48-58.
61. Бараш Р. Э. Историческая память как ценностное основание гражданской идентичности российского общества 2020-х гг //Социум и власть. – 2024. – №. 4 (102). – С. 116-132.
62. Бараш Р. Э. Фигура «Другого» как значимая составляющая Российской/русской идентичности //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – №. 1 (107). – С. 90-99.
63. Бараш Р. Э., Петухов Р. В. Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу» //Вестник Института социологии. – 2023. – Т.14. – №. 4. – С. 147-175.
64. Гранин Ю. Д. Р. Брубейкер. Этничность без групп //Вопросы философии. – 2013. – №. 9. – С. 185-189.

65. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде //Социологические исследования. – 2010. – №. 12. – С. 49-58.
66. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости //Россия реформирующаяся. – 2008. – №. 7. – С. 214-227.
67. Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения //Социологические исследования. – 2020. – №. 8. – С. 37-50.
68. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении //Вестник российской нации. – 2021. – №. 1-2. – С. 39-52.
69. Дубин Б. В. Традиция, культура, игра в социологии Юрия Левады //Общественные науки и современность. – 2007. – №. 6. – С. 31-38.
70. Здравомыслов А. Г., Цуциев А. А. Этничность в постсоветском пространстве: соперничество теоретических парадигм // Вестник Института цивилизации. – 2001. – № 4. – С. 125-154.
71. Клаус Г. Советский человек. История одного собирательного понятия //Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2018. – №. 1-2 (126). – С. 58-79.
72. Козлова Н. Н. Методология анализа человеческих документов //Социологические исследования. – 2004. – №. 1. – С. 14-26.
73. Королев К. М. Back to the USSR, или игры квази-исторического воображения: представления о позднесоветском детстве в современной российской массовой культуре //Детские чтения. – 2023. – Т.24. – №. 2. – С. 336-364.
74. Левада Ю. «Человек советский» десять лет спустя: 1989-1999 (предварительные итоги сравнительного исследования) //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – №. 3. – С. 7-15.

75. *Лепинская В. О.* ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭТНОСА В РАБОТАХ Л. ГУМИЛЕВА //Апробация. – 2015. – №. 1. – С. 35-36.
76. *Народы мира : Ист.-этногр. справ. / [Ин-т этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая] ; Гл. ред. Ю. В. Бромлей.* - М. : Сов. энцикл., 1988. - 624 с.
77. *Окольская Л. А.* Социализация с точки зрения социального конструктивизма и теорий социального воспроизводства //Вопросы воспитания. – 2010. – №. 1. – С.2.
78. *Паин Э.А.* Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2016. – №1-2 (122). – С. 126-139.
79. *Петухов В. В., Барац Р. Э.* Русские и» Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение //Полис. Политические исследования. – 2014. – №. 6. – С. 83-101.
80. *Полюшкевич О. А.* «Свои» и «чужие»: социокультурные маркеры //Дискуссия. – 2011. – №. 5. – С. 84-89.
81. *Попова И.* Социологический подход к исследованию легитимности и легитимации //Социология: теория, методы, маркетинг. – 2001. – № 3. – С. 21–41.
82. *Рубанов А. В.* Социальный порядок: традиции и современные подходы к изучению //Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2017. – №. 1. – С. 45-56.
83. *Рыбаков С. Е.* К вопросу об этническом феномене //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – №. 2 (108). – С. 147-156.
84. *Рэдклифф-Браун А. Р.* Структура и функция в примитивном обществе. – 2001. – 304 с.
85. *Семененко И. С.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 11. – С. 91-102.

86. Сикевич З. В. К феномену национальной идентичности // Конференция: XVII Ковалевские чтения Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. – С. 362-364.
87. Сикевич З. В. Этническая идентичность русских и чеченцев в контексте исторической памяти (сравнительный анализ) //Власть. – 2017. – №. 2. – С. 122-129.
88. Сикевич З. В. Этнические предубеждения как основа проявления интолерантности //Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т.7. – №. 2. – С. 36-53.
89. Сикевич З. В., Поссель Ю. А. Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ) //Социологический журнал. – 2019. – №. 1. – С. 121-136.
90. Сикевич З. В., Скворцов Н. Г. Соотношение национальной и этнической идентичности молодежи (на примере Санкт-Петербурга) //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т.20. – №. 2. – С. 277-291.
91. Тишков В. А. От этноса к этничности и после //Этнографическое обозрение. – 2016. – №. 5. – С. 5-22.
92. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т.6, № 4. – С. 141-142.
93. Трофимов С. В. Эмиль Дюркгейм о роли религии в общественной жизни. Обоснование выбора элементарной религии //Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2019. – Т.25. – №. 3. – С. 173-197.
94. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Концептуализация социокультурных аспектов формирования идентичности современной молодежи в рамках теории идеологии //Управление устойчивым развитием. – 2015. – №. 1. – С. 39-44.

95. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Региональные особенности гражданской идентификации в Республике Татарстан: опыт социологического исследования //Управление устойчивым развитием. – 2019. – №. 1. – С. 48-54.
96. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Социокультурные основания множественной идентичности социальных групп молодежи в современных обществах: концептуализация и проблема измерений //Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – №. 4. – С. 338-341.
97. Тупикова, В. А. , Гудкова Я. А. Сплоченность в России: теоретические аспекты и экспертная оценка // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы : Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года.. – С. 388-392.
98. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность. /Хабермас Ю //Демократия. Разум. Нравственность. –М. Academia. – 1995. – С. 209-245.
99. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года //СПб.: Алетейя. – 1998. – 320 с.
100. Черныш М. Ф. Этнические и общегражданские ценности в сознании россиян //Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – 2006. – С. 103-113.
101. Шнирельман В. А. Идентичность и политика постсоветской памяти //Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2009. – №. 2. – С. 209.
102. Юдин Г. Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма //Социологическое обозрение. – 2013. – Т.12. – №. 2. – С. 122-132.

Научные статьи (на английском языке)

103. Bakker B. N., Rooduijn M., Schumacher G. The psychological roots of populist voting: Evidence from the United States, the Netherlands and Germany //European Journal of Political Research. – 2016. – Vol.55. – №. 2. – P. 302-320.

104. *Bar-Tal D.* Patriotism as fundamental beliefs of group members //Politics and the Individual. – 1993. – Vol.3. – №. 2. – P. 45-62.
105. *Belavadi S., Rinella M. J., Hogg M. A.* When social identity-defining groups become violent: Collective responses to identity uncertainty, status erosion, and resource threat //The Handbook of Collective Violence. – Routledge, 2020. – P. 17-30.
106. *Blank T.* Determinants of national identity in East and West Germany: An empirical comparison of theories on the significance of authoritarianism, anomie, and general self-esteem //Political Psychology. – 2003. – Vol.24. – №. 2. – P. 259-288.
107. *Bourdieu P.* Distinction a social critique of the judgement of taste //Inequality. – Routledge, 2018. – P. 287-318.
108. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice //The new social theory reader. – Routledge, 2020. – P. 80-86.
109. *Brandys R. R., Laurent N. P., Knox B. A.* United States-Mexico Border Wall: The Past, the Present and What May Come //Real Prop. Tr. & Est. LJ. – 2018. – Vol.53. – P. 131-162.
110. *Breakwell G. M.* Identity process theory: Clarifications and elaborations //Identity process theory: Identity, social action and social change. – 2014. – P. 203-221.
111. *Breakwell G. M.* Resisting representations and identity processes //Papers on social representations. – 2010. – Vol.19. – №. 1. – P. 6.1-6.11
112. *Burke P. J., Stets J. E.* Trust and commitment through self-verification //Social psychology quarterly. – 1999. – P. 347-366.
113. *Calhoun C.* The rhetoric of nationalism //Everyday nationhood: Theorising culture, identity and belonging after banal nationalism. – 2017. – P. 17-30.
114. *Connor W.* A nation is a nation, is a state, is an ethnic group is a... //Ethnic and racial studies. – 1978. – Vol.1. – №. 4. – P. 377-400.
115. *Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J. W.* Self-categorisation, commitment to the group and group self-esteem as related but distinct aspects of social identity

- //European journal of social psychology. – 1999. – Vol.29. – №. 2-3. – P. 371-389.
116. *Ellemers N., Spears R., Doosje B.* Self and social identity //Annual review of psychology. – 2002. – Vol.53. – №. 1. – P. 161-186.
 117. *Eller J. D., Coughlan R. M.* The poverty of primordialism: The demystification of ethnic attachments //Ethnic and racial studies. – 1993. – Vol.16. – №. 2. – P. 183-202.
 118. *Fenton S., Mann R.* 'Our own people': ethnic majority orientations to nation and country //Global migration, ethnicity and Britishness. – London : Palgrave Macmillan UK, 2011. – P. 225-247.
 119. *Gaffney A. M. et al.* The state of American protest: Shared anger and populism //Analyses of Social Issues and Public Policy. – 2018. – Vol.18. – №. 1. – P. 11-33.
 120. *Geertz C.* The integrative revolution: primordial sentiments and civil politics in the new states //Old societies and new states: The quest for modernity in Asia and Africa. – 1963. – P. 105-157.
 121. *Gergen K. J.* Theory of the self: Impasse and evolution //Advances in experimental social psychology. – Academic Press, 1984. – Vol.17. – P. 49-115.
 122. *Ghosh P.* Max Weber, Werner Sombart and the Archiv für Sozialwissenschaft: the authorship of the 'Geleitwort'(1904) //History of European Ideas. – 2010. – Vol.36. – №. 1. – P. 71-100.
 123. *Giddens A.* Fate, risk and security //The sociology of risk and gambling reader. – Routledge, 2006. – P. 37-67.
 124. *Goffman E.* Stigma and social identity //Understanding Deviance. – Routledge, 2014. – P. 256-265.
 125. *Hewitt J.* Ethical components of researcher—researched relationships in qualitative interviewing //Qualitative health research. – 2007. – Vol.17. – №. 8. – P. 1149-1159.
 126. *Haslam S. A., Reicher S. D., Reynolds K. J.* Identity, influence, and change: Rediscovering John Turner's vision for social psychology //British Journal of Social Psychology. – 2012. – Vol.51. – №. 2. – P. 201-218.

127. *Hogg M. A.* Uncertainty–identity theory //Advances in experimental social psychology. – 2007. – Vol.39. – P.70-73
128. *Hogg M. A., Adelman J.* Uncertainty–identity theory: Extreme groups, radical behavior, and authoritarian leadership //Journal of Social Issues. – 2013. – Vol.69. – №. 3. – P. 436-454.
129. *Hogg M. A., Rinella M. J.* Social identities and shared realities //Current opinion in psychology. – 2018. – Vol.23. – P. 6-10.
130. *Hummell E.* Standing the test of time–Barth and ethnicity //Coolabah. – 2014. – №. 13. – P. 46-60.
131. *Hutchinson J.* Moral innovators and the politics of regeneration: the distinctive role of cultural nationalists in nation-building //Ethnicity and Nationalism. – Brill, 1992. – P. 101-117.
132. *Jaspal R., Cinnirella M.* The construction of ethnic identity: Insights from identity process theory //Ethnicities. – 2012. – Vol.12. – №. 5. – P. 503-530.
133. *Jung J., Hogg M. A., Choi H. S.* Reaching across the DMZ: Identity uncertainty and reunification on the Korean peninsula //Political Psychology. – 2016. – Vol.37. – №. 3. – P. 341-350.
134. *Jung J., Hogg M. A., Lewis G. J.* Identity uncertainty and UK–Scottish relations: Different dynamics depending on relative identity centrality //Group Processes & Intergroup Relations. – 2018. – Vol.21. – №. 6. – P. 861-873.
135. *Kosterman R., Feshbach S.* Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes //Political psychology. – 1989. – P. 257-274.
136. *Lawler S.* The middle classes and their aristocratic others: Culture as nature in classification struggles //Journal of Cultural Economy. – 2008. – Vol.1. – №. 3. – P. 245-261.
137. *Lévi-Strauss C.* Race and culture //International Social Science Journal. – 1971. – Vol.23. – №. 4. – P. 608-625
138. *Lyman S., Scott M.* Stage fright and the problem of identity //A Sociology of the Absurd. – 1970. – P. 159-188.

139. *Markell P.* Making affect safe for democracy? On “constitutional patriotism” //Political Theory. – 2000. – Vol.28. – №. 1. – P. 38-63.
140. *Mcleod S.* Solomon Asch-conformity experiment //Simply Psychology. – 2018. – Vol.28.; *Mayo E.* Hawthorne and the western electric company //The social problems of an industrial civilization. – 1949. – P. 1-7.
141. *Noor M. et al.* The social psychology of collective victimhood //European Journal of Social Psychology. – 2017. – Vol.47. – №. 2. – P. 121-134.
142. *Outten H. R. et al.* Majority group members' negative reactions to future demographic shifts depend on the perceived legitimacy of their status: Findings from the United States and Portugal //Frontiers in psychology. – 2018. – Vol.9. – P. 79-91.
143. *Over H.* The origins of belonging: Social motivation in infants and young children //Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. – 2016. – Vol.371. – №. 1686.
144. *Pratsinakis M.* Established and outsider nationals: Immigrant–native relations and the everyday politics of national belonging //Ethnicities. – 2018. – Vol.18. – №. 1. – P. 3-22.
145. *Raijman R. et al.* What does a nation owe non-citizens? National attachments, perception of threat and attitudes towards granting citizenship rights in a comparative perspective //International Journal of Comparative Sociology. – 2008. – Vol.49. – №. 2-3. – P. 195-220.
146. *Roccas S. et al.* Toward a unifying model of identification with groups: Integrating theoretical perspectives //Personality and social psychology review. – 2008. – Vol. 12. – №. 3. – P. 280-306.
147. *Roccas S., Brewer M. B.* Social identity complexity //Personality and social psychology review. – 2002. – Vol.6. – №. 2. – P. 88-106.
148. *Schatz R. T., Staub E.* Manifestations of blind and constructive patriotism: Personality correlates and individual–group relations. – 1997. – P. 229-245
149. *Scholte J. A.* Beyond the buzzword: Towards a critical theory of globalization //Globalization: Theory and practice. – 1996. – P. 43-57.

150. *Snow D. A., Oliver P. E.* Social movements and collective behavior: Social psychological dimensions and considerations //Sociological perspectives on social psychology. – 1995. – P. 571-599.
151. *Srole L.* Social integration and certain corollaries: An exploratory study //American sociological review. – 1956. – Vol.21. – №. 6. – P. 709-716.
152. *Stets J. E., Burke P. J.* Identity theory and social identity theory //Social psychology quarterly. – 2000. – P. 224-237.
153. *Stryker S.* Identity salience and role performance: The relevance of symbolic interaction theory for family research //Journal of Marriage & Family. – 1968. – Vol.30. – №. 4. – P. 558-564
154. *Stryker S.* Traditional symbolic interactionism, role theory, and structural symbolic interactionism: The road to identity theory //Handbook of sociological theory. – 2001. – P. 211-231.
155. *Stryker S., Burke P. J.* The past, present, and future of an identity theory //Social psychology quarterly. – 2000. – P. 284-297.
156. *Stryker S., Serpe R. T.* Commitment, identity salience, and role behavior: Theory and research example //Personality, roles, and social behavior. – 1982. – P. 199-218.
157. *Tajfel H. et al.* An integrative theory of intergroup conflict //Organizational identity: A reader. – 1979. – Vol.56. – №. 65. – P. 56-65.
158. *Tajfel H. et al.* Social categorization and intergroup behaviour //European journal of social psychology. – 1971. – Vol.1. – №. 2. – P. 149-178.
159. *Tajfel H.* Experiments in intergroup discrimination //Scientific american. – 1970. – Vol.223. – №. 5. – P. 96-103.
160. *Tajfel H.* Social identity and intergroup behaviour //Social science information. – 1974. – Vol.13. – №. 2. – P. 77-96.
161. *Tajfel H.* The exit of social mobility and the voice of social change: Notes on the social psychology of intergroup relations //Social Science Information. – 1975. – Vol.14. – №. 2. – P. 101-118.

162. *Tajfel H., Turner J. – C.* The social identity theory of intergroup behavior //Political psychology. – Psychology Press, 2004. – P. 276-293.
163. *Terry D. J., Carey C. J., Callan Vol. J.* Employee adjustment to an organizational merger: An intergroup perspective //Personality and Social Psychology Bulletin. – 2001. – Vol.27. – №. 3. – P. 267-280.
164. *Thomassen L.* The inclusion of the other? Habermas and the paradox of tolerance //Political Theory. – 2006. – Vol.34. – №. 4. – P. 439-462.
165. *Tilly C.* Citizenship, identity and social history //International review of social history. – 1995. – Vol.40. – №. S3. – P. 1-17.
166. *Turner J. – C. et al.* A self-categorization theory //Rediscovering the social group: A self-categorization theory. – 1987. – P. 399-417.
167. *Turner J. – C.* Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behaviour //European journal of social psychology. – 1975. – Vol.5. – №. 1. – P. 1-34.
168. *Urban G., Sherzer J.* Introduction', Nation-States and Indians in Latin America. – 1992. – P. 169-171.
169. *Wagoner J. A. et al.* Identity-centrality, dimensions of uncertainty, and pursuit of subgroup autonomy: The case of Sardinia within Italy //Journal of Applied Social Psychology. – 2018. – Vol.48. – №. 10. – P. 582-589.
170. *Wagoner J. A., Hogg M. A.* Normative dissensus, identity-uncertainty, and subgroup autonomy //Group Dynamics: Theory, Research, and Practice. – 2016. – Vol.20. – №. 4. – P. 310-322.
171. *Wright S. – C., Taylor D. M., Moghaddam F. M.* Responding to membership in a disadvantaged group: From acceptance to collective protest //Journal of personality and social psychology. – 1990. – Vol.58. – №. 6. – P. 994-1003.

Аналитические доклады, научные отчеты, проекты, комментарии и исследования (на русском языке)

172. *База данных* // Исследовательский центр «Сова» URL: <https://www.sova-center.ru/database/>

173. *Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками* // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami
174. *Межнациональные отношения и проблема иммиграции* // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnye-otnosheniya-i-problema-immigracii>
175. *НАРОДНЫЙ ЦИФРОВОЙ АРХИВ* URL: https://web.archive.org/web/20051220221516/http://karpattour.narod.ru/123migqw_e1234000000.htm
176. *О национальной гордости великороссов* // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossoy>
177. *Российская идентичность: мы вместе?* // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijskaya-identichnost-my-vmeste>
178. *Россияне и «инородцы»: толерантность или ксенофобия?* // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-i-inorodczy-tolerantnost-ili-ksenofobiya>
179. *Теленосмотр 2024* // Mediascope URL: https://mediascope.net/upload/iblock/7fc/rdml9ou4j752f9ffwn59outtj5ospte3/Telefamily%20days_Mediascope.pdf
180. *Традиционные ценности в российском обществе* // Фонд Общественное Мнение URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068>
181. *АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: «Социальная сплоченность в российском обществе»* // Research Got Talent URL: <https://web.archive.org/web/20240612123231/https://2023.researchtalent.ru/materials/reports/2.pdf>

Диссертации (на английском языке)

182. *Wallem G.* Doing 'Russian-Germanness': performativity and co-ethnic belongings in the context of post-Soviet migration to Germany : дис. – Paris, Institut d'études politiques, 2020.

Приложение 1. Экспертный опрос.

Частотные и процентные распределения по ответам респондентов.

Пол:

	частота, чел	%
Мужской	15	26
Женский	43	74
Σ	58	100

Возраст:

	частота, чел	%
1. 21-35 лет	11	19%
2. 36-45 лет	17	29%
3. 46-55 лет	13	22%
4. 56+	17	29%
Σ	58	100%

Средний возраст	Медиана	Минимальный возраст	Максимальный возраст
47,5	46,5	21	83

В какой сфере в первую очередь работает Ваша организация/сообщество?

	частота, чел	%
Религиозная сфера	10	17%
Культура	9	16%
Локальные / национальные сообщества	7	12%
Социальная сфера	7	12%
Спорт	5	9%
Образование	4	7%
История	4	7%
Здравоохранение	3	5%

Благотворительность	2	3%
Экологическая сфера	2	3%
Другое	5	9%
Σ	58	100%

К какому типу относится Ваша организация/сообщество?

	частота, чел	%
Государственная	4	7%
Некоммерческая	45	78%
Другое	9	16%
Σ	58	100%

Как долго Вы ведете деятельность в данной организации/сообществе? (опыт работы)

	частота, чел	%
Менее одного года	2	3%
От одного года до трех лет	4	7%
От трех до пяти лет	9	16%
Более пяти лет	43	74%
Σ	58	100%

Какую должность вы занимаете в Вашей организации? (один вариант ответа)

	частота, чел	%
Руководящая должность	33	57%
Сотрудник	9	16%
Волонтер	2	3%
Другое	6	10%
Нет должности (член сообщества)	8	14%
Σ	58	100%

Поговорим немного о Вашей организации. Сталкивается ли Ваша организация/сообщество с перечисленными ниже проблемами? Если не сталкивается или сталкивается с другими проблемами, заполните вариант «Другое». До 3-х вариантов.

	частота, чел	%
1. Недостаток финансирования	42	72%
2. Нехватка человеческих ресурсов (их мотивация)	30	52%
3. Недостаток информационной огласки	21	36%
4. Нехватка знаний у сотрудников и волонтеров	9	16%
5. Нехватка поддержки со стороны органов государственной власти	24	41%
6. Нехватка поддержки со стороны партнеров организации	10	17%
Другое	3	5%
Σ	139	240%

Одни люди считают, что российское общество сегодня является единым и сплоченным. Другие придерживаются противоположного мнения о том, что общество в России не сплоченное. А с какой точкой зрения Вы согласны? (один вариант ответа)

	частота, чел	%
Российское общество является сплоченным	18	31%
Российское общество является не сплоченным	28	48%
Затрудняюсь ответить	12	21%
Σ	58	100%

Проранжируйте следующие факторы, которые влияют на сплоченность общества в порядке от наиболее к наименее важным по убыванию

	Прочность социальных связей		Готовность людей помогать друг другу		Общность взглядов и установок людей		Активное участие людей в решении общественных проблем		Сохранение исторической памяти на различных уровнях (история страны, история своей семьи)		Ощущение безопасности в обществе		Чувство социальной справедливости		Высокий уровень доверия в обществе	
	часто та, чел	%	часто та, чел	%	часто та, чел	%	часто та, чел	%	часто та, чел	%	часто та, чел	%	часто та, чел	%	часто та, чел	%
1 место	3	5%	11	19%	15	26%	6	10%	7	12%	5	9%	3	5%	8	14%
2 место	5	9%	10	17%	11	19%	2	3%	4	7%	10	17%	9	16%	7	12%
3 место	8	14%	9	16%	5	9%	9	16%	6	10%	6	10%	5	9%	10	17%
4 место	9	16%	11	19%	7	12%	10	17%	7	12%	3	5%	5	9%	6	10%
5 место	8	14%	9	16%	3	5%	11	19%	9	16%	6	10%	6	10%	6	10%
6 место	7	12%	6	10%	5	9%	8	14%	10	17%	12	21%	6	10%	4	7%
7 место	12	21%	1	2%	7	12%	7	12%	3	5%	8	14%	12	21%	8	14%
8 место	6	10%	1	2%	5	9%	5	9%	12	21%	8	14%	12	21%	9	16%
Σ	58	100%	58	100%	58	100%	58	100%	58	100%	58	100%	58	100%	58	100%

Какие негативные последствия могут быть при снижении уровня сплоченности в обществе? (укажите до 5-ти вариантов ответа)

	частота, чел	%
1. Рост преступности	37	64%
2. Рост смертности	21	36%
3. Рост уровня алкоголизма, наркомании	43	74%
4. Снижение уровня гражданской активности	45	78%
5. Увеличение уровня социальной тревожности	48	83%
6. Снижение уровня материального благополучия населения	23	40%
7. Снижение уровня сплоченности в обществе не несет негативных последствий	1	2%
8. Ничего из перечисленного	0	0%
9. Затрудняюсь ответить	1	2%
Σ	219	378%

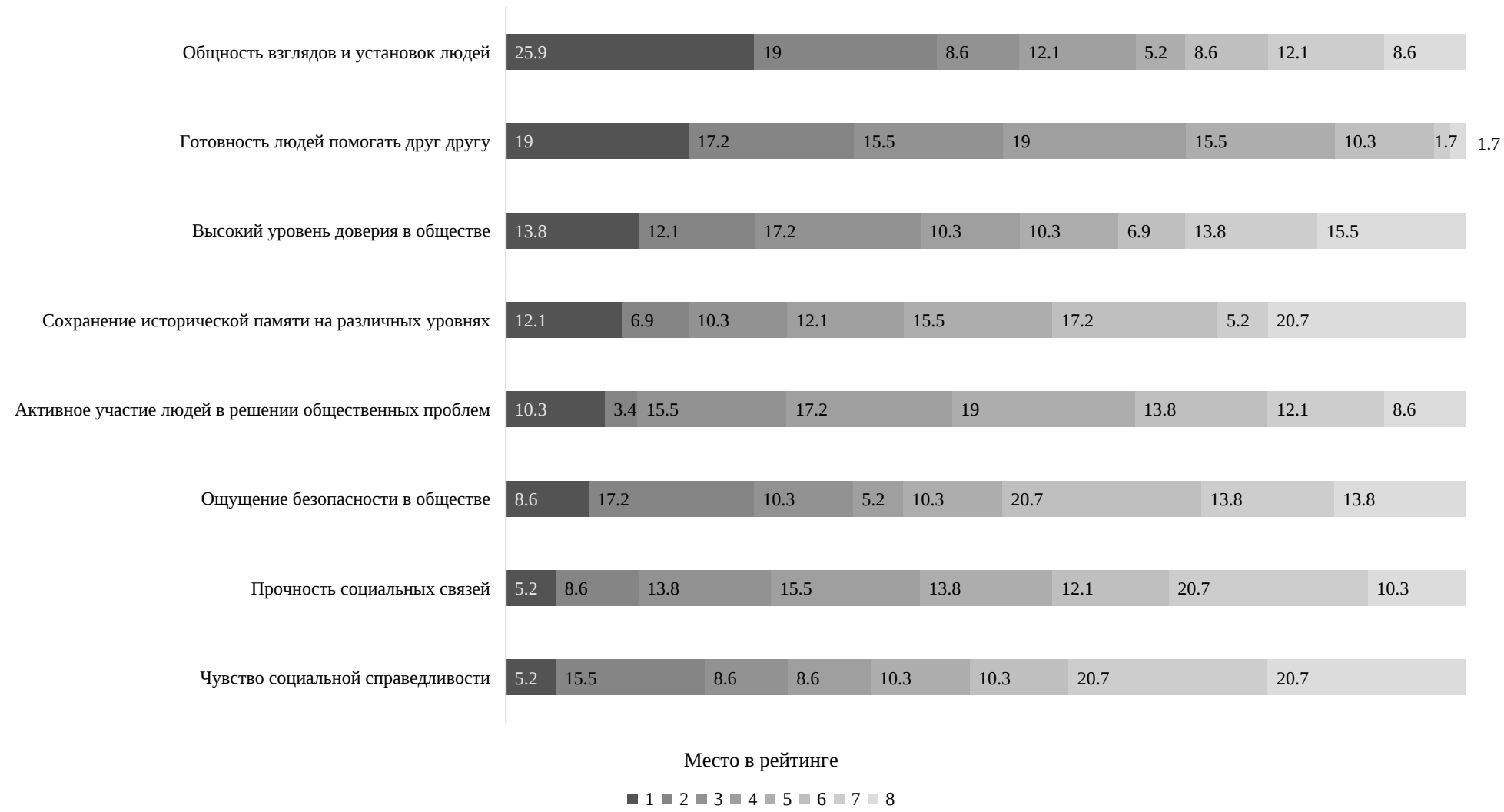
Распределение ответов на вопрос (58 экспертов, 100% от общей выборки)

«Пожалуйста, закончите предложение: На мой взгляд, социальная сплоченность – это ...» (открытый вопрос, неограниченное количество вариантов ответа)

	частота, чел	%
1. Единение, объединение	9	16%
2. Ориентация на окружающих	2	3%
3. Уважение	1	2%
4. Сплоченность в конкретном моменте	2	3%
5. Решение проблем, достижение общих целей	13	22%
6. Любовь к Родине	1	2%
7. Желание сделать мир лучше	1	2%

8. Доверие	1	2%
9. Общность ценностей, мнений и целей	18	31%
10. Наличие общего врага	1	2%
11. Активное участие в общественной жизни	2	3%
12. «Когда всем хорошо»	1	2%
13. Согласие с направлением государственной политики	5	9%
14. «Видеть в окружающих людях Божий образ»	1	2%
15. Помощь окружающим, взаимовыручка	11	19%
16. Включение всех социальных слоев в общественную жизнь	4	7%
17. «Один за всех и все за одного»	2	3%
18. «Брат за брата»	1	2%
19. Принятие различий в людях	2	3%
20. Ответственность	1	2%
21. «Общий путь к благому будущему»	1	2%
22. Умение договариваться	3	5%
23. «Это плечо, подставленное вовремя в трудную минуту...»	1	2%
24. Нравнодушие	1	2%
25. Знание истории	1	2%
Σ	86	150%

Рис. 32. Распределение ответов на вопрос «Проранжируйте следующие факторы, которые влияют на сплоченность общества в порядке от наиболее к наименее важным по убыванию» (58 экспертов, 100% от выборки, %)

Распределение ответов респондентов (25 экспертов, 43%).

Какие еще негативные последствия разобщенности общества Вы могли бы выделить дополнительно? (открытый вопрос, неограниченное количество вариантов ответа)

	частота, чел	%
1. Психологические последствия	8	32%
2. Утрата исторических ценностей	2	8%
3. Потеря человеческих ценностей	5	20%
4. Ослабление функций власти, местного самоуправления	2	8%
5. Негативные демографические последствия	2	8%
6. Рост числа бездомных	1	4%
7. Рост социального недовольства	1	4%
8. Негативное влияние на будущие поколения	1	4%
9. Упадок гражданской активности	1	4%
10. Рост атомизации в малых социальных группах (семьи, соседи и т.д.)	2	8%
11. Угроза исчезновения социальной инфраструктуры	1	4%
12. Угроза исчезновения малых населенных пунктов	1	4%
13. Рост расслоения общества	3	12%
14. Повышение уровня смертности	1	4%
15. Замедление прогресса	1	4%
16. Усиление авторитарности власти	2	8%
17. Негативные экономические последствия	1	4%
Σ	35	140%

Приложение 2. Транскрипты фокус-групповых исследований

Фокус-группа №1

Состав участников:

Обозначение	Описание
Н (женщина, 54 года)	женщина, 54 года, председатель родительской организации, родители детей инвалидов, воспитание детей с особенностями
Д (мужчина, 36 лет)	мужчина, 36 лет, мастерская с друзьями, учатся вместе взаимодействовать и помогать друг другу
Е (женщина, 42 года)	женщина, 42 года, устная история, ВОВ, довоенное и послевоенное время
В (мужчина, 66 лет)	мужчина, 66 лет, кафедра культурологии и религиоведения, организация северное мореходство, просветительская деятельность, издание альманахов, судостроение, экспедиции
Т (женщина, 45 лет)	женщина, 45 лет, православно-патриотическое направление, возрождение храмов, восстановление малой родины
П (мужчина, 38 лет)	мужчина, 38 лет, инженер-микробиолог, возрождение сельских и деревенских общин

М: сфера деятельности?

Н: председатель родительской организации, родители детей инвалидов, воспитание детей с особенностями

Д: мастерская с друзьями, учатся вместе взаимодействовать и помогать друг другу

Е: устная история, ВОВ, довоенное и послевоенное время

В: кафедра культурологии и религиоведения, организация северное мореходство, просветительская деятельность, издание альманахов, судостроение, экспедиции

Т: православно-патриотическое направление, возрождение храмов, восстановление малой родины

П: инженер-микробиолог, возрождение сельских и деревенских общин

М: что является наиболее важным для существования гармоничного общества ?

П: мне кажется тут с самого начала с вами имеет смысл не согласиться потому что еще что-нибудь общество на основании этой единой общей проблемы начинает с текущая война уже показала что для нормальной консолидации общества нам нужны проблемы, когда общество слишком хорошо живет оно что называется по русски зажралось и уже не едино, когда появляется какая-то проблема, будь то эпидемия, будь то война какая нибудь там революция, голододной стороны объединяться с другой стороны очищаться от некоторых неприятных элементов, как бы неприятно это не звучало

В: конечно бесконфликтно, внутренней динамики есть условие для развития общества, соответственно гармоничное общество это общество в котором можно открыто высказывать различные мнения, различные суждения, пусть они будут оппозиционные, но в сущности это будет условием для позитивного диалога, дело в том, что наиболее эффективный путь для развития общества это трудный диалог, когда приходится принимать. но для дела это всегда лучше. то есть, трудный диалог для решения проблемы это наиболее эффективная ситуация, это показывает исторический опыт

Е: мне кажется еще для того чтобы было что-то такое, не хватает общего дела, причем такое, на уровне, не надо что то грандиозное что нас объединяет, нет, что-то общее, ну например, вот наша улица смогла объединиться когда начали вырубать лес, мы смогли быстро собрать 1500 подписей, мы их отправили, это была проблема, но эта проблема была, это не что-то такое глобальное, это было вот какое-то дело такое, которое нужно было решить, тогда вот действительно будет более гармонично, мы это решаем и когда есть результат это еще больше сближает

М: то есть в принципе нужна какая-то задача, условно, которую нужно решить и она может быть разного масштаба

В: наверное надобно еще заметить, что гармоничное существование общества предполагает наличие общих ценностей и смыслов с одной стороны, а с другой стороны наличие малых кругов, малых сообществ, которые решают позитивные задачи, кто-то озеленением занимается, кто-то детишек может быть как-то опекает с особенностями развития, то есть внутри общества могут и должны существовать организации людей единомысленно устроенных, работающих именно для решения позитивных, созидательных задач, но при всем этом все эти малые круги, малые сообщества они конечно объединяются, могут объединяться и должны объединяться наличием общих ценностно-смысловых, общие должны быть идеалы. еще видимо важно чтобы общество имело единое прошлое, нигде нет столько новостей как в прошлом, нужно некое видение истории. вот удивительно то, что люди, которые больны потерей памяти, болезнью альцгеймера, при всем том что они могут выглядеть физически вполне себе здоровыми, неспособны планировать будущее. мне кажется что эта ситуация может проецироваться и на общество, если общество отказывается от своей истории по каким-то причинам, то оно тоже оказывается не способно к развитию, а если оно не способно к развитию значит оно распадается и утрачивается то что называют скрепами

М: сегодняшнее общество сплоченное?

Т: на мой взгляд это начальная стадия выздоровления сейчас в обществе происходит, какие то первые шаги по сплочению, я бы не назвала сплоченным конечно, но и разрозненным тоже не назвала, я думаю мы на пути к выздоровлению

Д: да я Татьяну поддерживаю, я полностью согласен, я тоже сейчас замечаю что есть сейчас какие то островки, кусты в которых люди объединяются и это есть задел на будущее хорошее

Е: сложный очень вопрос, потому что смотря в какой области имеется ввиду, например, наверное легко нам сплотиться в плане решения каких то экологических проблем, у нас есть много точек соприкосновения по решению проблем например детей, дети с ОВЗ, больные раком, помочь им, собрать деньги, реализовать волонтерскую группу. с другой стороны очень тяжело решить проблему скажем когда необходимо решать проблемы вот конкретные, например я вхожу в родительский комитет, нам очень тяжело, вообще нет точек соприкосновения, но это может не совсем удачный пример, сложно сказать. мне кажется когда появляется какая то общая задача, это очень тяжело происходит, наверное нет, оно не сплоченное, не знаю насколько оно будет сплоченным, но когда появляется что-то, ну, опять такое, на миг . то есть знаете мы может сплотиться среди своих знакомых, даже может быть знакомые знакомых знакомых, микро группы, то что рядом, но вот в как то более широком плане я думаю нет, мы не сплочены

В: конечно я бы не рискнул назвать современное русское общество сплоченным, да собственно знаете сплоченным оно особо и в прежние былые времена можно было назвать условным, в нашей культуре заложена потенциальная расколотость. мы стремимся к единству при этом потенциально готовы к расколу, если мы посмотрим на хоть сколько нибудь значимые явления нашей культуры то мы увидим что все они двоятся, есть официальная сторона и неофициальная сторона, а потом происходит инверсия, но например если имеете в виду духовную жизнь, то это например могут быть сторонники реформы никона, противники реформы, это могут быть и иосифляне и нестяжатели, обновленцы, тихоновцы, других там большевики не большевики, ну и так далее, то есть все это единство оказывается очень таким, представляет собой некую бинарность, при всем том что это условие, то есть это судьбоносное противоречие, они являются видимо следствием решать проблемы силой, то есть насилие используется и использовалось всегда как наиболее эффективный способ решения проблем и приведения всех к общему знаменателю. а что касается вот временной такой вот сплоченности, у меня есть то о чем сейчас было сказано, Е., справедливый у меня пример есть, он может вам знаком это шиес. ни для власти, ни для тех людей которые задумали превратить один из красивейших уголков в помойку, все люди встали

Н: я хотела сказать что, знаете, по своей специфике, люди перестали верить, доверять, причем перестали верить на всех уровнях, как вот на свойском разговоре, так и в администрациях и даже можно сказать что и президенту уже не очень верят, все хотят решить свои проблемы сейчас, никто их не слышит, пытаются достучаться до самых верхов, но дело в том, что пытаются решить свои личные проблемы, то есть у нас общество как то настолько разобщилось, что вот это чувство коллективизма, взаимовыручки, взаимопомощи вот такого вот масштаба как это было в советские времена, я ничего не вижу, причем самое печально то, что молодежь, именно поколение 90-х наверное и дети от них пошли, страшно становится. я когда им начинаю объяснять что понимаете, один уходит, другой может встать не то что на его место да, а заменить или еще что то, даже специалисты у меня работают одна там допустим на больничный уходит и все, она считает что своих детей она никуда не отдаст, а детям нужны регулярные занятия, то есть вот это вот я не знаю все только для себя любимого, каждый ищет выгоду для себя лично, такого чтобы там я допустим решаю проблемы для всех, на меня смотрят как на дурака, считают что я где-то лукавлю или называют меня серым кардиналом каким-то, отсутствует вот это понятие “для всех” как это было раньше, я не вижу вот этого общества как такового целостного

В: хотел сразу сказать что вот при всем том о чем мы говорим, о разобщенности общества. это одно из качеств присущих русской культуре это стремление к единому умонастроению, то есть это в разное время может называться по разному, там соборность, коллективизм, колхозность, то есть стремление к некому единству, но это единство как правило обретается через разделение на своих и чужих

М: факторы сплоченности?

В: общая цель, ценности, доверие, наличие общих представлений о той силе которой мы противостояим, общий враг

Т: традиции, поскольку я работаю в детском театре я заметила когда с первого занятия появляются общие традиции сразу спланируется коллектив

В: вера и религия , идеалы и их несменяемость; у меня есть смутное подозрение что никаких идеалов, кроме тех что сформировались под влиянием православия у нас не появится; наличие персонального интереса

Е: наличие лидера, человека, способного выстраивать цепочки между людьми, человек, способный объединить всех остальных и взять ответственность

П: я в свое время очень много пожил в небольших населенных пунктах и обратил внимание на такой момент: если это какой то маленький населенный пункт и есть к примеру один-единственный приход, то этот приход живет довольно дружно за неимением некоего внешнего стрессфактора; если населенный пункт побольше и там есть два прихода то почти всегда эти два прихода начинают грызться между собой, они все время находят какую то ерунду чтобы меж собой ее делить - один образовал крестный ход, другие говорят мы в ваш крестный ход не пойдем потому что вы из другого прихода; но только если этот населенный пункт уже чуть чуть побольше и там есть три или четыре прихода вот этот стрессовый уровень он вдруг резко падает, когда мы делим мир на “мы” и “они” вот эта разделяющая граница очень четкая, но как только эти самые они начинают разделяться на “они первые” “они вторые” и так далее, граница сразу начинает размываться и уже не такая четкая, некоторый, как ни странно, разделяющий фактор появляется только при дуализме; отсутствие стрессфактора

В: идея из книги “Закат Европы” он там говорит о кризисе культуры, говорит что каждая культура имеет свои сроки жизни и называет три фактора которые предшествуют уходу культуры с исторической арены это преобладание городов над провинцией, преобладание техники над духовностью и преобладание плебейской морали над моралью трагической. если все перевернуть, эти идеи, мы увидим как раз именно те факторы которые необходимы для единения, это развитие именно региональных центров, присутствие во всем духовности под которой можно понимать разные конечно явления, не только религиозные

Н: я хотела сказать еще про любовь может объединить, такая всеобъемлющая любовь во всех ее больших и малых проявлениях

М: ранжирование факторов

По важности

1. общая задача, цель, идея, религия, вера и духовность
2. личный интерес, мотивация
3. лидерские качества
4. доверие, любовь

5. общие традиции, историческая память
6. общий враг
7. общие ценности
8. отсутствие стрессфактора
9. человек, готовый взять ответственность
10. страх

По распространенности

1. общая задача, цель, идея
2. общие ценности, добровольчество, личный интерес, мотивация
3. лидерские качества, любовь
4. человек, готовый взять ответственность
5. страх
6. общие традиции
7. доверие
8. отсутствие стрессфактора
9. религия, вера, духовность
10. общий враг

М: каковы последствия разобщенности общества?

В: любое явление существует в границ, общество также существует в границах, если нет реальных то есть смысловые границы, если эти границы размываются по какой либо причине, то общество просто ассимилируется других сообществом, если размываются ценностно-смысловые границы, и то что скрепляет (религия культура язык), тогда на месте общества возникает нечто новое, общество переформируется, приходят другие люди и решают свои задачи

М: есть ли способы сплочения на макроуровне и нужно ли это?

Н: идея должна быть, определенная идеология, у нас в советском обществе была определенная идеология, а сейчас кто в лес кто по дрова, но сейчас основная идеология у нас это заработать бабла и свалить я так понимаю, у многих такая

В: сказал наш министр образования о том что наша задача - воспитание грамотного потребителя, вот и воспитали грамотно

М: какими путями вы сплачиваете свой коллектив?

Н: я могу про своих сказать, у меня семьи, родители, мамочки, тяжелые и не очень тяжелые детки, как вот, сплочается человек 20 из 80, остальные потребители, понимаете, сплотить их может только привезли благотворительную помощь придите на раздачу, вот что у нас происходит. а те 20 человек объединяет общая вера, они верят мне допустим как лидеру организации, я создатель, я учредитель, потом много много училась чтобы помогать детям и вот уже 7 лет эти люди находятся в моем окружении, которые доверяют мне и которым доверяю я, и любовь, для меня нет чужих детей

Е: у нас все очень просто, это общий интерес, нам интересно заниматься историей, кому это близко и кому это интересно

В: наше сообщество основано на личном интересе, на доверии друг другу и на любви к северу, морю, друг к другу, желание решать задачи казалось бы фантастические, но реализующие мечту каждого, представление о счастье каждого, мы построили корабль который назывался в честь одного из наших товарищей, историка Морозова, мы его называли БИС - бесперебойный источник счастья

Т: нас очень вдохновляет успешность выполнения задач, каждый видит результаты своего труда и свой вклад в общую задачу, не то что кто-то один делал, а когда каждый потратился и видит результат, по поводу любви, у нас есть традиция после каждой литургии мы пьем чай, вот это живое участие в жизни друг друг, проведение времени вместе и понимание того что перед тобой живой человек, это тоже такое сплетение получается, проникновение друг в друга.

В: при личном интересе, доверии и любви еще существует некая идейная, идеологическая общность, у нас люди тяготеющие к православию, или, во всяком случае не враждебно настроены, есть идеологическая база, основание

М: нужно ли преодолевать пассивность единодушных, но не сплоченных людей, стоит ли их вовлекать в деятельность?

Н: мне кажется человек должен созреть, здесь немаловажно тоже безопасность какая то своя, другие мне говорят “тебе здесь еще жить”, кого-то посадили за то что он выступал за закрытие свалки, человек должен быть готов к тому чтобы пойти и что-то там заявить, насильно нельзя

В: тут дай бог нужно разобраться с самим собой, вовлекать, привлекать, воспитывать там кого-то, наставлять на путь истинный-нет, спасись сам и спасутся другие, вовлекать не надо, если людям нравится что мы делаем они сами прирастают

Е: согласна с коллегами, все не могут быть активными, кому-то проще сделать что-то тихо, всем хорошо, каждому свое и наверное так и нужно

П: всегда нужно подавать пример, в обществе есть некий уровень приличия, уровень морали, если у нас сейчас лето все ходят в купальниках на речках озерах и это нормально, еще век назад для того чтобы сделать тоже самое нужно было полностью закрывать тело должно и это считалось нормальным, в реальности никакой нормы не существует и мы ее сами себе выдумываем и ее определяет большинство и вот если некоторое активное большинство, которое на виду, если это большинство будет показывать себя в виде там волонтеров, какихнибудь социальных работников, меценатов - это будет некоторым уровнем, к которому большинство будет стремиться, а если большинство привыкло показывать себя и сидеть на диване с пивасиком, ну значит остальное общество будет стремиться к этому, есть 10-20% человек которые могут сделать больше чем остальные и они должны себя позиционировать максимально широко, должно быть позиционирование

Н: горстка вот этих которые должны себя высоко позиционировать и вести за собой, прежде всего к ним относится что они должны обладать всеми качествами и факторами, тот же самый царь государь, наш батюшка Владимир Владимирович, он обладает определенными лидерскими качествами и он сейчас пытается восстановить вот это общество к которому он стремится да чтобы оно было действительно обществом, то есть вот по сплочению народа, вот эти вот другие иерархии, еще какая то ступень которая пытается наоборот разобщить, он настолько должен вести себя безупречно по всем этим факторам которые мы перечислили, что общество тянется за ним все равно, что бы не случилось сейчас у нас, что вот это 24, что еще что то, все равно доверие президенту у нас на высшем уровне почему-то

Т: резануло меня что вот такая то вот норма которая есть при нас, божественная, и я думаю что какая-то совсем извращенное поведение оно будет противоестественным для человека и его не поддержат даже если этим будет заниматься большинство, будет внутренний протест, есть внутри все таки норма духовная, нравственная

П: категорически не согласен, потому что то что вы говорите, вы говорите исходя из менталитета христианского воспитания, и исходя из воспитания той культуры которая тысячи лет воспитывалась в христианском контексте, если мы например прочитаем знаменитые писания арабских путешественников, те же самые похороны знатного руса, то можно было что всем племенем перед смертью *неразборчиво* поленом по голове и в тот же самый погребальный костер и это было нормой, у нас очень многие вещи определяются культурой воспитания, даже если мы посмотрим как христианство утверждалось на территории россии, у нас христианство завелось в очень ранние эпохи, с 4-6 веков но оно существовало всегда на маргинальном уровне, только князь перенял эту идеологию для себя, тут же на него начала ориентироваться вся верхушка, и тут же на эту верхушку начали ориентироваться низы и так у нас сменился весь культурный пласт, в революцию 17 года было тоже самое, только князь, ну ленин, принял новую идеологию и все дальше по старой схеме, и люди которые только вчера храмы строили начинают их разрушать, потому что они ориентируются на ту норму которую задает элита, а элита в конечном счете это не та кто корону носит, а именно та которая на свету, та которую видно. в чем собственно и есть опасность всех этих гей парадов и прочего, потому что то что видно оно постепенно начинает быть на умах, тут же вспоминаем окно овертона и все дальше по тексту, если мы перенесемся в другую культуру, не обязательно языческую, пусть это например будет мусульманская культура в пакистане, в саудовских эмиратах или индии, мы вдруг обнаружим что никаких общечеловеческих ценностей у них нет, у них совершенно другой набор ценностей, а то что мы называем общечеловеческими ценностями это ценности исключительно христианской традиции.

М: Спасибо за дискуссию! До свидания!

Фокус-группа №2

Состав участников:

Обозначение	Описание
Д (мужчина 36 лет)	мужчина 36 лет, социокультурное проектирование, благоустройство местности
С (женщина, 55 лет)	женщина, 55 лет, культура
Н (женщина, 52 года)	женщина, 52 года, история, экология

М: Давайте тогда переходить потихоньку к теме дискуссии непосредственно. Понятие сплоченность, на ваш взгляд. Сегодня у нас, в принципе, можно сказать, что очень, ну, в такое необычное время живем, что много потрясений, много динамики. Все меняется очень быстро. На ваш взгляд, что является наиболее важным для поддержания гармоничного существования людей вместе для общества? Чтобы она находились в гармонии, люди друг с другом, жили в согласии, в мире, в единстве?

Д: Позвольте. У меня может быть, маленькая совсем маленькая ремарочка в начале учитывая, что мы все отвечали на опрос, присланный вами или коллегами вашими. У меня, конечно, сразу возник вопрос собственно. Почему мы сразу возводим солидарность подчеркиваю, которая была темой опроса, в ранг чего-то святого? Мне так показалось. То есть это то, без чего нельзя жить, то, что прямо нужно-нужно. При этом мы каких-то не получили предварительно доказательств этому, как такового явления. Ну это такая вот моя маленькая ремарочка,

С: Нужно бы определиться с терминологиями, вообще, что вы подразумеваете? **М:** У нас был вопрос про понятие «сплоченность», потому что мы можем совершенно по-разному все трактовать. Ну, в принципе, раз мы переходим к ну сплоченности. Как вы считаете, в принципе, это важно или неважно для общества? Вот нам надо у Вас узнать. Как вы для себя это понимаете, потому что ну, согласитесь термин такой неоднозначный. Вот у вас даже возникают сейчас споры и именно по поводу феноменологии, как понимать его, использовать.

Д: Перефразирую ваш вопрос. Мне кажется, что общество, может жить в гармонии. Ну вот, самая первая моя мысль. Только если в обществе главенствует закон и закон един для всех граждан, для всех групп граждан, и его наступление не отвратимо для всех. Вот и общество, гармонично тогда, когда господство даже не только может закон, а сколько право. Вот к юриспруденции по профессии не имею отношения. Мы все, конечно, сталкиваемся в системе с иными законами, нормами и не секрет, что есть так называемые и законы, которые так называемые неправовые, Да которые наши российские законы нарушают права, иные вообще не принимают права человека. Различные конвенции. Сейчас это немножко ругается. Ну мне кажется ничего более значимого, чем соблюдение прав личности и его индивидуальности нет. И вот, общество, гармонично тогда, когда оно понимает это. Законы могут быть несовершенными в отношении избирательного, количественно избираемых групп граждан. А в отношении каждого, кто живет в обществе, и в то же время человек, может уверен, что будет не будут нарушены его и права, и свободы. Вот мне

кажется, в большом обществе, а наше общество, понимаете, большое, 148 тысяч человек, как минимум живет. Это самым важным является. Необратимость, соблюдение закона.

С: Мне кажется, что гармония возможна тогда, когда допускается существование личности. Ну то есть, когда мы не боремся активно за... Не причиняем, всем добро. Вот без этого. Когда существует допущение, что могут существовать разные люди с разными позициями с разными физическими достоинствами, недостатками, с разными концепциями жизненными, с разными мировоззрением, с разным обучением о том, как они должны жить. И вот когда ты как член общества принимаешь, допускаешь, что в этом обществе существуют разные граждане, разные части и ни одной сущности к ним агрессивно, тогда вот это вот дисгармония превращается в гармонию.

Н: На примере с защитой нашей горы, Куштау было тоже столкнулись беззаконием мы, жители. Этой деревни и стали защиту нашего природного памятника. И вот то, что отношения чиновника власти э разных уровней простого народу, который высказывает свое мнение в защиту того, или иного там, допустим, памятника. Любой, и вот мы столкнулись с тем, что у нас действительно законы. Мне 52 года. Я первый раз столкнулась 2 года тому назад, когда человек свое высказывает свое мнение культурно там, как бы не соглашается властями. Просто хотелось, чтобы власти чиновники хорошо относились к простому человеку. Выслушивали его. Вот тогда будет гармония в обществе.

М: Почему вообще люди объединяются?

Д: Я бы сказал, что это обычно всего три причины – это наличие общего врага. И вот ситуация у Нели кажется именно об этом. Когда возникает враг, с которым надо бороться и люди обычно на краткосрочные... На какой-то небольшой срок небольшой относительно, может быть и года полтора и два, может быть меньше объединяются, чтобы этого врага преодолеть победить. Дальше хорошо, если возникает повестка на созидание, а если не возникает, обычно вот это объединение людей, оно распадается. Еще две причины – это наличие какого-то общего дела после: создание чего-то нового и совместное творчество. Возможно, я не владею данной социологией, но по крайней мере, вот здесь слежу, что, возможно, у нас формируется там ядро у нас сплоченности вокруг общего врага. Это не все населения, конечно, это какое-то его какое-то ядерный электорат, который нужен. Я не очень себе представляю, плохо представляю, как можно придумать общую цель для всего человечества. Даже одной семьи. Там очень трудно придумать в общую цель для мамы, папы и детей. А что же говорится про город, республику или остальное?

С: Мне кажется, ваши первая причина и вторая. И которую, третью, которая все творчество, можно объединить в одну, потому что вообще творчество это и есть дело. Если вы помните шестидесятые с невероятным прорывом во всех областях: науке, технике, культуре и так далее. Я имею в виду, не только в Советском Союзе, но и вообще мир после войны он куда-то вот прорвался. А сейчас этой такой общей идеей, может быть выживание человечества в большом смысле, этого слова... Лекарство от рака, решение экологических проблем, попытка справиться с локальными африканскими, например, проблемами. Это общая задача даже не для ста сорока миллионов человек, а гораздо больше. Жить нужно, потому что это же поддержка друг друга. Вот тогда человек спланивается. Он же вот один не может, нужна поддержка друг друга.

Д: Я поймал себя на мысли, что объединяться нужно слабым. Жизнь так устроена, что обычно слабые нуждаются в этом объединении. Сильному человеку не нужно это объединение. Он сам вот себя может устроить. Я хотел бы еще развить мысль Светланы про утопии. Меня немножко раздражает тема про национальные идеи, часто говорят. Да мы думаем, национальные идеи для нашего общества. Мне кажется, с позиции человека. Вот индивидуальной, сильной личности не нужна никакая национальная идея, она нужна только той категории граждан, которые управляют страной для того, чтобы было проще управлять. К обычной жизни человека это вообще не имеет никакого отношения.

М: Если вот говорить про Россию в принципе, на ваш взгляд, можно описать как сплоченное общество или нет?

Н: Наверное, здесь вы моложе меня. Я, наверное, как бы постарше всех. В советское время рожденный человек. И я училась в школе. С 90-х годов замечая, что вот этой сплоченности не было. У нас человек к человеку как-то относился, как сказать, потребительски, что ли? Вот эти ценности, которые, сейчас многие ругаются в советское время такое было, такое, но мы были сплоченнее, дружнее, ответственнее друг к другу. С простыми соседями были по-другому отношения. Вот, а вот девяностых годов. Я уже замечая, что друг другу люди относились отстали относиться по как-то пожестче. Как-то вот, ну сейчас частью сейчас я уже наблюдаю, что вот появляется такие э, молодежь волонтеры. Вот народ все-таки стал спланиваться в решении каких-то общих дел. Когда человеку так легче преодолеть какие-то трудности, потому что вот даже когда у нас была защита ушла, весь народ подключился, и мы сами обращались ко всем и депутатам и кому-то. Когда есть такая сильная история, энергия.

Д: Иллюстрация того, как работает тема сплоченности, то есть видите, создан общий враг и на примере разных групп населения я в Смоленской области и вижу, как реагируют малые города, деревни, села, там вяжут сетки. Свечи заливают. Вот этого очень много. А видим, что вот создание вот этого общего врага, его образа. Это позволяет схватить некоторые группы. Не все, некоторые группы населения.

С: Денис ну, вот дело в этих малых городах появилось. Это какое-то дело, не связанное с огородом, заготовкой дров. Появилось какое-то дело, которое имеет которому как кто-то придуман смысл, осмысленное дело и если осмысленное дело есть, совершенно неважно какое это время, потому что осмысленное дело. Я помню, когда я начинала работать на НТВ, это был как раз его золотой век. И мы должны были быть лучше всех, понимаете, и вот эта команда она становилась лучше всех. Она была сплоченной и было неважно совершенно, сколько часов работаешь, 12 или 22. Вот это, что это сплоченность тоже это была зрительская сплоченность, которым был нужен этот канал. И вот это как бы, совершенно не важно, что это девяностые или это двухтысячные. Есть дело, которое важно, которую мы хотим сделать. Вот мы там делаем дела, а вы делаете свои и не лезьте в наши дела, в этом долго люди воспитывались. Вот разобщенность, что называется, такая коммерческая и будем зарабатывать деньги и все. А сейчас в этих малых городах появилось какое-то дело, которое на деньги не надо завязывать. Мы начинаем быть сплоченными, когда есть какая-то ценность, которую мы должны либо взрастить или защитить.

М: Какие факторы сплоченности вы могли бы выделить?

Д: Желание, идея того, что на это нам надо защитить, это нужно для наших потомков. Это все срабатывает.

Н: Я хочу сказать. Вот когда все-таки помогает. У нас проект был и сейчас он идет: Носки с любовью. Мы, бабушки, покупали эту шерсть и вязали. Там рисовали рисунки, поддерживали люди наших солдат, сыновей, мужей. У нас мы старались поддержать и

сплотились-то больше простые люди. То есть обыкновенные люди, педагоги пенсионерки шили что-то там. Вот, допустим, наша литературное объединение стихи свои отправляли, прозы какие-то короткие на 23 февраля, на праздники. То есть народ сплотился.

Д: Не могу не отреагировать. Мне кажется, кто-то точно говорил, не обязательно про Советское прошлое, это скорее навыки и ценности, которые нужны всегда, в любом обществе: ценности внимания, взаимовыручки. Я помню, как мне очень врезалось учебнике истории фраза, я ее не могу перепроверить, но надеюсь, что так было, что Папа Римский рекомендовал смотреть советские мультфильмы и мне кажется, он их рекомендовал смотреть именно из-за ценностей, которые советские мультфильмы несли. Ценности, выручки, уважение к товарищу, уважение к себе. Их можно менять и программировать с помощью средств Медиа - это активно делается в ту или иную сторону. Ну я бы себя, конечно, добавил еще лидера.

Н: Люди, слабые люди, вообще они будут по домам сидеть. У людей какое-то присутствует желание что-то поменять. Должен быть смелый, сильный, трудолюбивый народ. А что боятся, если ты говоришь правду? Ты ведешь себя культурно, говоришь об этом высказываешь свое мнение.

С: Тут дело в том, что вот эти вот два пункта, которые очень точно и сразу правильно были определены Денисом. Либо внешний: враг. Либо внутренний: развитие. Они включают в себя все то, что мы сейчас с вами придумываем.

Д: Почему разделяю общее дело и совместное творчество. Вот это опять-таки опытные практики, и я видел множество проектов. Знаете, когда творческий проект и когда? Совместно что-то делают. Вот именно самое место, не имея, вообще цели: совместно рисуют, гуляют, ставят какие-то театральные сценки. Они не ставят никакой для себя задачи никакой, не ставят цели. Когда у них есть какое-то творческое наполнение их жизни, у них появляется невольно такой кружок обычный.

М: Как вам кажется, люди в России объединяются больше по внешним или по внутренним факторам?

Д: Конечно, внешние, у нас еще очень велика роль в государства и патернализма в обществе, Когда мы ждем от какого-то там царя президента или условного руководителя сверху, когда он спускает какую-то задачу. Вот так у нас устроено. Я вам поделюсь просто в качестве примера. Я спросил у своих ровесников, сейчас один зам губернатором нашей области, а другой в госдуме представляет. Вы оказались сейчас у вот такого админ-ресурса, благодаря которым вы что-то можете действительно изменить, на что-то повлиять. Вот вы вообще чего хотите? Вы какое хотите юдущее построить? И мне оба, это было в разное время, это было изолировано друг от друга. Он сказали, что у них нет никакой картинки будущего. Вот то, что скажут сверху, кто эти люди, они не знают, кто им должен сказать. И вот этот патернатизм.

Н: Я считаю, что оба и внутренние и внешние одинаково. А почему? Как сказать и внешние и внутренние это присутствует я как-то не додумала это до конца. Сейчас может потом до дома и скажу. Почему. Угу Ну фактор, считаю, что играет роль. Светлана у вас, может еще по поводу? Ну вот вы считаете, что внешний все-таки важнее, да? А вот какое-нибудь это наличие вот общих ценностей, когда был бизнес-клуб, я увидел, что люди, когда ты называешь себя со стулом. Ты невольно отсеиваешь всех, кто не является предпринимателем, что они не было правильно по отношению к нашей деятельности. Мы проводили закрытую систему, а любая закрытая система обречена. И я увидел, что люди объединяются, конечно, по общим ценностям, общим интересам, и это не относится к социальному статусу и роду занятий – это такая, более внутренняя как история.

С: Вот мне кажется, что еще человеческая ответственность объединяет людей, когда ты можешь ее на себя взять, рядом с тобой тоже кто-то берет на себя, ответь ответственность и рядом с ним еще кто-то берет на себя ответственность, и тогда вот и получается. Сплоченность – это не идея, это – состояние некоторое.

М: А могут ли быть у сплоченности негативные последствия?

С: Вы попробуйте, потом из этого сообщества каким-то образом себя исключить.

Д: Любая секта тоже.

Н: Это взаимосвязь, то есть, вот сплоченность – это очень позитивные внутренние цели. Есть желание помочь просто, человеку хорошо, то есть, все-таки считаю позитивным. Если хорошие цель, желание, то оно плохим не будет.

Д: Если нет сплоченности, социальные связи нарушаются, социальные взаимодействия. Элементарно люди друг другу не доверяют не вступают в сообщества. Вот все самое экономическое культурное, гуманитарное взаимодействие друг с другом. Это само по себе плохо, но я не считаю, что противоположная стороной того, что люди могут доверять. Мне кажется, это просто разные вообще явления и понятия. В принципе, атомизация вот, ну, как раз вместо разобщенности в этой сплоченности называли что, в принципе, это негативный процесс, конечно. Даже очень любопытно. Есть такое исследование, которое часто приводят. Вот если посмотреть, были ученые, которые считали, что уровень доверия влияет на экономический успех в обществе. Ну в общем, чем выше, тем выше. Но я говорю, это наличие доверия.

С: Как доверие воспитывается? Оно закладывается годами, десятилетиями, столетиями. Доверие можно быстренько подорвать, и ты потом его не вернешь. Это очень точно, что, если в обществе существует доверие, то тогда банковские вклады лежат дольше и проценты на них могут быть меньше. Мы называем вот сейчас в нашей с вами беседе сплоченностью, потому что, конечно, когда у соседа беда, тогда финская, деревня прибегает вся на помощь. Но при этом хуторяне, они живут себе спокойно в своих хуторах. И каждый занимается своим делом и вполне себе даже оптимизированное, может быть общество. Заткнуть разобщенное общество гораздо проще, потому что оно становится безязыким, безголосым, не умеющим формулировать собственные идеи, требования, желания, перспективы.

М: В чем состоит самая главная сложность в организации сплоченности?

Д: Я считаю, если общество здоровое, когда вокруг нас живут и мы сами такие вот граждане, которые ответственны и осознанно относятся к происходящему вопросу. Вот чем больше таких граждан, тем меньше нужна сплоченность. Но эта ответственность, она приходит. Это вопрос определенной культуры, определенного воспитания реальных ценностей. Если люди осознанно относятся к мусору, соблюдению закона, осознанно относятся к тому, кто и как живет с ним в одном городе, в одном доме, интересуются людьми другими, живущими рядом с ним, то тогда не нужно это. Таково мое такое представление. А сплоченность – это скорее, как... Не хотелось бы сказать... Это защитный рефлекс, это ситуация безопасности.

С: Мне кажется, тогда люди действительно сплываются, вокруг чего-то: общей идеи, общего врага, общей цели, то есть, должно существовать доверие и ответственность между людьми. Если это всегда ситуация в нормальной жизни, но этого не происходит. Вот и это как бы не нужно.

Д: Если сплоченность существует, скорее всего, что-то пошло не так, есть какое-то внешнее: враг есть, там вот ситуация, когда надо подлечить, что-то как-то, либо люди, возглавляющие наше государство выдумали какую-то новую национальную идею ради выполнения каких-то своих целей и задач.

С: А вы знаете, а мне кажется, человек вот, когда смотришь, на самом человека нужно, чтобы у него была работа. У него был дом. Его семья имела достаток, дети ходили в школу, он мог самореализовываться, он чувствовал себя в безопасности. То есть людям нужны какие-то очень нормальные, простые, приземленные вещи. Вот и не нужно и ничего выдумывать.

М: На ваш взгляд, целесообразно делить сплоченность по разным уровням (макро, мезо, микро)?

Д: Возвращаясь к тому, о чем тоже немножко выше говорили, мне кажется, невозможно, вообще сделать сплоченным все российское общество. Я просто экстраполирую вашу метафору, да про разные уровни, хочется спросить: может ли и вся планета Земля вообще все население стать сплоченным? Я не уверен, что у меня общего, условно говоря, с жителем деревни в Индонезии или сотрудником Эмпайер-Стейт-Билдинг в Нью-Йорке. Скорее всего, ничего. Ну кроме того, что у нас как бы общий дом в общем-то, но мы об этом мало думаем, так себя не верифицируем. Поэтому мне кажется, что они, с позиции человека, если не призывать ни к какой социальной инженерии, то нет такого представления или понятия, допустим, внутри. У меня в Смоленской области, где я живу, это такой абстрактный, как считает достаточно институционализированный регион. Мы живем вообще локально. И вот я могу представить сплоченность какого-то локального переулочка, где мы живем сейчас, то мы можем быть сплоченными в рамках одного такого переулочка, в рамках одного дома.

С: Я не знаю, я пытаюсь представить себя сплоченной семьей. Вот это как бы ваш нижний уровень, который, мы говорим о семье, Это же не только папа, мама это, в любом случае, еще дети. Я уже не говорю там от двоюродных бабушек и троюродных сестрах. Когда ребенок становится подростком, его сплоченность с родителями, она всячески входит в противоречия его физическому развитию, и если он будет поддерживать сплоченные отношения со своими папой и мамой, даже если они в общем сплоченные ребята, то он так и останется подростком. Даже наверняка не подростком, а просто ребенком. Да и не станет взрослым. Вот, в связи с этим идея общественной сплоченности, она не работает даже на семейном уровне. То есть, мы ее увидим на семейном уровне, если, например, семье нужно, затянуть пояса и прожить какое-то время: какие-то год-два-три, пока скажем умирает бабушка или дедушка с раком, да? Да вся семья, объединяется, спланируется и решает проблему умирающего родственника, или там строящегося дома: тоже мы затягиваем пояса, не покупаем себе новые этот самокат, а деньги уходят на крышу, строящегося дома. Но когда проблема на уровне семьи решается, то заставлять подростков: И что ж ты такое не сплоченный? Почему же ты не разделяешь мои, отцовские ценности? Это, по-моему, немножко некорректно.

Н: Весь народ может сплотиться. Как было это во времена Советского Союза, Великой Отечественной войны. Весь народ защищал Родину.

С: Но были и ужасные моменты во время Великой Отечественной войны. Особенно в блокадном Ленинграде. Там о сплоченности речи и не шло.

Н: Но мы же не ориентируемся на таких людей. Мы именно ориентируемся и будем ориентироваться на тех людей, которые действительно человечнее, которые желают помогать, такие истории были. Я много читала и про блокадный Ленинград и то, что и вывозили сорок четвертом году крымских татар, все было.

С: Да, но не надо рассказывать, как весь народ сплотился. Понимаете, вот я только об этом, потому что весь народ не можете сплотиться. Разные люди, они по-разному живут, у них разные цели. У них разные принципы, разные мировоззрения, разные физические какие-то возможности, разные болезни психические он очень разные.

Н: Для сплоченности самое важное, чтобы у человека не было страшно в душе. Вот смотрите, обстоятельства. Да вот так будет закон там, полиция там и что? Если человек не боится внутри. Вот именно со слабаками, которые боятся всего, вот с такими трудно. А когда человек уверен в своей цели, своим желанием там защитить кого-то что-то. Вы же знаете, что у нас 83 человека были просто задержаны, когда начинали защищать гору, были и женщины, и дети были, но мы не испугались. Да было страшно, но, как говорится, за нами как бы Родина, родная земля, поэтому мы не испугались.

М: Знакомы ли вы с таким понятием, как пассивная сплоченность, когда люди согласны внутри себя друг с другом, но каких-то активных действий они не готовы выражать?

Д: Мне кажется, речь идет про апатию и про безразличие, это точно не сплоченность. Это ситуация в ожидании чего-то, отстраненности от проблемы. Все-таки, наверное, это вот больше про безличие, равнодушие. Когда вот этого очень много отстраненности. Что большинство людей в душе, не вышли и не поддерживают, а они стараются сделать вид, что не замечаете.

С: Мне кажется, это не сплоченность, это именно это про способ сберечь себя. Люди пытаются сберечь себя свою психику, потому что вот они понимают, что выступить против это не безопасно, а по-другому как-то проявить они не могут себя. Это со сплоченностью мало чего общего имеет.

Н: Все-таки считаю, что это все-таки равнодушие или трусы. Вот, когда ты вот живешь здесь рядышком, допустим, в отношении нашей даже горы люди живут местные. Вот просто равнодушный и трусоватый, потому что человек, тем более там живет. Он и должен выступить, это его дом, его земля. Это важно, тем более для города было бы это легкие нашего города, потому что там растут очень много краснокнижных растений, животных обитает. Ну, и река протекает белая, которая несет воды. Это не апатия. Это трусость и равнодушие ко всему. Главное, что у тебя есть дом. Поел, поспал, поработал. Остальное тебя не волнует.

М: Если подводить итог, на ваш взгляд, что все-таки самое главное?

Д: Историческая память? Вот коллеги из Фонда Жить Вместе, которые, я так понимаю, вы работаете, в том числе и они пытаются апеллировать к тому, что все самое хорошее было. У нас только до революции, вот все, неважно, что это, если это был просто до революции. Это хорошо. Мне кажется, немножко такое лукавство, либо незнание, как бы, да, история у нас нелинейная не черная, не белая и все, что было и после революции, отдельное событие, отдельное явление отдельные люди. Этому нельзя дать какую-то оценку просто. Но наше прошлое. Вот попытка каким-то образом сделать только все хорошее. Мне кажется, самые важные первые три-четыре фактора. Их нельзя градировать, они все разные.

Н: Я считаю, что все-таки вот это человеческая ответственная и смелость очень важные факторы в этом вопросе сплоченности. Они равномерные. Я так считаю, что оба важны.

С: Я просто думаю, что важнее при создании человеческого общества сплоченности и понимаешь, что если мы будем говорить ответственности, скажем или о доверии, то это не конечная точка, на которую натыкались много раз в нашей истории, и эту задачу никак невозможно решить, да и все время она висит в воздухе, все время ее ставят перед собой разные структуры. Как и общественные объединения стали. Мне кажется ответственность, она не берется из пустого места так же, как и доверие не берется из пустого места. Она берется из просвещения, потому что невозможно темному, ничего не знающему человеку объяснить, вообще, что он ответственен за свою жизнь. И что он должен в своей жизни найти осмысленность, найти цель. Даже не знаю, без чего нельзя? Без ума, без какого-то понимания, без умения просчитать хотя бы на два шага назад, Что сплоченность - это скорее инструмент достижения цели, А не вот самоцель.

М: Спасибо за дискуссию! До свидания!

Приложение 3. Результаты всероссийского опроса

Данные о демографическом составе выборки

Параметры	Генеральная совокупность	Доля в генеральной совокупности	Выборка	Доля в выборке	Отклонение
Пол					
Мужчины	51530623	45%	509	46%	3%
Женщины	62547289	55%	586	54%	-2%
Возраст					
18-24	9602704	8%	100	9%	8%
25-34	19730462	17%	195	18%	3%
35-44	23232910	20%	258	24%	14%
45-59	28178570	25%	257	23%	-5%
60 и старше	33333266	29%	285	26%	-12%
Регион					
Южный федеральный округ	13095261	11%	121	11%	-4%
Северо-Кавказский федеральный округ	7351800	6%	69	6%	-2%
Приволжский федеральный округ	22856828	20%	177	16%	-24%
Уральский федеральный округ	9491791	8%	63	6%	-45%

Сибирский федеральный округ	13102321	11%	105	10%	-20%
Дальневосточн ый федеральный округ	6253594	5%	86	8%	30%
Центральный федеральный округ	15 258 622	13%	128	12%	-14%
Северо- Западный федеральный округ	6827913	6%	68	6%	4%
Москва	5016073	4%	44	4%	-9%
Московская область	10 419 945	9%	198	18%	49%
Санкт- Петербург	4 403 764	4%	36	3%	-17%

Приложение 1. Карточки контент-анализа

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[WEB] Жизнь по вызову	1:04-1:19	изображение первого плана	Диалог между двумя мужчинами из светского общества в роскошном месте в Дубае. Мужчине слева подарили новый Бентли Континенталь, который тому не нужен, теперь он пытается перепродать его мужчине справа дешевле.	негативная	"на кой черт" Сцена отражает пренебрежительность элиты к предметам роскоши	10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	1:20-1:24	изображение первого плана	Собеседник замечает, что обладатель Бентли пришел на мероприятие без своей любовницы.	негативная	Тем, что молодой человек заметил, что именно "сегодня" обозначенной Тани нет, подтверждается мнение, что у богатых	10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			На это человек слева говорит, что это неподходящее место, где их легко могут заметить журналисты		людей есть связи на стороне, и что обычно Таня вместе с олигархом		
[WEB] Жизнь по вызову	1:44-1:49	изображение первого плана	Мужчина на кадре замечает, что "жена есть жена", а с любовницей он может отпраздновать свой юбилей в Москве	негативная	"на какой черт мне это надо" (негатив) В этом фрагменте показывается важность статуса жены. Наличие любовницы не сказывается на положении жены, ей отводится первое место, когда дело касается серьезных решений и мероприятий	10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	2:47-3:37	другое	Жена олигарха подарила ему на юбилей услуги	негативная	В этой сцене показывается, что Таня предстает как	10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			проститутки. Показ герой идет в номер, где его ожидает подарок, он не подозревает, что увидит перед собой свою любовницу, Таню. Позже в номер заходит сама жена и спрашивает мужа "Хочешь знать, за сколько она продалась?"		подарок, вещь, у которой есть стоимость		
[WEB] Жизнь по вызову	3:32-3:41	голосовая озвучка		негативная	"шлюха", "шкура"	10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	6:40-7:10	музыкальное сопровождение	Девушка сошла с поезда, переоделась, надела мини-юбку, ботфорты на шпильках, сделала яркий макияж и другую прическу.	негативная		10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			Она идет через здание вокзала под эротическую и размеренную музыку, поет женский голос. Пока она идет, много мужчин оборачивается и смотрит ей вслед.				
[WEB] Жизнь по вызову	7:42-9:14	изображение первого плана	Девушка человека справа (его подчиненная) украла у мужчины слева бриллиантовые запонки 12K. На вопрос "она созналась?" человек слева говорит "Да нет, конечно, я что, мент, чтобы ее	негативная	жаргонизмы "мент", "колоть"	10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
колоть?"							
[WEB] Жизнь по вызову	9:31-9:48	изображение первого плана	Шмидт возвращает украденные запонки		фраза: "баба - она как собака, палку понимает только" отражает превосходство мужского пола над женским, доминирующий патриархальный характер	10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	12:32-12:50	музыкальное сопровождение	играет иностранная музыка	негативная		10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	15:30-16:20	изображение первого плана	Героиня разговаривает с сутенером, обсуждает размер своей выручки	нейтральная	"тебе по губе, жирно будет" "мудак"		
[WEB] Жизнь по вызову	16:51-17:29	изображение первого плана	Диалог папы (Шмидта) с дочкой. Шмидт пришел домой, а она собирается уходить	негативная	Теплый разговор членов семьи. Несмотря на характер работы Шмидта, он - хороший отец,	10.10.2024	Нейтральный день
				позитивная		10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[WEB] Жизнь по вызову	19:23-19:58	изображение первого плана	на встречу выпускников.	негативная	заботится и волнуется о своей дочери	10.10.2024	Нейтральный день
			Главная героиня, Настя, пришла в офис к своим потенциальным работодателям. Они оценивают ее и говорят, что ей нужно делать (похудеть, заниматься спортом и т.д.).		поговорка "Кто на что учился", Эпитет "провинциальная" в словосочетании "провинциальная наивность" (негатив.)		
[WEB] Жизнь по вызову	20:03-20:24	изображение первого плана	Настя спрашивает, почему к мужчине обращаются "Рыбак". Женщина-секретарь объясняет это тем, что в 90-е он ходил на рыбалку с "особо отличившимися" и убивал их там.	негативная	Погоняло "рыбак" Образ мужчины с криминальным прошлым, характерным для "лихих 90-ых" Фраза "шутить изволит" (устаревш.)	10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[WEB] Жизнь по вызову	20:52-21:50	изображение первого плана	Рыбак пришел в бордель, где ранее была Настя, чтобы забрать ее паспорт. Ударил сутенера, угрожал	негативная	"с хрена ли" "Мэджик" - прозвище Шмидта (англицизм)	10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	23:05	изображение первого плана	Полицейский начал "оформлять" девушку в нетрезвом виде, подчиненную Шмидта. Но как только последний появился, то полицейский поздоровался с ним, не закончил и просто ушел	негативная	"и Вам не хворать", полицейский и Шмидт знакомы. Вероятно, полицейский покрывает дела Шмидта - образ продажного полицейского	10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	26:00-26:36	изображение первого плана	Шмидт с Рыбаком встречаются с Настей. Шмидт спрашивает ее, зачем ей эта	негативная		10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			профессия. Та отвечает, что она из провинциального города, где нечем было заняться: "...Из развлечений только троллейбусы и пивасик..." Шмидт на это ей отвечает, что сам из военного города, расположенного где-то в Тайге, где не было ни того, ни другого				
[WEB] Жизнь по вызову	27:17-29:17	изображение первого плана	К Шмидту пришел брат Насти, чтобы спасти ее от работы в этом месте. Он попросил его отпустить сестру. Рыбак избил его. Сцена насилия.	негативная	"Блять", "объясни ему политику партии"	10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[WEB] Жизнь по вызову	29:35-30:04	изображение первого плана	Шмидт сказал Насте, что та им не подходит и отпустил ее. Шмидт посмотрел на ее серьги, на которых сфокусирован данный кадр. На вопрос Рыбака, почему он ее отпустил, Шмидт сказал, что она "маленькая еще, и "сережки от Сережки""	негативная	Серьги Насти напомнили ему серьги его дочери. Эта сцена демонстрирует превалирование семейных ценностей, русский человек верен своим принципам.	10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	0:14-0:35	музыкальное сопровождение	играет иностранная музыка, поет женский голос на английском	нейтральная		10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	2:03-3:03	музыкальное сопровождение	продолжает играть та же иностранная музыка	нейтральная		10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	5:13	изображение		нейтральная	"не хворай"	10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
вызову		первого плана					день
[WEB] Жизнь по вызову	9:36-10:48	музыкальное сопровождение	играет иностранная музыка, поет женский голос на английском	нейтральная		10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	10:51-10:59	изображение первого плана	У Шмидта проблемы - недавно к нему приходили с обыском, теперь он на стрессе употребляет крепкое спиртное	негативная		10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	15:16-15:28	изображение первого плана	Шмидт дает взятку полковнику полиции, чтобы тот помог ему решить его проблему. На кадре полковник уже берет взятку	негативная	Продажные правоохранительные органы	10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	16:09-16:13	изображение первого плана	Шмидт упрекает свою секретаршу в том, что она ест майонез. Она	негативная	"Жить вообще вредно - от этого умирают"	10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			говорит, что ей плевать				
[WEB] Жизнь по вызову	17:23-18:23	изображение первого плана	Рыбак пришел разбираться с человеком, который шантажировал одну из подчиненных Шмидта. Сцена насилия и применения грубой силы	негативная		10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	19:14	голосовая озвучка		нейтральная	blowjob - английское слово	10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	4:04-4:55	изображение первого плана	Брат Насти проник в квартиру к Шмидту, чтобы снова поговорить о Насте. На вопрос Шмидта, как молодой человек попал в квартиру, тот отвечает "ну, ты	негативная	Фраза "дело техники"	10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[WEB] Жизнь по вызову	9:03-9:21	изображение первого плана	поживи с мое в провинции - куда угодно залезешь" Шмидт говорит по телефону с Рыбаком и просит его пойти в клуб вслед за его дочкой и проследить, чтобы с ней ничего не случилось. Заботится о дочери	позитивная	Фраза "отвечаешь головой"	10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	17:27	изображение первого плана	Шмидт пытается узнать у Рыбака о смерти полковника. На что тот говорит, "там все глухо, как в танке"	нейтральная	Фраза "там все глухо, как в танке"	10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Жизнь по вызову	24:55-26:45	музыкальное сопровождение	играет иностранная эксцентричная музыка, поют на английском	нейтральная		10.10.2024	Нейтральный день
[WEB] Бригада	1:40-	изображение	Вся бригада	нейтральная		09.05.2024	Патриотическ

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
	1:58	первого плана	выходит из игорного заведения, одетая в строгие костюмы				праздник, День Победы
[WEB] Бригада	2:15-2:20	изображение первого плана	Пчела советует Белому не спешить и подумать с решением, на что получает ответ, что тут все уже взрослые и не надо тянуть одеяло на себя	нейтральная	"не тяни одеяло на себя"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	3:00-3:05	изображение первого плана	Космос негодует, что Пчела работает на "черных" и отказывается иметь дело с ними, с "братвой", при этом называя его сукой, которая даже не краснеет	негативная	"братанов разводит", "с черным работает", "сука не краснеет"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	5:30-5:34	изображение первого плана	В армейской части рядом с бюстом	негативная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			Ленина стоят водка и шахматы, по радио передают новости про Горбачева, солдаты активно курят				Победы
[WEB] Бригада	6:00-6:20	изображение первого плана	Саша Белый и его сослуживец неистово радуются окончанию двухлетней службы в пограничных войсках	позитивная	"Дембель, рядовой Джураев"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	10:27-10:35	изображение первого плана	Хвастаясь своим новым авто, Космос говорит, что такая есть только у него и у Майкла Джексона, при этом пародируя знаменитый танец артиста. На это он получает	негативная	"он голубой, негр"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[WEB] Бригада			комментарий, что Джексон "голубой и негр"				
	10:46-10:50	изображение первого плана	На подобный комментарий Космос называет Пчелу расистом, на что он отвечает что "я не просто расист, я ку-клус-клан"	негативная	"я не просто расист, я ку-клус-клан", "понял меня, грязный вонючий негр?"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	12:00-12:03	изображение первого плана	Мама Саши Белого расстроена, что не успела ничего приготовить к его приезду и ей приходится кормить сына яичницей, "как беспризорника". Саша отвечает, что "в армии гвозди переваривал"	негативная	"как беспризорник", "в армии гвозди переваривал"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
	13:09-	изображение	Мама Саши не	нейтральная	"Никуда твой Космос	09.05.2024	Патриотический

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
	13:17	первого плана	отпускает его к друзьям, обижаясь, что толком не проведя времени с ней, он спешит к своей бригаде		не денется"		праздник, День Победы
[WEB] Бригада	14:18-14:30	изображение первого плана	Космос строит планы на проведение досуга, чуть не упомянув вульгарное обозначение женщин легкого поведения, но почувствовав укоризненный взгляд Фила подбирает более приличное слово	негативная	"Сперва потрещим потом по бля.. По девушкам"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	14:39-14:45	изображение первого плана	Ради развлечения, бригада обгоняет и подрезает авто с мигалкой	негативная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[WEB] Бригада	17:00-17:13	изображение первого плана	Косом заводит диалог о том, что в жизни является самым главным, получив ответ от Белого: "если скажешь бабки - получишь в рожу" шутливо отворачивается и достает травматический пистолет. "Вот что сегодня самое главное" - утверждает он	негативная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	18:20-18:27	изображение первого плана	Космос рассказывает Белому, что его девушка не дождалась его из армии и изменила ему	негативная	"она шлюха"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[WEB] Бригада	21:00	изображение первого плана	Пчела рассказывает Белому обстоятельства измены, когда приехав решать спор за торговую точку они нашли девушку в кабаке в окружении мужчин, а позже выяснили, что она работает "манекенщицей" и ее "хождение по рукам" было лишь делом времени	негативная	"Приехали на пяти машинах, все чин чинарем", "В кабаке Ленка, а с ней четверо чертей", "Космос что-то ей сказал, она в краску", "Потом справки уже навели, она манекенщицей работает, моду показывает", "Ну и аля-ля, улю-лю - по рукам пошла".	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	23:05 - 24:40	музыкальное сопровождение	В клубе играют иностранные песни: Depeche Mode и Modern Talking	нейтральная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	25:55-26:15	изображение первого плана	Саша Белый и Муха, глава враждебной	негативная	"Тебе что, других баб мало? Вали отсюда, придурок."	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			группировки, конфликтуют из-за женщины. Начинается большая драка, где Белый кастетом проламывает Мухе череп				
[WEB] Бригада	30:00:00	изображение первого плана	На базе группировки Мухи пиво доставляют в ковше экскаватора	нейтральная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	32:43:00	изображение первого плана	Саша Белый выступает с большим монолог на "поляне" врага, где требует поединка один на один, а не массовой расправы, ведь в таком случае все будет "по справедливости".	позитивная	"Вы все знаете с чего началась заводка. Я не буду ничего объяснять, это касается только меня и Мухи. Можете убить меня сейчас, но люди в городе будут знать, что вы замочили человека, который пришел решить"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
					вопрос по справедливости. Важно, что скажут люди. Если про меня или про кого-то из вас скажут, что он - фуфло: ну зачем тогда жить?"		
[WEB] Бригада	35:00 - 35:20	изображение первого плана	Саша Белый объясняет маме про плюсы и минусы собаки, проводя параллель между наличием собаки и наличием девушки	негативная	"Собака не будет тебе сначала в любви клясться, а потом прыгать по чужим койкам."	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	36:00 - 36:12	изображение первого плана	Подружка Лены рассказывает ей про драку Мухи и Белого, при этом находясь в восторге от того, что мужчины сражаются	позитивная	"Да какая разница! Прикинь, ребята из-за тебя глотки рвут, мне бы так!"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[WEB] Бригада	44:35:00	изображение первого плана	на смерть за сердце дамы Лена объясняет Саше, что два года - слишком долгий срок и она не виновата в измене. Саша задает риторический вопрос: "Кто виноват - Папа Римский?"	негативная	"Кто виноват - Папа Римский?"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
			В отделении милиции старший лейтенант пьет водку из граненого стакана	негативная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	3:00 - 3:08	изображение первого плана	Мама Саши против покупки собаки, утверждая, что эти деньги лучше потратить на взятку в институт. Саша	Позитивная	"Мамырлик	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			умоляет ее и называет маму "мамырликом"				
[WEB] Бригада	3:13 - 3:17	изображение первого плана	Саша просит маму дать денег взаймы, но она отказывается, основываясь на том, что в семье так не принято	Позитивная	"Кто дает взаймы в семье? Мы чужие что ли?"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	23:00	изображение первого плана	Пчела провоцирует драку в подпольном клубе боев без правил, из-за того, что охранник болеет не за Фила, а за его оппонента	нейтральная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	25:00:00	изображение первого плана	Коррупцированный лейтенант полиции обещает посадить охранника в клубе на пять лет за хранение оружия,	негативная	"Чтобы месяц духу твоего в Москве не было. Я тебя сам найду. Об оплате после поговорим."	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			однако за плату помогает ему залечь на дно				
[WEB] Бригада	34:05-34:15	изображение первого плана	Космос использует фуражку милиционера как импровизированный собачий лоток, после чего милиционер приходит в ярость	негативная	"Как собачку зовут, Веня? Ты не кобель, Веня, ты сука."	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	41:10 - 42:30	музыкальное сопровождение	Саша Белый из окна своего дома замечает женщину, играющую на скрипке	позитивная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[WEB] Бригада	45:20 - 45:24	голосовая озвучка	Сотрудник участка милиции на допросе Космоса изначально знает о его связях с Белым и произносит язвительную фразу	негативная	"Присаживайся пока, сядешь потом"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[ТВ] Небриллиантовая рука	1:22-2:18	изображение первого плана	насчет этого Корреспондент берет интервью у многодетной семьи. Горбунков не горит желанием уезжать. Надя с натянутой улыбкой говорит с интервьюером	позитивная	Фраза: "Дайте уже отдохнуть... всем"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[ТВ] Небриллиантовая рука	2:19-3:16	изображение первого плана	Лелик наставляет Козодоева как нужно себя вести за границей чтобы не вызывать подозрений. В числоо действий входит обильное употребление спиртного, дебош и создание дискомфорта другим пассажирам	негативная	веди себя как среднестатистический русский турист	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[ТВ]	11:41-	изображение	Горбунков	негативная	Фраза: " Да какое тут	31.12.2024	Нейтральный

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
Небриллиантовая рука	11:56	первого плана	подскальзывается, падает и нецензурно выругивается. Он наотрез отказывается употреблять негрубые литературные ругательства, считая, что в данной ситуации уместно использовать только мат		черт побери. Тут конкретное "ай ***"		праздник, Новый год
[ТВ] Небриллиантовая рука	16:39-16:52	изображение первого плана	Женщина куртизанской наружности зазывает Горбункова фразой "ай-лю-лю". Горбунков отказывается,	негативная	Фраза: "Ай-лю-лю только с женой"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			оправдываясь нахождением в браке, после чего женщина дает пощечину. После этого Горбунков переступает через принципы, соглашается и проходит в здание в которое зазывала женщина				
[ТВ] Небриллиантовая рука	25:27-27:33	изображение первого плана	Горбунков сел в такси. Мужчина за рулем сразу начал разговор задавая различные вопросы. Горбунков мечется между мыслями что это подозрительный мужчина или типичный таксист	негативная	Фраза: "Типичный таксист"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[ТВ]	37:13-	изображение	женщина на выдаче	негативная		31.12.2024	Нейтральный

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
Небриллиантовая рука	37:25	первого плана	смотрит сериал. Когда Горбунков с Михал Иванычем подходят взять обмундирование, она становится крайне недовольна, что ее отвлекают на рабочем месте, даже несмотря на то, что она сейчас не работает				праздник, Новый год
[ТВ] Небриллиантовая рука	42:16- 42:24	изображение первого плана	Управдом Варвара приходит в квартиру Горбунковых и сообщает об участии мужчины в интервью. Уточняет что надо рассказать о всем плохом в странах в которых он был. Горбунков был дружелюбных	позитивная		31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			странах, интервью из-за этого отменили.				
[ТВ] Небриллиантовая рука	44:58:00	изображение первого плана	Надя упоминает турецкого актера Серкана Болат и предается эротическим фантазиям о нем	нейтральная		31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[ТВ] Небриллиантовая рука	51:38-51:52	изображение первого плана	Козодоев предлагает Горбункову поехать на рыбалку с ночевкой. Жена смотрит неодобрительно. Горбунков отказывается	негативная	Фраза: "Боюсь жену"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[ТВ] Небриллиантовая рука	1:37:09-1:39:16	музыкальное сопровождение	отсыки на всевозможные американские фильмы под иностранную музыку	нейтральная		31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[ТВ] Небриллиантовая рука	1:59:33-2:01:16	изображение первого плана	Горбунков встречается "квадроберов"	негативная	Мужики, это как то не по-нашему, не по-христиански", "что угодно придумают, лишь бы не работать"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[ТВ] Небриллиантовая рука	2:06:53-2:07:10	изображение первого плана	Полковник отчитывает Михал Иваныча за его действия и напоминает что тот находится в штабе только потому что женился на его дочери (полковника)	негативная	Фраза: "Напомни, почему я здесь тебя держу?"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[ТВ] Небриллиантовая рука	2:11:50-2:11:53	изображение первого плана	Полковнику сообщают о нескольких одинаковых китайских машинах.	негативная	А не дохунцы у нас "Хунцы" на дорогах?	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[ТВ] Небриллиантовая рука	2:14:45-2:16:29	изображение первого плана	Комната украшена к новому году в типичном русском	нейтральная		31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			стиле: нарядная елка на которой висит все подряд, столнакрытый к празднику, включенный телевизор с отсчетом до нового года				
[ТВ] Диверсант	1:39-1:43	голосовая озвучка	Майор дает приказания по транспортировке раненых с поезда: "тяжелых" во 2ой и Зий, "легких" в бой. Когда ему говорят, что мест уже нет, все равно заставляет выполнять приказания, которые он дал. Всю сцену играет	нейтральная	"тяжелые", "легкие" в значении раненных военных	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[ТВ] Диверсант	2:27 - 2:50	изображение переднего плана	армейский духовой оркестр Солдаты подходят утешить медсестру, интересуются, кто ее обидел, спрашивают показать обидчика. Медсестра указывает на майора, который отчитал ее ранее за невнимательность. Сержанты опешивают	нейтральная	"Ну что, младшие сержантики, кишка тонка?"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
			Сержанты просят медсестру подбросить их до Крындино, она отказывается, так как перевозит раненых, а сержантам				
[ТВ] Диверсант	2:54 - 3:03	изображение переднего плана		нейтральная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			наказывает идти с колонной, как им и положено. Один из сержантов язвит: "кому пешочком, а кому с ветерочком"				
[ТВ] Диверсант	3:10 - 3:15	голосовая озвучка	Пока солдаты уходят, за кадром они ведут диалог: - "Я похоже ей понравился" - "Так отшила же" - "Отшила правильно, по уставу"	негативная	"отшила"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[ТВ] Диверсант	4:50 - 4:54:00	изображение переднего плана	На попутке солдаты по пути встречают кратер от взрыва и комментируют увиденное	негативная	"Приехали к чертовой матери", "Приехали с орехами", "Двухсотка рванула"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[ТВ] Диверсант	7:43-7:45	голосовая озвучка	Попутку начинают обстреливать немцы. На вопрос откуда, сержант-	негативная	"Откуда? От верблюда"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			попутчик Алеша в неуместной язвительной форме отвечает - "От верблюда"				
[ТВ] Диверсант	11:37 - 11:53	изображение переднего плана	Алеша предлагает забрать документы мертвого разведчика и притвориться им, жалуясь на то, как плохо служится в пехотных войсках	негативная	"У нас в пехоте что - сиди в окопе да вшей дави. Жди пока тебя танком проутюжит. А мне обязательно в Берлин попасть надо, а с разведкой туда самая короткая дорога."	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[ТВ] Диверсант	13:42	музыкальное сопровождение	в разведывательном штабе играет детская песня	нейтральная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[ТВ] Диверсант	17:15 - 17:25	изображение переднего плана	Леня спрашивает Алешу, почему надо скрывать, что они убили немцев, ведь "Родина героев не"	негативная	"Всякое бывает"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			карает", на что получает ответ, что "Всякое бывает"				
[ТВ] Диверсант	22:05 - 22:07	голосовая озвучка	Подполковник спрашивает Алешу, был ли он в Берлине, на что тот решительно отвечает "Я там буду"	нейтральная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[ТВ] Диверсант	24 51	изображение переднего плана	Командир обещает разведчикам лучшие условия службы под его руководством	позитивное	"У Колтыгина не служба - малина!"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[ТВ] Диверсант	34 22	музыкальное сопровождение	На патифоне включают классическую музыку	нейтральная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[ТВ] Диверсант	37 14 - 37 24	изображение переднего плана	Похитив не того немецкого майора, Колтыгин выругивается на	негативная	"Твою мать, в такую даль тащили", "Вы-то куда смотрели!?", "Это вы у меня без	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			своих подчиненных		сознания, бараны тупологовые"		
[ТВ] Диверсант	38 20	изображение переднего плана	Колтыгин отказывается убивать немца, когда тот просит пощады, иначе его пожилая мама не переживет потери	позитивное	"Мама... так о маме раньше нужно было думать. Ладно."	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[ТВ] Диверсант	42 18	голосовая озвучка	Узнав, что они окружены, Колтыгин объявляет об этом русской прибауткой	нейтральная	"Все - мы в колечке, как пирожок в печке"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[ТВ] Диверсант	43:45:00	музыкальное сопровождение	на патифоне снова включают немецкую музыку	нейтральная		09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы
[ТВ] Диверсант	46 57 - 47 07	голосовая озвучка	В совестком штабе раздор - подполковник и генерал ругаются о получении данных артиллерии противника	негативная	"Данных с гулькин нос", "Вы продолжаете кормить меня один и тем же завтраком, а он давно протух"	09.05.2024	Патриотический праздник, День Победы

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[ТВ] Невский. Близкий враг	00:44 - 1:40	изображение второго плана	Встреча мужчин в фудкорте под пиво, гостинец из Сибири - медвежья тушенка	позитивная	"Через всю Россию вам подарок вез... Сам закатывал"	10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	2:57	голосовая озвучка	"Гостинец" взорвался	негативная	"Питер - криминальная столица"	10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	04:31 - 4:35	голосовая озвучка	Герои обсуждают застолье в честь юбилея	позитивная	"Ко мне гости из Ярославля приедут, а я им бутерброды с колбасой, меня же пацаны не поймут"	10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	7:38 - 9:10	изображение второго плана	Серьезные богатые мужчины в костюмах обсуждают свои дела за порцией корюшки в ресторане у ректорского флигеля	позитивная	"У вас денег куры не клюют"	10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	12:50	Изображение второго плана	Преступники проводят время с	позитивная	"В Питере сибиряком назовут, а в Сибири -	10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
			пивом и шашлыком в беседке		питерцем"		
[ТВ] Невский. Близкий враг	13:50	изображение первого плана	Местные сибиряки встречают друга из Петербурга пельменями и прогулкой по городу	позитивная		10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	15:15 - 16:43	голосовая озвучка	Серьезный богатый мужчина прилетает в Сибирь посмотреть на бизнес своего коллеги - идет диалог между ними по телефону; серьезного богатого мужчину принимают не так тепло; местный бизнесмен на грани банкротства применяет насильственные методы для оплаты	негативная	"Честно говоря, я был уверен, что вы меня лично встретите, но я все понимаю - все мы, как говорится, деловые люди"		
						10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[ТВ] Невский. Близкий враг	17:54 - 18:02	голосовая озвучка	долгов Главный герой полицейский убежден, что в Красноярском крае преступники, взорвавшие двух людей, и здесь что-то произойдет	нейтральная	"Сплюнь, щас накаркаешь здесь"	10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	30:08	голосовая озвучка		позитивная	"не звонят, а звонят"	10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	31:02	голосовая озвучка	полицейский родом из Ярославля планирует свой праздник	негативная	"Я в главке работаю, девушка, вы головой думайте, с кем и как разговариваете"	10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	34:32; 41:12	изображение второго плана	полицейский родом из Ярославля празднует юбилей вместо того, чтобы работать - его наказывают во время празднования	негативная		10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[ТВ] Невский. Близкий враг	39:23	музыкальное сопровождение; изображение первого плана	игра на сибирском губном инструменте; преступники устраняют своих слабых	негативная		10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	48:58	Изображение второго плана	гид по Минусинску в честь 200-летия города	позитивная	"Здесь самый вкусный помидор в Сибири"	10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	3:49	изображение второго плана	поедание огурцов во время преступных деяний	негативная	"Сперва дело..."	10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	8:44 - 9:19	изображение первого плана	Попытка богатого мужчины сесть на диету	позитивная	"А хлеба точно нельзя?"	10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	14:20	изображение второго плана	женщины в петербурге занимаются боксом	позитивная		10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	19:23 - 20:34	голосовая озвучка	Повышение полковника; генерал-лейтенант предупреждает об ответственности	негативная	"служу где родина прикажет"; "справишься - я тебя не брошу, подведешь - сгною" (в конце	10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
					серию выясняется, что полковник утопил женщину, видимо, генерал-лейтенант об этом знал)		
[ТВ] Невский. Близкий враг	20:41 - 20:51	голосовая озвучка	Полковник звонит жене, говорит ей накрывать на стол, чтобы отпраздновать повышение (с коньяком)	позитивная		10.10.2024	Нейтральный день
[ТВ] Невский. Близкий враг	26:41 - 27:24	голосовая озвучка	на пропажу женщины полицейский родом из Ярославля реагирует холодно и равнодушно; оказывается, это племянница главы администрации района пропала три месяца назад	негативная	"У вас в Ярославле все такие ленивые или нам с тобой повезло так?"	10.10.2024	Нейтральный день

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[WEB] Чикатилло	5:06	голосовая озвучка	Ответ полицейского на распросы продавщиц об очередном убийстве в Ростовской области	негативная	"Шо, шо... П****ц, вот шо"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[WEB] Чикатилло	16:08 - 17:08	голосовая озвучка	слухи жителей о маньяках	негативная	"говорят, их там целая банда, оттуда, с запада", "это зэки с урановых рудников, они облученные, смертники, считай - вот и мстят всему свету"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[WEB] Чикатилло	20:10	голосовая озвучка	Ростовский полицейский недоволен приездом московской команды для расследования нераскрытых убийств в	негативная	"суки московские"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
[WEB] Чикатилло	22:34	голосовая озвучка	ростовской области Ответ московского полицейского на отказ своего коллеги-ученого распить водку	позитивная	"Понимаю, Великий Пост"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[WEB] Чикатилло	25:54	изображение первого плана	Охранник на рабочем месте собрался пить водку	негативная		31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[WEB] Чикатилло	28:30	голосовая озвучка	Хулиган о "дураках", как его назвал полицейский на допросе	негативная	"Дуракам закон неписан, кому писан - то нечитан, кому читан - то непонят"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[WEB] Чикатилло	3:42 - 5:50	голосовая озвучка	слухи жителей о маньяках	негативная	"сектанты", "они специально маленьких деток убивают - у них органы внутренние здоровые, вот они эти органы вырезают и за границу отправляют, в	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год

Название телепрограммы	Время показа элемента (xx:xx – yy:yy)	Тип представления (голосовая озвучка, музыкальное сопровождение, изображение первого плана, изображение второго плана)	Текстовое описание представления	Тональность представления: позитивная, негативная	Дополнительные комментарии (поговорка, высказывание, ругательство и пр.)	Дата показа	Тип дня показа
					чемоданчиках специальных со льдом, а у них там только почка сто тыщ долларов", "своими руками удавил бы, п*****а"		
[WEB] Чикатилло	9:38	голосовая озвучка	женщина-лейтенант объясняет своему московскому коллеге, за что она будет получать наказание от начальства	негативная	"любая инициатива наказуема, - впрочем, как и везде"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[WEB] Чикатилло	22:38 - 22:56	голосовая озвучка	при разговоре с капитаном полицейский, ниже по чину, постоянно поправляет матерную речь	негативная	"как угонщик этот пробрался, нас теперь так и др... простите, сильно проверяют", "да хер... простите, пес его знает"	31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год
[WEB] Чикатилло	36:55 - 38:00	изображение первого плана	Ростовские полицейские пьют на рабочем месте	негативная		31.12.2024	Нейтральный праздник, Новый год

